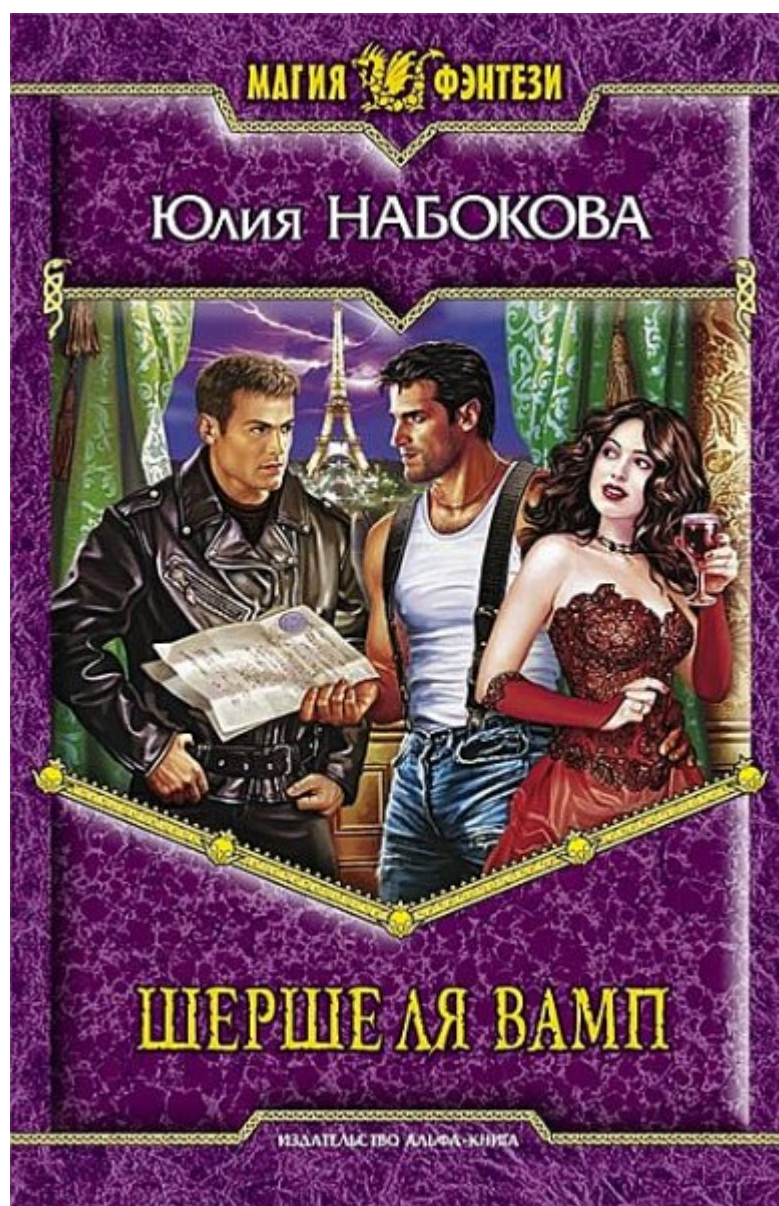

Юлия Набокова
Шерше ля вамп

VIP значит вампир – 2

«Шерше ля вамп»: Альфа-книга, Армада; Москва; 2009
ISBN ISBN 978-5-9922-0503-9

Аннотация

Новый роман «Шерше ля вамп» Юлии Набоковой, это продолжение городского фэнтези про вампиров.

Не успела Жанна Бессонова толком освоиться в элитарном Клубе бессмертных, как приходится срываться с места и лететь в Париж. Отныне она — богатая наследница процветающих предприятий, особняков по всему миру и старинного замка в предместье Парижа. Вот только что за таинственные незнакомки собираются в этом замке после полуночи? Чего боятся парижские вампиры? И как дорого придется заплатить за роскошное наследство?

Юлия Набокова Шерше ля вамп

Пролог

Краткие выдержки из международного Пражского договора 1956 года

— Преступления и меры наказания

- Человеческая жизнь неприкосновенна.
- Наказание за убийство — ликвидация.
- Покушение на жизнь приравнивается к убийству и влечет за собой наказание, соразмерное ему.
- Приговор приводится в исполнение, когда вина преступника полностью доказана.
- Вина преступника считается полностью доказанной — при наличии весомых улик, а также в результате взятия с поличным, чистосердечного признания или ментального допроса.
- Следствие по делу об убийстве проводится местным отделением Гончих.
- Решение по делу принимается общим голосованием всех старейшин и Гончих местного отделения Клуба.
- В исключительных случаях, когда вина преступника не вызывает сомнений и при наличии его чистосердечного признания, решение о наказании может быть принято на основании двух голосов — одного от старейшин и одного от Гончих.
- Приговор приводится в исполнение руководителем местного отделения Гончих.
- В том случае, если обвиняемый и потерпевший принадлежат разным отделениям Клуба, расследование проводится при участии обоих отделений Гончих, решение о наказании принимается Советом старейшин и Гончих со стороны потерпевшей стороны и подлежит одобрению Высшего суда.

— Положения о ментальном допросе

1. Ментальный допрос — воздействие высокого риска.
2. Метод ментального допроса применяется в случаях особой необходимости — когда иными другими способами установить истину не представляется возможным.
3. Предложение о ментальном допросе выдвигается руководителем отделения Гончих, ведущих расследование.
4. Решение о ментальном допросе принимается старейшинами на основании большинства голосов.
5. Перед началом ментального допроса обвиняемый должен быть поставлен в известность в отношении рисков, связанных с проведением процедуры допроса.
6. Обвиняемый не может отказаться от процедуры ментального допроса, но может отменить ее, сделав чистосердечное признание.
7. Процедура ментального допроса проводится двумя дознавателями из числа Гончих или старейшин, один из которых представляет сторону обвинения, другой — сторону защиты, в присутствии не менее двух наблюдателей со стороны старейшин.
8. Процедура ментального допроса может быть прервана наблюдателями со стороны старейшин в случае возникновения риска для жизни обвиняемого.

— Положения о Высшем суде

— Высший суд является высшей судебной инстанцией, принимающей решения по спорным международным вопросам.

— Высший суд составляют двенадцать старейшин, выбранных произвольно из числа действующих старейшин всех отделений Клуба, за исключением тех отделений, интересы которых затронуты в деле.

— Для принятия решения судьям должны быть предоставлены все результаты расследования.

— В целях объективности решения голосование является закрытым.

— Решение Высшего суда обжалованию не подлежит, однако может быть пересмотрено при предоставлении новых материалов по делу.

Глава 1

Вампирский Новый год

Новый год вампиры отмечали с королевским размахом. Для торжества выбрали самый роскошный из ресторанов Клуба — «Версаль». Снаружи стояла пушистая елка в шикарном наряде из рубиново-красных шаров и хрустальных бус. Макушку ее венчала блестящая золотистая корона. Снежинки, ложась на ветки и глянцевые бока шаров, казалось, одевали ель в королевскую мантию. С уличной красавицей соперничала «хозяйка дома» — та, которой предстояло свысока взирать на танцующие пары, горделиво демонстрировать елочные игрушки, всю ночь до самого утра выслушивать поздравления и тосты и удивляться тому, какое сокровенное значение гости придают смене календаря. Ель, стоящая в банкетном зале, пестрела игрушками и шарами самых разных мастей. По традиции каждый из вампиров, присутствующих на вечеринке, заранее приносил одну игрушку для украшения ели — самую памятную ему, самую любимую.

Я выбрала золотую рыбку — игрушку из моего детства — и теперь, стоя у переливающейся огнями елки, пыталась разыскать ее среди нескольких сотен стеклянных снегурочек, забавных зайцев и медведей, сов и попугаев, гномиков и фей, шишек и шаров всех цветов радуги.

— А вон мой! — Рукой в перчатке Аристарх указал на изящный домик, припорошенный снежной пылью. Окошко домика светилось нарисованным светом.

Я взглянула на сияющее лицо деда и улыбнулась. Как символично: я все еще верю в чудеса и принесла золотую рыбку, а Аристарх, мечтавший о домашнем очаге и семье, повесил на елку домик. Его мечта сбылась в уходящем году — он нашел родных. Сына, который никогда не узнает о том, что Аристарх — его отец, и внучку, которая разделит с ним горести и радости вампирской жизни.

Роман между Аристархом, тогда еще рядовым французским дипломатом, и бабушкой Лизой, тогда еще советской студенткой, завязался пятьдесят три года назад во время визита комсомольской делегации в Париж. Мой папа до сих пор не подозревает о своем истинном происхождении и считает отцом бабушкиного мужа Михаила. Правда открылась случайно: увидев вампира Аристарха в известном ток-шоу, бабуля пришла в крайний ажиотаж и принялась уверять меня, что мой босс (я тогда только-только уговорила вампира взять меня в редакцию мужского журнала, который он возглавляет) — вылитый Александр, с которым она познакомилась в Париже в молодости. А потом бабуля проговорила, что француз был не просто знакомым. Аристарх, поставленный перед фактом, своей вины не отрицал. Напротив, страшно обрадовался известию о том, что у него есть сын, а тем более внучка в моем лице. По его настоянию пришлось даже семейное застолье устроить. Разумеется, мои родственники не в курсе существования вампиров. Правила вампирского Клуба сродни правилам бойцовского. Помните, как в кино? Никому не говори о Клубе. У нас то же самое. Поэтому Аристарх был представлен в качестве моего жениха и совершенно очаровал все мое семейство. Теперь никто из родственников не удивляется тому, что Аристарх то и дело бывает у меня в гостях. Только никому невдомек, что за закрытыми дверями мы не

любовным утехам предаемся, а листаем семейные альбомы, смотрим домашнее видео и беседуем о бабушке Лизе и папе. То-то родители удивились бы!

А мое желание? Я наконец-то отыскала взглядом рыбку, взобравшуюся под самый потолок. Рядом с ней парил прекрасный фарфоровый ангел — игрушка такой тонкой работы, что ей, должно быть, было не меньше ста лет. О чем мне попросить рыбку? Какое желание загадать под бой курантов? Я еще не решила. Разве что попросить покоя? Жаль, что к жизни не прилагается гарантия, как к туфлям «Джимми Чу». Я бы не отказалась от спокойствия и благополучия на ближайшие триста шестьдесят пять дней.

В последние месяцы уходящего года потрясения следовали одно за другим. Я стала вампиром, я нашла среди вампиров своего настоящего деда, моего парня Глеба убили, моей жизни не раз угрожали, и, защищаясь, мне самой пришлось убивать. После той ночи на фабрике, когда мы схлестнулись в поединке с Жаном — вампиром, встреча с которым изменила всю мою жизнь, я практически не выходила из дома, проводя дни за чтением журналов в обнимку с моей кошкой Маркизой. Подруг у меня почти не осталось. Соседка Настя, оказавшаяся волшебницей, меня избегала — вампиры и маги издавна не выносили друг друга. Бывшая коллега по риелторскому агентству Саша, с которой мы были раньше неразлучны, теперь пропадала на свиданиях с Ирвингом — вампиром из числа Гончих, выполняющих в вампирской структуре роль суда и следствия, а заодно тайком избавляющих город от преступников, выкачивая из них кровь до последней капли. Разумеется, Саша не подозревала о том, кто этот мужественный блондин на самом деле, как не имела представления о том, кем стала я сама. События той ночи, когда Саша оказалась в заложницах у Жана, были аккуратно стерты из ее памяти. А вот симпатия к Ирвингу осталась... Увлечение Саши меня тревожило, но когда я попросила главу Гончих, Вацлава, поговорить со своим подчиненным, тот резко отчитал меня, чтобы я не вмешивалась не в свое дело.

— Ну если с Сашкой что-то случится!.. — вспыхнула я.

— Ирвинг ее в обиду не даст, — отрубил Вацлав, и на этом разговор был окончен.

Накануне Нового года вампирский бомонд был занят подготовкой к главной вечеринке, а у меня не было желания даже на то, чтобы выбрать себе платье. Аристарх регулярно заезжал ко мне, докладывая о новых коллекциях в московских бутиках и искушая каталогами, а я смотрела на него в недоумении. Не так давно я убила человека, а он толкует мне о новом платье! Вся моя жизнь изменилась так стремительно, что я не могла найти себе места. Жить так, как раньше, я уже не могла. Жить по-новому еще не научилась. Я пообещала себе, что первого января начну новую страницу своей жизни. И от этого момента меня теперь отделяло меньше часа.

Весь вампирский свет был уже в сборе. Зал на пятьсот человек оказался полон, и половина из этих пятисот была мне знакома если не по прежним вечеринкам, то по страницам газет и выпускам светской хроники. Актеры, спортсмены, телеведущие, модели... Отсутствовали только поп-звезды. В эту ночь они традиционно давали концерты, а публика и знать не знала, кто на самом деле перед ними.

Бывшая супермодель, а ныне старейшина Моника блистала в красном платье от Валентино, и на ее смелый разрез заглядывались все вампиры в зале. Интересно, куда смотрит ее парень Влад Карасик? И где он сам, кстати? Аристарх и тот чуть шею не свернул, провожая взглядом итальянку.

Даже Светлана, или Лана, предпочитавшая обычно джинсы и майки, для новогодней ночи выбрала женственное кружевное платье цвета лаванды и выглядела сногшибательно. Когда-то именно с появления этой задорной вампириши на пороге моего дома и началось мое посвящение в тайны Клуба. Именно Лана рассказала мне, как у них все устроено, и ввела в курс дел.

Вокруг Ланы мотыльком вился психолог Владислав — неизменно элегантный и утонченный. Поболтав с ней немного, я отошла в сторону — если у этих двоих что-нибудь получится, я буду только рада. Лана тяжело переживала смерть Глеба, с которым у нее в

прошлом был роман, и впервые с его похорон вышла в свет. Надеюсь, Владислав не даст скучать ей этим вечером, и, хочется верить, его интерес к ней не сугубо профессиональный.

Я обвела взглядом толпу, выискивая вампира, которого я сегодня очень хотела бы увидеть... Но, очевидно, у Вацлава нашлись дела поважнее, чем пить шампанское и водить хоровод вокруг елки. Ни его, ни кого-то из его команды на празднике в «Версале» не было.

Мой взгляд задержался на влюбленной парочке, воркующей за столом. Супруги Нелли и Оскар, которых можно принять за молодоженов, с нежностью держались за руки. По ним и не скажешь, что они вместе уже семьдесят пять лет. Бывают же и среди вампиров примеры вечной любви! Нелли и Оскару можно только позавидовать... А не попросить ли у рыбки такой же любви?

— О чем задумалась? — Аристарх схватил меня за руку и увлек в хоровод, в котором кружили вокруг елки уже порядком захмелевшие вампиры. Каждый раз, делая круг, я торопилась отыскать глазами знакомую игрушку, парившую почти под самым потолком рядом с фарфоровым ангелом. И рыбка, поблескивая золотым бочком, словно обещала мне: все будет хорошо!

Хоровод распался за несколько минут до полуночи, и все вдруг бросились врассыпную, торопясь раздобыть шампанское. Растворился в толпе и Аристарх, пообещав вернуться с бокалом. Попросить, что ли, у рыбки, чтобы весь год был таким же беззаботным, как сегодняшний вечер?

— Как ты быстро! — Я взяла протянутый мне бокал и только потом подняла глаза. Кровь забурилась, как пузырьки в шампанском. Вацлав! И, как всегда, верен себе. Ни костюма по случаю праздника, ни смокинга. Даже куртку не снял, словно заскочил в ресторан всего на минуту. Хотя что-то в нем не так. Ба, да он же побрился! Впервые с момента нашего знакомства вижу его без щетины. Вдруг захотелось коснуться его щеки рукой, почувствовать, какова на ощупь его кожа...

— Ты отлично выглядишь. — Он скользнул взглядом по моему декольте.

— А ты все-таки пришел. — Я улыбнулась, глядя, как в его темных глазах отражаются мерцающие огоньки гирлянды, и, взяв его за руку, потянула к елке. Он с удивлением последовал за мной. — Какая из них твоя?

— Дурацкая традиция, — он усмехнулся.

— Только не говори, что ты явился без игрушки! — притворно ахнула я.

Впрочем, если он и не собирался приходить, а решился в последний момент...

— Вон та. — Он указал взглядом под потолок, где переливалась в свете огней золотая рыбка.

Это моя, хотела возразить я, но вдруг поняла:

— Ангел?

Он кивнул.

— Он необыкновенный, — завороченно заметила я.

— А твоя?

— Угадай!

Он покрутил головой и уверенно ткнул в игрушечную алую туфельку, принадлежавшую Монике.

— Холодно! — рассмеялась я.

Забили куранты, и мы торопливо чокнулись бокалами, а потом неловко поцеловались в щеку. Моя помада оставила на его коже алый след, прикосновение его губ легло на мою кожу легким ожогом. Мое сердце забилось золотой рыбкой, выброшенной на асфальт, но чуда не произошло. Вацлав отстранился, а я залпом опрокинула в себя шампанское, даже не почувствовав его вкуса и забыв о том, что надо загадать желание. Интересно, а он успел? Губы Вацлава шевельнулись, но расслышать, что он говорит, было невозможно из-за гвалта поздравлений и грянувшей с наступлением полуночи мелодии «Аббы» Happy New Year. Хорошо хоть вампиры кричат «с Новым годом, с новым счастьем!», а не «с Новым годом, с новой кровью», про себя отметила я, наклоняясь к Вацлаву:

— Что?

Но тут к нам подскочил Аристарх, и я окончательно оглохла от его поздравления, которое он прокричал мне прямо в ухо. Поняла только, что он очень рад тому, что старый год подарил ему меня, что новый год уже начался для него счастливо — потому что он встречает его со мной. Наконец Аристарх заметил Вацлава:

— О, и ты здесь? С Новым годом, с новым счастьем! А это тебе! — Дед обернулся ко мне и сунул в руки бархатную коробочку.

Внутри оказались изумительные золотые сережки с сапфировыми капельками.

— Ого! — вырвалось у меня.

— Помнишь, я говорил, что к твоим глазам подойдут сапфиры? Давай помогу надеть!

Аристарх засуетился, оттесняя меня от елки, а Вацлав бросил: «Ну, я пошел» — и развернулся, чтобы уйти. Как, вот так, сразу? Я еще не успела возмутиться, как рука уже потянулась к нему.

— Может, останешься? — Я удержала его за локоть.

Аристарх, которого я нечаянно толкнула, уронил вторую сережку и присел на корточки, шаря рукой у наших ног. Вацлав наклонился, поднял сережку, укатившуюся под елку, и шагнул ко мне. Так близко, что я видела свое отражение в его глазах. Всего лишь на мгновение. Потом он наклонился ко мне, заправил прядь моих волос за ухо и вдел в мочку сапфировую капельку.

От этого его движения я захмелела больше, чем от выпитого залпом шампанского. Смешавшись, я опустила глаза и заметила блестящий уголок небольшой подарочной упаковки, выглядывающей из кармана его куртки. Сердце сделало радостный кульбит. Неужели этот подарок — мне?

Перехватив мой взгляд, Вацлав вспыхнул и задвинул упаковку в карман. Вкус шампанского во рту вдруг сделался горче полыни. Размечталась! А то ему некому больше подарки дарить. Не для меня он выбирал в магазине эту милую вещицу, не для меня упаковывал ее в искрящуюся фольгу, не меня хотел ею порадовать... Интересно, какой подарок приготовил Вацлав для своей любимой? Духи? Наручные часики? Браслет?

— Сапфиры очень идут к твоим глазам, — отрывисто сказал он, глядя куда-то в сторону.

«Зачем ты пришел?» — хотелось закричать мне, но я улыбнулась и сказала:

— Спасибо. Аристарх знает толк в драгоценностях.

Вацлав коротко кивнул, а Аристарх польщенно просиял:

— Я же говорил, что сапфиры — это твой камень!

— Веселого Нового года, — уронил Вацлав и развернулся, чтобы уйти.

Но я уже не делала попыток его остановить. Он пришел не ко мне и торопился туда, где его ждут. К той, для кого выбирал подарок. К той, ради кого побрился впервые с тех пор, как я его знаю.

— Уже уходишь? — окликнул его Аристарх.

— Работа, — соврал Вацлав и растворился в толпе гостей.

Пробка от шампанского пролетела над моей головой и ударила в елку, прицельным залпом разбив одну из игрушек. Аристарх ахнул. Желтые осколки золотой рыбки упали мне под ноги.

Тоже символично. Желание, которое я так и не осмелилась загадать, никогда не сбудется.

Я поблагодарила Аристарха за подарок. Я танцевала до самого утра. Я пила шампанское, пытаюсь заглушить горечь. Я не помнила, как оказалась дома. Наверное, меня привез Аристарх.

А через несколько дней на пороге объявился французский нотариус.

Вацлав

Если потребуется, он отдаст за нее жизнь — легко, не задумываясь, в надежде на прощальный поцелуй, и слезы на ее щеках станут ему наградой. Когда она успела занозой впиться ему в сердце? Уж точно не в их первую встречу, когда у нее, новенькой, пробудился дар к ясновидению и Лана позвонила ему. Он помнил, как Жанна зашла в их микроавтобус — растерянная, испуганная, но при этом отчаянно храбрящаяся. Все эмоции читаются на накрашенном личике — и к телепатии прибегать не надо. Он на нее произвел впечатление Серого Волка. Что ж, Красная Шапочка, не будем тебя разочаровывать...

Он выгнал своих ребят из салона, остался с ней наедине и изложил суть дела. Никакой симпатии к растерянной девчонке тогда не шевельнулось — она была лишь ключом, который мог привести к преступнику. И когда она не смогла ничего обнаружить на месте убийства Софии, он и впрямь разозлился. Чтобы предвидение проявилось в полной мере, ей была нужна свежая кровь, а девчонка глядела на него, как на монстра, когда он привел ей парочку влюбленных на выбор. Пришлось надавить на нее, и она с миной отвращения на лице выпила два глотка из вены парня, а потом, захмелев от крови, припала к ране... И нечего тут стесняться — такова их природа. К его разочарованию, и это не помогло: даже насытившись, мнимая ясновидящая не смогла найти никаких следов убийцы.

Он отвез девчонку домой и стер воспоминания об их встрече из ее памяти — вряд ли бы старейшины одобрили его методы, тем более что с этой новенькой все было непросто с самого начала. Поцелуй был лишь частью стандартной процедуры, так было проще всего затуманить ей мозги и проникнуть в ее память. Можно было обойтись и без поцелуя, но девочка не вызвала в нем отвращения, к чему привередничать? Прикосновение губ — и в ее голове поселилась черная дыра, поглотив воспоминания о минувшем вечере. Вот только он почему-то не смог оторваться от Жанны сразу — и жадно глотал ее дыхание, и насытиться никак не мог. Дверь подъезда захлопнулась — не за девчонкой, за его спиной. Невозможно выпустить новенькую из рук, никак не разомкнуть губ. Наваждение какое-то! Он поднимется всего лишь на этаж — и уйдет. Но он опомнился только тогда, когда они очутились у ее двери.

— Зайдешь? — Новенькая подняла на него затуманенные глаза и неловко хихикнула. — Ты ведь не можешь войти без приглашения?

Да если бы он захотел войти, разве его удержали бы двери? Она зазвенела ключами и скользнула за порог, бросив игривый взгляд через плечо. Он остался стоять на месте, сгорая от желания. Каких сил это ему тогда стоило!

— Ну что же ты? — Она выжидающе обернулась. — Входи, я тебя приглашаю.

Все тот же затуманенный взгляд, распухшие от поцелуев губы... Больше всего на свете ему хотелось шагнуть к ней, сгрести в объятия и не выпускать до рассвета, дотошно исследуя впадинки ее тела, изучая созвездия родинок, скрытых под одеждой, не размыкая губ, не отрывая рук. Но тогда он бы и вечность спустя не простил себе, что воспользовался ее беспомощностью. Затуманенный взгляд — не от страсти, от гипноза. Он подчинил себе ее разум, и тело подчинилось тоже. Испуганная девочка, которую он заставил выпить живой крови в машине, ни за что не пригласила бы его к себе. И уж наверняка не стала бы с ним так неистово целоваться.

Жанна шагнула к нему, недоумевая, почему он медлит. Он притянул ее к себе, чтобы последний раз вобрать тепло ее губ. Ладонь запуталась в ее растрепавшихся волосах, словно не желая с ними расставаться. Каждая минута была преступлением над волей Жанны, но он никак не мог от нее оторваться. Наконец еще раз взглянул в ее глаза с расширенными зрачками и повторил:

— Ты забудешь обо всем, что произошло этим вечером. С того момента, как ты решила позвонить Светлане. Поняла? Тебе ни к чему это помнить.

Она покорно кивнула и сонно сомкнула глаза. Он легонько толкнул ее через порог, проследил, чтобы она закрыла замки, и глубоко вдохнул, пытаясь унять галопом скачущее сердце. Да что с ним такое? Впервые в жизни, с тех пор, как не стало Эвелины, в нем проснулась нежность. Это светлое, бьющее через край чувство ни с чем нельзя было

перепутать. О новенькой вампирше хотелось заботиться, ее хотелось оберегать. Ну не глупость ли, что старейшины всерьез опасаются ее и готовы видеть в ней зверя? Она же девчонка совсем. И как ее только угораздило связаться с Жаном и попасть в их гадюшник!

Он вздрогнул, услышав, как загремел замок в соседней двери. Сколько он простоял у квартиры Жанны, прислушиваясь к ее сонному дыханию? Из двери вышла блондинка в розовом велюровом костюме, настороженно взглянула на него. Подруга, понял он. И еще кое-что понял мгновение спустя. Блондинка напряженно замерла, и ее глаза гневно сузились.

— Что ты здесь забыл, вампир? Забудь сюда дорогу! Если я тебя еще раз здесь увижу...

— Спокойной ночи, магиня. — Он отвесил шутливый поклон, развернулся и зашагал к лестнице.

На устах еще играла улыбка, адресованная волшебнице, а сердце тревожно сжалось. Блондинка еще не знала, что соседка стала вампиром, а значит, прежней дружбе пришел конец. Маги вампиров на дух не выносят. Впрочем, вампиры платят им той же монетой.

Наваждение повторялось всякий раз, когда они оказывались вместе. И всегда — так некстати! Это Глеб привел его домой к Жанне второй раз. Вот дверь подъезда, у которой они целовались, вот лифт, который тогда проигнорировали, вот дверь квартиры, куда он тогда не посмел войти, а вот она сама — улыбается Глебу и мгновение спустя настороженно изучает его. Он замер на пороге, вдруг испугавшись, что воспоминания об их первой встрече, которые он стер, оживут и она его узнает, и в то же время отчаянно этого желая.

Не узнала, не вспомнила...

Познакомились заново. Обмен приветствиями превратился в словесный поединок. Она не хотела пускать его в дом, пришлось войти самому. Не предложила тапочек, не проводила в комнату. Каждый ее сердитый взгляд, адресованный ему, кричал: «Уходи!» А он дерзил и еще больше выводил ее из себя, лишь бы ни она, ни Глеб не догадались, что, глядя на нее, он вспоминал вкус ее податливых губ и никак не мог сосредоточиться на деле.

Смотреть, как Глеб собственнически обнимает ее, было невыносимо. Хотелось разбить мальчишке нос, вышвырнуть вон из квартиры и затащить ее в постель... Пока Глеб торопливо рассказывал Жанне придуманный ими план по поимке убийцы, который мог напасть на нее, Вацлав раздевал ее глазами.

— Если я правильно понимаю, вы намерены использовать меня как наживку, — вспылила Жанна и с вызовом уставилась на него.

Как хорошо, что она новичок и не может прочитать его мысли...

Он спокойно встретил ее взгляд и ответил:

— Не бойся. Тебе ничего не грозит. Если он попробует напасть, я поймаю его раньше, чем он тебя коснется.

— Значит, будешь моим телохранителем? — насмешливо бросила Жанна.

— Телохранителем будет Глеб, — в той же манере ответил он, — а я буду твоей тенью.

А что ему еще остается? Похоже, ему предстоит одно из самых сложных заданий за всю его работу Гончим: смотри, мечтай, наблюдай, как ее лапает другой, терпи, не вздумай выдать себя и продолжай делать свое дело.

Однако все оказалось проще. Стоило занять позицию наблюдателя, отстраниться, как наваждение проходило. Объект желания превращался в объект слежки, и все прочее отступало на второй план. Он мог собой гордиться — профессионализм превыше всего. Надо сказать, объект для слежки ему попался весьма легкомысленный. Одни магазины на уме. А уследить за ней в магазинной толчее, да еще так, чтобы его присутствие не обнаружил убийца, задача не из легких. К концу пятого дня он сам был готов придушить Жанну, которая бабочкой порхала из одного бутика в другой, и в то же время злорадно поглядывал на Глеба, с покорностью пажа носившего ее покупки. А потом он заметил того, точнее, ту, кто так же неотрывно следовала по пятам за Жанной и Глебом, и события закрутились с бешеной скоростью.

Слежку вела подруга Жанны, Саша, обеспокоенная тем, что та внезапно уволилась с

работы, отдалилась от нее и стала вести себя странно. Но Вацлав даже не успел огорчиться своей неудаче, как Саша уверенно описала приметы девушки, напавшей на Жанну несколько дней тому назад. Ею оказалась вампирша Нэнси, которая, не зная о родственных узах между Аристархом и Жанной, приревновала его к новенькой.

С чистосердечным признанием суд был коротким. Исполнять приговор Вацлаву было не впервой, но как на него, уходя, смотрела Жанна, присутствовавшая при вынесении приговора... Если в первую их встречу он был Серым Волком, в ту ночь он превратился для нее в настоящего монстра. Она умоляла смягчить приговор, пощадить Нэнси, которая несколькими днями раньше едва не убила ее.

— Проваливай, Жанна, — вырвалось тогда у него, — не нагнетай обстановку. И без тебя хреново.

Если прежде между ними была только пропасть, то в ту ночь разверзся целый Великий Каньон. Тот, кто никогда не убивал, никогда не сможет понять и оправдать убийство. Для Жанны он всегда будет убийцей, безжалостно несущим смерть. И она уже никогда не сможет довериться его рукам и целовать его так горячо, как тогда, в подъезде...

В ту же ночь убили Глеба. Вацлав пришел, чтобы сказать ей это. Жанна открыла дверь — сонная, растрепанная, потерянная, такая желанная. Белый банный халат, спутанные кольца волос, темная родинка на шее... Он должен был сообщить ей о смерти ее парня, а сам пялился на эту родинку и больше всего на свете мечтал снова коснуться ее губами.

— Глеба нет, — буркнула она.

— Я знаю.

Он шагнул за порог, споткнулся о стоящие у порога пакеты со вчерашними покупками и с досадой пнул их. Чертова ведьма, что она с ним творит?! В ней ведь нет ничего особенного, у него были женщины куда шикарнее — та же Беата, например. Что же с ним происходит? Он смотрел на Жанну и пытался отыскать в ней изъяны: ветер в голове, одни шмотки на уме...

Он не знал, как ей сказать о Глебе, а она дерзила и показывала, что ему не рада. Он пришел с печальным известием, а мечтает затащить ее в постель.

Видно, что-то полыхнуло в его глазах, потому что Жанна вдруг ошетибилась, как потревоженный ежик:

— Только не надо меня запугивать спецэффектами. Напрасная трата времени. Я теперь в курсе своих истинных возможностей и сумею за себя постоять.

Огонь желания в его глазах она приняла за угрозу. И он вдруг потерял контроль, выдернул ее из-за стола и прижал к стене, мысленно срывая с нее халат. Ладони сжали ее шею, и от поцелуя их отделяла доля секунды, когда Жанна вдруг полупридушенно пропищала:

— Пусти...

Что же он творит-то? Он в смятении разжал пальцы. Жанна закашлялась, с испугом глядя на него. Стараясь не выдать себя, он отпрянул и прорычал хриплым голосом, молясь, чтобы она приняла страсть за гнев:

— Ты — ничто. И если кровь Жана вскружит тебе голову, я сам позабочусь о том, чтобы ты успокоилась навсегда. Понятно?

Откуда только взялись эти слова, сказанные ему Аристархом после экстренного совещания старейшин в ту ночь, когда Жан обратил новенькую? Глеб должен был стать ее контролером. Вацлаву в случае угрозы поручили незамедлительно избавиться от проблемы. Он еще тогда и понятия не имел, что у проблемы самые желанные губы на свете и восхитительная родинка на шее...

А потом Жанна рыдала, скорчившись на полу, пряча лицо в свитер Глеба, и его сердце разрывалось одновременно от ревности к убитому и от боли, потому что больно было ей...

— Исключено, — отрезал он, услышав просьбу Жанны участвовать в поисках убийцы. Невыносимо будет видеть ее каждый день, чувствовать запах ее кожи и оставаться внешне безразличным. С каждой их встречей ему все сложнее сдерживаться. Он пойдет на все, лишь

бы вынудить ее отказаться от своей затеи... Но он даже не мог представить, что она напомнит ему об Эвелине.

— Я не знаю, кем была тебе та светловолосая девушка, которую ты потерял, — выкрикнула она ему вслед, — но я могу понять твою боль...

Откуда она могла узнать? Он не рассказывал об этом никому. Эвелина была его страшной тайной, его смертельной раной, поселившейся в сердце много лет назад. И сейчас слова Жанны ударили по этой ране, как свинец снайпера, точно выверив место для выстрела.

И был только один способ спастись, не дать этой боли выплеснуться наружу, запечатать вскрытую рану. В глазах Жанны мелькнул испуг: она решила, что он ее ударит, но он лишь рывком привлек ее к себе, вобрал всем телом ее спасительное тепло, вдохнул полной грудью живительный аромат ее волос. И остановившееся было сердце вновь забилося-застучало, грозя вот-вот вырваться из груди.

— Извини, — пробормотал он.

А когда Жанна повторила свою просьбу, он уже не смог ей отказать.

На следующий вечер они сидели в офисе Гончих. На столе лежали досье на убитых вампиров, заключения экспертизы, опросы свидетелей. А Вацлав видел только темную родинку в расстегнутом воротничке ее черной рубашки и тонкие пальцы, скользящие по листам бумаги, как когда-то скользили по его телу... Больше не было смысла утаивать ту страничку ее памяти, которая запечатлела их первую встречу, связанную с гибелью Софии, и он позволил ей вспомнить. Глаза Жанны широко раскрылись, а потом она скривилась — вспомнив, как он заставил ее пить кровь того мальчишки, и взглянула на него так, что он почувствовал себя последним мерзавцем. Но кое-что он от нее утаил — их неистовые поцелуи в подъезде. Показалось неуместным напоминать о них сейчас, когда она оплакивала смерть Глеба.

Пока Жанна изучала документы, Вацлав читал ее мысли — желание понять, что она думает о нем, оказалось куда сильнее чувства стыда. Читал и мрачнел с каждой минутой — все ее мысли занимал убитый Глеб, все ее стремления сводились к поиску убийцы.

— А почему бы тебе просто не почитать мысли всех вампиров? — вдруг предложила она. — Убийца-то непременно проявит себя. А телепатия поточнее детектора лжи будет.

— Думаешь, это так просто? — огрызнулся он, застигнутый врасплох. Если бы Жанна только знала, чем он занимался все это время! — Что ж, попробуй! Никто из вампиров не откроет своих мыслей Гончим — нас все боятся.

«Я же открыла», — подумала она.

— Ты еще не научилась закрываться, — усмехнулся он, отвечая на ее немой вопрос, и осекся, поняв, что выдал себя с головой.

Но Жанна, казалось, не обратила на это внимания, выдав ему индульгенцию на чтение мыслей по праву старшинства и опыта.

— А если подключить старейшин? — пытливно уточнила она. — Им же все доверяют?

— Если бы все было так легко, мы бы тут сейчас не сидели, — буркнул он. — Нельзя так просто копаться в чужих мыслях.

«В моих почему-то все копаются», — мысленно возмутилась она.

— Жанна, — вздохнул он, — я тебе уже объяснил, почему так с тобой происходит. Ты научишься, и это пройдет. В остальном же мы можем общаться между собой телепатически. Но только при обоюдном желании.

Намека в его словах она не уловила, вновь переведя разговор к расследованию. Попытка ее присутствием становилась невыносимой, и он бросил многозначительный взгляд на часы.

— Поняла, — Жанна скорчила досадливую гримаску. — Тебе пора на охоту.

— Почему сразу на охоту? — возразил он, поднимаясь с места. — Может, на прогулку? Второй намек тоже выстрелил вхолостую.

— Не завидую тому, кто попадется тебе на пути, — заметила она, сосредоточенно складывая в сумку копии документов.

Пока отвозил ее домой, дважды чуть не попал в аварию. То на родинку засмотрелся, то

Жанна случайно задела его рукой, вызывая в памяти солнечное затмение их первой встречи, о которой она сама помнила только то, что он разрешил ей вспомнить.

Когда срочно потребовалось лететь в Таиланд, где обнаружилась Серебряная Слеза, оставить Жанну в Москве было выше его сил. Над ней по-прежнему висела угроза нападения, и что-то подсказывало: он должен взять ее с собой.

Зачем — он понял на месте. Когда после драки с головорезами Жана, нападшими на них в отеле, ворвался в комнату Жанны и обнаружил там двоих убитых.

— А ты можешь стать неплохой Гончей, — сказал он тогда. И тотчас же пожалел об этом, увидев, как помертвело ее лицо.

Он думал, что теперь Жанна поймет его и перестанет ненавидеть. Но вместо этого она возненавидела себя. Убийство охранников не было осознанным выбором. Инстинкт самосохранения, подпитанный кровью Жана, заставил ее убить, защищаясь. И теперь она не знала, как жить с этим дальше. Она постаралась забыть. Но Жан ей не позволил.

Мог ли француз представить, что Жанна сможет поднять руку на него, своего создателя? Она уже однажды одурачила его, воспользовавшись его кровью для вступления в Клуб. Пусть даже сама того не желая. Жан был опытнее и сильнее, но новенькая оказалась непредсказуемой. Ее действия невозможно было просчитать, и ошибка в расчетах стоила Жану жизни. Вампир, воссоздав легендарную Чашу Лорда, уже упивался своей победой, когда Жанна вонзила последнюю, тринадцатую Слезу Ненависти ему в сердце. Вацлав всякий раз с мучительным стыдом вспоминал те минуты, когда он и все его ребята попали под магическое влияние Чаши. Стоило Жану взять ее в руки, как на Вацлава нашло затмение. Как тогда, когда он оказывался в шаге от Жанны и мечтал затащить ее в постель, так в тот миг он желал служить француз, который вдруг стал казаться воплощением доблести и справедливости и все его прежние преступления внезапно забылись. Все вампиры, находящиеся на заброшенной фабрике, испытали те же чувства. Все, кроме Жанны, которой защитой служила Слеза Ненависти. А когда она погрузила раскаленную Слезу-кулон в сердце вампира, наваждение прошло. И Вацлава захлестнула надежда: гибель француз была осознанным выбором Жанны, и между двумя краями пропасти, разъединявшей их, пролегал шаткий мостик. Теперь Жанна его поймет, должна понять. Потому что теперь она знает — есть смерть во благо. Есть ситуации, когда жизнь одного человека угрожает благополучию многих. И тогда ради спасения кто-то должен умереть. И этот выбор делают они, Гончие. Не убийцы — хранители.

— Кстати, в нашей команде освободилось одно вакантное место, — стараясь не выдать своего волнения, сказал он. — Буду рад, если ты к нам присоединишься.

Жанна в смятении подняла глаза. И Вацлав пожалел, что поспешил со своим предложением. Она еще не была готова. Он подождет. Что-то, а ждать за долгие годы он научился. И он готов ждать хоть всю жизнь.

После той ночи его уже не сжигала страсть к Жанне — она выгорела дотла вместе со Слезой Привлекательности, которой, как выяснилось, владела новенькая. Это из-за нее он сходил с ума всякий раз, когда оказывался рядом с Жанной, из-за нее терял над собой контроль и отдавался инстинктам. Не зря он в сердцах называл ее ведьмой. Единственным спасением от чар служила работа: одержимость собственным делом иногда перебивала воздействие амулета. Так было в их первую встречу, когда он был настолько увлечен расследованием, что поддался чарам Серебряной Слезы только у дома Жанны. Так было в Таиланде, когда поиски одной Серебряной Слезы перебили воздействие другой, о которой он даже не подозревал.

К удивлению, после утраты амулета Жанна не потеряла для него своей привлекательности. Теперь, когда разум Вацлава не был замутнен древней магией, он видел новенькую такой, какой она была на самом деле. Не куртизанкой, не вахканкой, не гурией. Девушкой с добрым сердцем и лучистыми глазами, дикой, порывистой, необузданной, непредсказуемой, жизнерадостной, легкомысленной, пробуждавшей в нем нежность и стремление заботиться о ней. По-прежнему желанной, но уже не сводящей с ума, а

возрождающей к жизни. Впервые после смерти Эвелины Вацлаву захотелось избавиться от призраков прошлого и заменить портрет мертвой девушки, который он носил у сердца, фотографией живой.

Он почти уже было решился сделать первый шаг в новогоднюю ночь. Завершив очередное дело, вышел из штаба и понял — на дворе 31 декабря. Время надежд, время чудес, время загадывать желания и воплощать их в жизнь. Позвонив Аристарху, он узнал, что Жанна сегодня ночью будет в «Версале». Вспомнил о старинной традиции принести свою игрушку для украшения ели и погнал домой. Открыл потемневший от времени сундучок и достал хрупкого фарфорового ангела — сувенир из прошлой своей жизни, единственное, что у него осталось на память о доме и об Эвелине. Вацлав никогда не отличался сентиментальностью, но этой безделицей дорожил, как сокровищем. Раньше он ни за что на свете не вынес бы ее за порог квартиры, не выставил на всеобщее обозрение, не подверг бы ее опасности разбиться. Но других елочных игрушек у него не было, а покупать первую попавшуюся в магазине он не хотел. В том и смысл традиции, чтобы украсить ель не просто безделушками, а нарядить ее в лучшие, самые светлые воспоминания жизни приглашенных гостей, воплощенные в стеклянном фонарике или блестящей конфете. У него был только этот фарфоровый ангел, который помнил прикосновение рук Эвелины, который впитал в себя блеск ее глаз, когда она, смеясь, смотрела на рождественскую ель. И теперь ему хотелось, чтобы после стольких лет заточения в сундучке ангел вновь воспарил среди еловых ветвей, чтобы его увидела Жанна и, быть может, взглянула на него с таким же восхищением, как Эви...

Уже в дверях он замешкался, разулся, вбежал в ванную, выбрил правую щеку и укоризненно покачал головой своему отражению. Старый дурак, он что, надеется, что она с ним целоваться будет? Но не бросать же бритву на полпути. Умывшись, взглянул в зеркало и удивился: показалось, помолодел лет на пятьдесят.

Потом он заскочил в «Версаль», где уже сдвигали столы к вечернему застолью, и, не доверяя никому, нашел стремянку и сам повесил ангела на уже наряженную ель. Место для него нашлось под самым потолком — рядом с забавной золотой рыбкой, при виде которой Вацлав невольно улыбнулся. Интересно было бы посмотреть на мечтательницу, которой она принадлежит. Почему-то он был уверен, что владелица игрушки — женщина. Подумалось, что Жанна, пожалуй, повесит на елку украшение в виде платья или шляпки — в этом вся она.

Ну вот, одно дело сделано. А теперь предстоит самое важное.

Он одурел от толчеи московских магазинов, выбирая подарок для Жанны. Драгоценности — слишком обязывающе, кольцо — чересчур откровенно. Что там еще дарят любимым девушкам? Турпоездки, мобильные телефоны, ноутбуки? Он уже лет сто никому не делал подобных подарков и совершенно растерялся в суматохе магазинов. Его подарок должен стать признанием, первым словом, с которого начнется их разговор, мягким, ненавязчивым предложением: давай попробуем? Вдруг у нас что-то получится? Не отказывай сразу, дай мне шанс...

Подарок неожиданно нашелся в витрине с сувенирами. Забавная статуэтка в виде щенка — словно воплощение его самого. Жанна должна оценить самоиронию. Он ведь Гончий, пес. И он готов так же покорно, как игрушечный щенок, склонить голову в ожидании ее ласки. И смотреть на нее с такой же нежностью и обожанием, как этот смешной щенок с ценником, приклеенным за ухом. Безделушка стоила копейки, но она выражала собой все то, что он хотел поведать Жанне, но не мог подобрать слов. Статуэтка была посланием его сердца. И то, как Жанна воспримет это послание, решит все.

Он отстоял длинную очередь, чтобы упаковать песика в красивую коробку, и все это время представлял, как передаст подарок Жанне и какими волнующими будут те мгновения, пока она будет вскрывать обертку. Он даже вообразил, как она делает это: осторожно, стараясь не испортить праздничный маникюр...

Но щенок так и остался запертым в подарочной упаковке. Аристарх опередил его, вручив Жанне бархатный футляр с драгоценностями. И, увидев, каким радостным блеском

вспыхнули ее глаза, Вацлав с горечью понял, что не посмеет вручить ей свой подарок. Разве копеечная безделушка может соперничать с сапфирами? Ну и глупо же он будет выглядеть в глазах Жанны!

Он развернулся, чтобы уйти, но Жанна остановила его, продлив эту пытку:

— Может, останешься?

Так хотелось притянуть ее к себе, согреться теплом ее губ, но духа хватило только на то, чтобы вздеть в ее мочку сережку, которую уронил Аристарх. Ее ресницы дрогнули, и он вдруг увидел, что уголок его подарка высунулся из кармана и Жанна заметила его. Смешавшись, он торопливо спрятал коробку и сказал срывающимся голосом, избегая смотреть на Жанну:

— Сапфиры очень идут к твоим глазам.

Ее ответ шпилькой вонзился в сердце:

— Спасибо. Аристарх знает толк в драгоценностях.

Он коротко кивнул, проглотив обиду, пожелал веселого Нового года и развернулся, чтобы уйти.

— Уже уходишь? — окликнул его Аристарх.

— Работа, — соврал он и, стиснув в кармане свой ненужный, такой глупый подарок, стал проталкиваться к выходу между веселящихся вампиров.

Глава 2

Вампирша на миллион

Спустя время я оценила иронию судьбы, согласно которой я становилась единственной наследницей вампира, которого сама же и убила. Но когда на пороге моей квартиры появился серьезный французский нотариус, я даже слушать ничего не хотела. Месье Гренье, выставленный за дверь, вынужден был обращаться за помощью к тяжелой артиллерии в лице Вацлава и Аристарха — единственных, кто имел на меня влияние. Аристарх, понятно, благодаря родству. Кроме того, мой дед — один из старейшин. С Вацлавом мы, к счастью, ни в каких узах не состоим, хотя он и настойчиво предлагал мне местечко в своей команде ищеек. Но нам пришлось немало пережить вместе, так что я научилась доверять этому молчаливому вампиру, который, кстати говоря, не доверяет никому, кроме себя самого. И даже несмотря на то, как он обошелся со мной на новогодней вечеринке, я была рада его видеть.

В последний раз, еще до Нового года, мы втроем собирались не по самому приятному поводу. Жан, могущественный французский вампир, случайно сделавший вампиром меня, прибыл в Москву, чтобы получить последний амулет из дюжины Серебряных Слез. Каждая Слеза воплощала в себе добродетель последнего лорда вампиров, и, согласно легенде, тот, кто соберет все частицы вместе, станет править кровопийцами всего мира. Другие вампиры были не в восторге от идеи попасть под командование Жана, известного своей жестокостью и беспринципностью. Московские старейшины, оберегавшие недостающую Жану Слезу, никогда бы не выдали ее ему. Поэтому тот, узнав о родстве старейшины Аристарха со мной, похитил бабушку Лизу в расчете, что я и дед приложим все усилия, чтобы освободить заложницу в обмен на его требования. И не прогадал — я сделала старейшинам предложение, от которого они не могли отказаться. Аристарх, естественно, меня отговаривал, остальным моя идея пришла по нраву.

С первого дня, как я появилась в Клубе, старейшины боялись меня как прямой наследницы Жана и беспокоились, как бы его дурная и вместе с тем могущественная кровь не превратила меня одновременно в *supergirl* с неограниченными способностями и в неконтролируемую маньячку, опасную как для вампиров, так и для людей. Поэтому, когда я, пылая ненавистью к Жану, пообещала убить его, старейшины справедливо рассудили, что поединок между нами станет смертельным для обоих, и рискнули выдать мне две Серебряные Слезы, за которые я собиралась выкупить жизнь бабушки.

Гончие были поблизости от места встречи и, как только заложницы — в их число попала и моя лучшая подруга Саша — были освобождены, а мы с Жаном схлестнулись в рукопашной, они ворвались в здание заброшенной фабрики, напичканное головорезами Жана. Я переоценила свои силы — Жан одолел меня, забрал недостающие амулеты и воссоздал легендарную Чашу последнего лорда. Сказка, в которую до конца никто не верил, обернулась страшной былью: Гончие, растерзавшие охранников Жана, подчинились силе Чаши и признали Жана своим властелином. Даже Аристарх, сражавшийся наравне с Гончими, склонил голову перед французом. И если бы не Тринадцатая Слеза, что воплотила в себе ненависть последнего лорда, погибшего от рук предателей, пожелавших занять его место, даже не знаю, чем бы все закончилось...

Слеза, в существовании которой сомневались и в которую не верил даже Жан, оказалась в руках московских старейшин незадолго до приезда француза. Роковой амулет стал причиной безумства одной из старейшин, Инессы, и привел к гибели восьми вампиров, среди которых был и мой любимый — Глеб. Передавая мне Слезу Силы, потребованную Жаном, старейшины подстраховались, вручив мне и Слезу Ненависти — она еще больше усилила мою неприязнь к французам и превратила меня в машину убийства.

В тот момент, когда Жан, держа в руках Серебряную Чашу из двенадцати фрагментов, подчинил себе всех вампиров, находящихся рядом, Тринадцатая Слеза, кулоном висевшая у меня на шее, обожгла меня огнем. Подчиняясь порыву, я сорвала ее с цепочки и кинулась к Жану, чтобы прижать ее к сердцу вампира. Слеза серебряной пулей вошла в сердце. Жан умер, кажется так и не успев понять, что же произошло. А я, завладев Чашей и став в глазах вампиров повелительницей, поспешила избавиться от рокового серебра, бросив в сосуд Слезу Ненависти. Амулеты погибли в магическом пламени. За исключением одного.

Аристарх узнал прямоугольную подвеску, отлитую из Слезы Милосердия, и выхватил ее из огня, невзирая на адскую боль. Подвеска стала моим оберегом от крови Жана, наградившей меня вспышками неконтролируемой ненависти, во время которых я могла убить человека. А Аристарх теперь неразлучен с черной перчаткой, скрывающей искалеченную кисть. Увечья, полученные в магическом огне, неизлечимы. И даже наша способность к регенерации здесь оказалась бессильной.

Я очень благодарна деду за этот поступок, предоставивший мне выбор — оставаться собой или сделаться кровожадной приемницей ненавистного мне Жана. Поэтому, когда настырный нотариус заявился ко мне домой в сопровождении Аристарха и Вацлава, пришлось впустить служителя Фемиды и даже организовать чайные посиделки на кухне. Вступление речи месье Гренье я прослушала, ибо меня так и подмывало спросить у Гончего, как прошло его новогоднее свидание и оценила ли счастливая избранница его подарок вкупе со свежевыбритыми щеками. Однако, судя по хмурому виду Вацлава, девица если не совсем продинамила его, то нервов потрепала достаточно.

Нотариус тем временем объявил, что он был личным душеприказчиком Жана, и завел речь о его завещании. Мне сделалось не по себе, и я с опаской скосила глаза на Аристарха с Вацлавом. Именно они настояли на том, чтобы сохранить в тайне произошедшее на заброшенной фабрике. Огонь, который развел Вацлав, уничтожил все следы, и вампирская тусовка знала о случившемся только со слов главы Гончих. Версия для публики была не просто подретушированной, она была бесконечно далека от правды. Я, например, в деле вообще не фигурировала и к гибели Жана никакого отношения не имела. Вацлав опасался, что последователи Жана могут мне отомстить, и взял всю вину на себя. О Серебряных Слезах не было сказано ни слова — зачем волновать народ, если все легендарные амулеты погибли в огне? А о том единственном, которым теперь владею я, известно только Аристарху и Вацлаву. Мужчины решили сохранить это в тайне даже от других старейшин, не без оснований опасаясь, что Слезу у меня отберут. В общем, публике было объявлено, что в результате столкновения Жана с его боевиками и Гончих во главе с Вацлавом на заброшенной фабрике начался пожар и вся французская банда погорела. Вампиры эту новость восприняли с недоверием, и гибель Жана обросла самыми различными слухами:

сперва шептались, что Жан не погиб, а лишь фальсифицировал свою смерть. После того как генетическая экспертиза обнаруженных останков подтвердила гибель вампира, заговорили о специально спланированной операции Гончих по уничтожению Жана, о старых счетах между Жаном и Вацлавом, которые были примерно ровесниками. Судачили даже, что эти двое не поделили любовницу (меня, кого же еще!) и схлестнулись в кровавой дуэли. Но ни один самый невероятный слух не приблизился к правде. Никому и в голову не пришло, что это я могла убить Жана.

И вот теперь является душеприказчик Жана, заводит разговор о его смерти. Вацлав сидит с отсутствующим видом, Аристарх сияет, как легендарный алмаз «Санси», начищенный к Международной ювелирной выставке. Кто-нибудь мне объяснит, что происходит?

— ...а также движимого и недвижимого имущества в Париже, Ницце, Тулузе, Лондоне, Риме, Монако, — по-французски зачитывал месье Гренье, пока я сверлила недоумевающим взглядом то Вацлава, то Аристарха. Французский-то я понимала, спасибо бабуле-переводчице, но вот что здесь происходит?..

Наконец душеприказчик выпалил еще несколько названий европейских городов, заткнулся и все три пары глаз присутствующих уставились на меня с разным выражением. Нотариус профессионально демонстрировал любезность. Аристарх ликовал, а Вацлав испытывал прямо противоположные эмоции, хотя и пытался их скрыть за безразличной миной. Он был раздосадован и расстроен, как успешный бизнесмен, у которого более ловкий конкурент прямо из-под носа увел большой контракт.

Пауза затянулась, и только я собралась поинтересоваться, что, собственно происходит, всех троих вдруг прорвало.

— Поздравляю! — прозвучало по-русски и по-французски, и в этом хоре отчетливо слышалось радостное поздравление Аристарха, учтивое — месье Гренье и сдержанное — Вацлава.

Я озадаченно молчала, пытаюсь решить хитроумную загадку. О чем же таком вещал нотариус, пока я его не слушала, если начал он со смерти Жана, принеся мне, как его единокровной преемнице, искренние соболезнования, а закончил бурными поздравлениями? Не дай бог, согласно духовному завещанию вампира, ко мне переходят все его тараканы в голове и извращенные способности. Хорошо еще, если для этого потребуется особый обряд и у меня есть надежда избежать постылого наследства. А вдруг, все уже свершилось по умолчанию, и меня просто ставят в известность — мол, живи и пользуйся? Тогда понятно, почему приуныл Вацлав. Но, позвольте, отчего же так счастлив Аристарх? И при чем тут Ницца, Монако и какая-то Тулуза?

— Кажется, она онемела от радости, — саркастически изрек Вацлав.

— Что ж тут удивительного! — не разделил его сарказма Аристарх, в волнении теребя край черной перчатки.

Нотариус почтительно молчал: видимо, ему шокировать клиентов не в диковинку и он привык к любой реакции, кроме равнодушной.

Равнодушной я не выглядела. Озадаченной — вполне.

— Не могли бы вы повторить? — решила я. Уж лучше признаться в том, что пропустила его слова мимо ушей, чем строить нелепые предположения.

— С самого начала? — Месье Гренье не выдал удивления и раскрыл кожаную папку.

Но Аристарх его опередил, вскочив из-за стола и воскликнув:

— Жанна, да что тут повторять! Ты — единственная наследница всего состояния Жана Лакруа!

— Тише, — поморщилась я, покосившись на часы. — Первый час ночи, соседей перебудить.

И только тут до меня дошло.

— Что ты сказал?!

— Век бы слушала? — поддел меня Вацлав.

— Все состояние Жана — теперь твое! — радостно подтвердил Аристарх.

— Включая движимое и недвижимое имущество в Париже, Ницце, Тулузе... — заученно протараторил нотариус, закончив список упоминанием замков в предместьях Парижа и Праги и острова на Багамах.

— Остров-то ему на что? — ошеломленно выдавила я.

— Ты хоть понимаешь, что это значит? — Аристарх в волнении взмахнул руками и задел люстру.

— Спокойно, дядя Степа, — предупредила я.

— Ты теперь богаче всего московского отделения Клуба, вместе взятого! — ажиотированно воскликнул мой дед.

Вот ведь не было печали...

— Ты теперь будешь жить в замке с кучей прислуги, шить платья у Роберто Кавалли и блистать на венских балах! — раз мечтался вслух Аристарх. — Ты теперь самая богатая невеста среди вампиров во всем мире.

И только сейчас я поняла, почему расстроен Вацлав, хотя и пытается не подать виду. Миллионное состояние, о котором вещал Аристарх, а нотариус ему любезно поддакивал, автоматически исключало меня из кандидаток в Гончие. А ведь Вацлав не терял надежды, что однажды я примкну к ним. Теперь я сама могла нанять для охраны десятков лучших Гончих. Может, предложить Вацлаву возглавить отряд моих телохранителей? Я тут же отсекала подобную идею — не думаю, что Вацлав ей сильно обрадуется. Одно дело — видеть меня в числе своих подчиненных, и совсем другое — самому мне подчиняться. Вацлав никогда не согласится на это.

— Так когда вы сможете выехать в Париж? — настойчиво повторил месье Гренье.

— Зачем? — не поняла я.

— Чтобы вступить во владение наследством, чтобы уладить все формальности, — терпеливо пояснил он.

— Думаю, на днях, — решила я.

Нотариус одобрительно кивнул.

— Я займусь билетами и визой, — предложил Аристарх.

Засим месье Гренье откланялся, Вацлав вызвался его проводить, и мы остались вдвоем с Аристархом.

— Да, в сравнении с таким роскошным новогодним подарком, который преподнес тебе Жан, мой меркнет, — пошутил Аристарх, глядя на календарь, отсчитывающий первые дни нового года.

— А почему Жан оставил наследство мне? — спохватившись, спросила я у деда.

— Ты — его единственная кровная преемница, — просветил Аристарх. — После смерти вампира его состояние делится между теми, кого он инициировал.

— А если таких нет?

— Тогда все переходит городскому Клубу.

— Что-то мне не по себе, — призналась я. — Состояние Жана и впрямь оценивается в миллионы?

Аристарх кивнул:

— Ты теперь сказочно богата, принцесса.

— Что, мне теперь нанять толпу охраны и не высовывать носа из замка? — хмуро поинтересовалась я.

— Зачем? — удивился Аристарх.

— Все охотятся за миллионерами из-за наследства, — заметила я.

— Ну и что? Никому нет смысла убивать тебя ради наследства, — успокоил меня Аристарх. — У тебя же нет кровных преемников. В случае чего миллионы отойдут казне, а от этого никому ни тепло ни холодно... В Париж полетим вместе, — внезапно объявил он и затараторил: — Неужели ты думала, что я отпущу тебя одну? Я и мечтать не мог, что когда-нибудь смогу показать Париж своей внучке. Я самый счастливый вампир на всем белом

свете! Заскочу сейчас в «Подземелье», там сегодня должны быть Моника и Руслан, — он назвал имена других старейшин, — договорюсь с ними о каникулах, и начнем паковать чемоданы. Обещаю, ты влюбишься в Париж с первого взгляда!

В Париж я полетела одна. Сопровождение нотариуса не считается. Аристарх накануне вылета был вынужден сдать билет: один из его кровных преемников погиб, упав на машине с Крымского моста. Дед остался на похороны и скрепя сердце отправил меня во Францию одну.

В аэропорту он долго не выпускал моей руки, как будто боялся, что больше никогда меня не увидит, и все повторял, что, как только уладит все формальности, вылетит в Париж ближайшим рейсом.

Чуть в стороне маялся Влад Карасик. Компьютерный гений, в свое время взломавший базы данных ФБР, тем самым попал под колпак спецслужб и привлек внимание вампиров. Вот уж кого приняли в Клуб безо всяких сомнений! Но Влад своими знаниями не кичился, запросто подошел познакомиться на вампирской вечеринке в мою честь. А когда понадобилось срочно восстановить утерянный пароль погибшей Инессы, чтобы достать Серебряную Слезу, хранившуюся у старейшин, и спасти бабушку и Сашку, взятых в заложники Жаном, Влад примчался среди ночи и легко взломал шифр. Правда, старался он не только для меня, он еще и красовался перед старейшиной Моникой, с которой у них закрутился роман. Но его заслуг это не уменьшает.

После той ночи мы лишь раз виделись мельком — Аристарх вывел меня поужинать в «Подземелье», и там же за отдельным столиком ворковали Влад с Моникой. Когда Моника отлучилась в дамскую комнату, Карасик подошел к нам и, смущаясь, попросил у Аристарха денег взаймы. Аппетиты супермодели явно превышали заработки хакера. Аристарх тогда не преминул пошутить на этот счет, и, судя по изменившемуся лицу парня, он попал в точку. Трудно представить себе более невообразимую парочку, чем эффектная длинноногая Моника и худенький невысокий Карасик.

Юный хакер, которому Аристарх приходился кровным донором, а погибший Эдуард Осокин, соответственно, кровным братом, сегодня был непривычно мрачен и сосредоточен. Трагедия с вампиром по крови стерла безмятежное выражение из его глаз и ямочки с щек, залегла горестной складкой меж бровей, заострила скулы. Влад как будто за одну ночь повзрослел на пять лет, и в мягких чертах его мальчишеского лица появилось что-то жесткое.

— Ты только звони мне, — твердил Аристарх, — ты только сразу звони!

Внезапно мой телефон разразился трелью смс-ки, я взглянула на экранчик, нажала клавишу «прочитать», но мобильный намертво завис. Как не вовремя-то! Я быстро выключила трубку, включила заново. Но реабилитационные меры, всегда срабатывавшие раньше, на этот раз не принесли никаких результатов.

— Сломался, — удрученно вздохнула я.

— Я куплю тебе новый! — Аристарх взволнованно закрутил головой по сторонам, и тут объявили начало посадки на мой рейс.

— Не успеешь, — озабоченно возразила я. Как некстати остаться без мобильного, когда я улетаю в чужой незнакомый Париж и мобильный — единственная ниточка, связывающая меня с домом.

— Посадку объявили, — сказал Влад, подходя к нам.

— Да слышали мы, — в расстройстве отмахнулся от него Аристарх. — Так, Жанна, стой здесь, я постараюсь быстро.

— Э нет, — возразила я, — не хочу опоздать на самолет!

— Что у вас тут случилось? — вмешался Карасик.

Мы одновременно посмотрели на компьютерного гения и возликовали. Аристарх принялся объяснять суть возникшей проблемы, я сунула в руки Владу телефон. Он сосредоточенно понажимал кнопки, снял батарею, изучил «внутренности» мобильного, и

морщинка на его лбу расправилась, сообщая о найденном решении.

— Ну все понятно, — тоном знатока протянул он и выдал какой-то залихватский термин.

— Ты русским языком говори — починишь? — перебил его Аристарх.

— Отчего ж не починить? Дело плевое, — обнадежил нас Влад. — Всего-то одну детальку поджать надо. — Он огляделся и добавил: — Я только к свету поближе подойду, чтобы не промахнуться.

— Да иди ты куда хочешь, только почини!

Влад отошел в сторонку, а Аристарх с прежним энтузиазмом принялся давать мне советы перед дорогой. Как заботливая мамаша, ей-богу!

— Да не волнуйся ты так, не загрызут же меня твои соотечественники, — пошутила я, желая его успокоить. Но от моих слов Аристарх еще больше разволновался и стал твердить, чтобы я слушалась его знакомую Вероник, у которой мне придется остановиться, и доверяла ей во всем, а больше никому в парижском свете.

— А я, как только смогу, первым же рейсом вылечу за тобой, — в тысячный раз повторил он и вытаращился на меня взглядом беспокойной мамы, которая впервые отлучает ребенка от своей юбки и отправляет в школу — на съедение злым учителям и вредным одноклассникам.

— Готово. — Хакер протянул мне телефон. Я убедилась, что он работает, и расцеловала заалевшего как маков цвет Влада. Да уж, больно ему нужны мои поцелуи! Когда у него в герл-френдах — сама супермодель Моника, да к тому же старейшина, между прочим!

В последний месяц Влад и Моника были неразлучны и уже не скрывали своих отношений. Только трагедия с Эдуардом Осокиным смогла их разлучить. Монике на правах старейшины пришлось улаживать какие-то формальности, а Влад отправился с Аристархом в аэропорт, чтобы сразу после моих проводов, не теряя времени, заняться организацией похорон. Как коротко пояснил мне Аристарх, у Эдуарда, хотя он и был молодым вампиром, родственников среди людей не оказалось. Парень был круглым сиротой, поэтому похоронами должны были заняться самые близкие ему по крови среди вампиров — Аристарх, Карасик и какой-то неизвестный мне Герман Воронов, который был в отъезде в Венеции, но, узнав о случившемся, срочно вылетел в Москву. Его самолет десять минут назад приземлился в этом же аэропорту. Карасик уже побежал встречать Германа, а Аристарх все держал меня за руку и сыпал советами.

— Дед! — твердо сказала я, пресекая дальнейшие рекомендации. — Не переживай ты так, все будет хорошо!

— Продолжается посадка на рейс Москва — Париж, — повторили по радио, и я потянула Аристарха к нужному сектору.

— Еще рано! — запротестовал он.

— Так там очередь! — возразила я.

— Для пассажиров бизнес-класса очередей не существует, — улыбнулся он. — Привыкай к красивой жизни!

Это был щедрый жест Аристарха. Он сам заказывал билеты в Париж для меня и уже ожидающего в зале вылета нотариуса и рассудил, что мне как наследнице миллионов Жана не подобает лететь экономом.

— А вот и Герман! — Аристарх приветливо махнул рукой спешащей толпе, и я вытянула шею, пытаясь разглядеть вампира, посвященного моим дедом.

Не заметить его было невозможно. Он выделялся в серо-черной толпе, как белая ворона. И сам он был белым — от бесцветных ресниц до кончиков волос, лишенных пигмента. Альбинос. Как безумный убийца в фильме «Код да Винчи».

— Это — Герман? — ошеломленно прошептала я, увидев, что альбинос уверенно направляется к нам, а рядом с ним вышагивает Карасик — совсем маленький на фоне двухметрового блондина.

Аристарх кивнул. Экзотичного вида вампир поравнялся с нами и протянул мне руку:

— Герман Воронов.

Вот уж и впрямь белая ворона! Хотя ему бы больше подошла фамилия Бесцветнов. Рукопожатие вышло сильным и энергичным, в льдистых светло-серых глазах зажглись искорки интереса.

— Рад с вами познакомиться, Жанна, — хрипло прокаркал он. — Я много слышал о вас.

— Не верьте этим гнусным сплетням. На самом деле я добрая Белоснежка, — многозначительно сказала я, вскользь пройдясь по его внешнему виду.

Белесые брови Германа изогнулись, и он рассмеялся низким гортанным смехом.

— Истинная внучка своего деда. Жаль, что наше знакомство окажется таким коротким.

Отчего-то в этой светской фразе мне почудилась скрытая угроза, но Аристарх не проявил ни капли беспокойства, а Герман тут же добавил:

— У вас ведь уже идет посадка?

— Да, надо поторапливаться. — Я взглянула на часы. Время еще было, но, честно говоря, я уже порядком подустала от нотаций Аристарха. Да и вести светские разговоры с альбиносом мне не хотелось. Кровный наследник деда внушал мне смутную тревогу и сильное желание очутиться от него подальше. Лучше всего — за тысячу-другую километров.

Я сгорала от любопытства расспросить Аристарха о Воронове и понять, что он за птица, но остаться наедине нам не удалось. Альбинос вызвался проводить меня, и делегация провожающих повела меня на посадку.

У нужной стойки вилась длинная очередь, но мы прошли мимо, подойдя к скучающей стюардессе, пропускающей пассажиров бизнес-класса. Я торопливо расцеловала Аристарха, кивнула на прощанье таинственному Воронову, еще раз поблагодарила смущенно заалевшего Карасика за починку телефона и сбежала от них в зону досмотра, досадуя, что Вацлав не только не изъявил желания сопровождать меня в Париже вместо Аристарха, но даже не пришел меня проводить. Наверное, помирился с этой своей мымрой! Ничего-ничего, нет на свете такой Анджелины Джоли, которая не нашла бы своего Брэда Питта. И я обязательно найду! Сдался мне сто лет этот Вацлав!

Часы полета промчались незаметно. Сидя в удобном креслице бизнес-класса, я уже начинала ощущать себя миллионершей и входить во вкус красивой жизни. Даже глянцевого журналы, которые я прихватила в самолет, теперь читались по-другому, из витрины недостижимой *dolce vita* превратившись в каталог доступной роскоши. Если раньше я завистливо вздыхала над их страницами, разглядывая дизайнерские наряды знаменитостей («Видит око, да кредит неймет»), то теперь деловито помечала маркером все понравившиеся мне шмотки, предвкушая, как пополню свой гардероб, когда получу в распоряжение миллионы Жана. «Галерея Лафайет» навсегда запомнит тот день, когда я устрою набег на ее бутики. Быть может, обо мне даже напишут в газете как еще об одной сумасшедшей русской, которая за день спустила сотни тысяч евро. Чем я, в конце концов, хуже Даши Жуковой?

Почему Вацлав не предлагал мне свою компанию, я поняла, когда в аэропорту Шарль де Голль нас встретил серьезный, коротко стриженный шатен в модном пальто. Гончие свято блюли свои границы, и в Париже за безопасность сограждан и гостей столицы отвечала местная команда.

— Андре, можно просто Андрей, — без улыбки представился шатен на чистейшем русском языке, забирая мою дорожную сумку. — Я руковожу парижскими Гончими.

Коллега Вацлава поднял на меня дымчатые, как асфальт, глаза, и внезапно меня обожгло, словно огнем. Воспоминание ослепительное, как солнце, и бодрящее, как мятный холодец, вернуло меня в тот далекий московский вечер, когда байкер, имени которого я так и не узнала, украл мое сердце.

Мне было шестнадцать, когда мы с подругами пришли на день открытых дверей в МГУ, а потом, заскучав в пыльной аудитории, вырвались на шальной весенний воздух и

отправились встречать закат на смотровую площадку. Байкеры, стоявшие у обочины, показались нам тогда пришельцами из другого мира. Наши родители уже который месяц втолковывали, что светлое будущее — это институт, востребованная профессия и престижная работа, и настраивали на подготовительные курсы и вступительные экзамены. Байкеры жили в другом измерении. Их мир не был ограничен стенами студенческой аудитории или офиса, их миром была вся земля, все небо и все дороги под этим небом. Они были свободны, независимы и так же далеки от нас, старшеклассниц, как голливудские иконы, над плакатами которых мы тихонько вздыхали.

— Вот бы прокатиться, — вздохнула самая романтичная из нас, Надя.

— Щас! — разбила ее надежды самая прагматичная, Лера. — Так они и выстроились все в ряд, чтобы тебя покатать.

— Я пошла, — сказала самая непредсказуемая. Я. И, не обращая внимания на удивленные оклики подруг, двинулась к Нему — самому красивому, очень взрослому и безумно увлеченному своим железным другом.

Мне пришлось окликнуть его трижды, пока он не оторвался от созерцания приборной панели и не поднял глаза. Дымчатые, как асфальт после летнего ливня.

— Чего тебе? — удивленно спросил он, убирая с глаз длинную челку. Каре золотистых волос, придававшее ему сходство с принцем из киносказки «Не покидай», окончательно убедило меня в его «инопланетности». В моем мире одноклассники стриглись коротко, и только принцы могли себе позволить длинные, блестящие, шелковистые волосы... А то, что вместо коня — байк, так и времена другие!

— Хочу прокатиться, — поражаясь своей наглости, выпалила я.

Он не поверил. Он усмехнулся. Он оценил мою смелость. (Тогда я убеждала себя в том, что его покорила моя красота.)

— Барс, что там? — окликнул его товарищ, совсем не похожий на королевича из сказочного дворца. Коренастый, с сальными длинными волосами, собранными в хвост, с густой бородой, накачанными ручищами, он скорее напоминал гнома, выбравшегося из подземелья.

— Все в порядке, Тор, — ответил ему мой байкер и подвинулся, освобождая для меня место позади.

Загудел мотор. Я уселась позади, не решаясь до него дотронуться.

— Я люблю скорость, — бросил через плечо он. — А ты?

— Обожаю, — выдохнула я.

— Тогда держись крепче!

Я робко коснулась ладонями кожаной куртки. Мотоцикл сорвался с места, в ушах засвистел ветер — и я вцепилась в байкера, как клещ. Мимо проносились сине-зелено-серо-белая лента улицы, в которой невозможно было различить ни домов, ни деревьев, ни прохожих. В ушах выло цунами. Во рту появился привкус крови — это я закусил губу, чтобы не вопить от ужаса. Челка, намертво склеенная лаком, стояла дыбом. Волосы, казалось, сдует ветром вместе со скальпом. Я нервно хихикнула, представив, как порыв ветра принесет скальп к моим подружкам, стоящим у дороги, бросит его на голову Лерке, словно парик, и та, нервно отфыркиваясь, возьмет его кончиками пальцев и скажет: «Ну, что я говорила?»

Внезапно мельтешение вокруг резко прекратилось, и на меня дохнул мятный холодок.

— Прости, мы его все-таки не догнали.

Его глаза были насмешливыми и ослепляли, как вспышка фотоаппарата.

— Кого? — непонимающе переспросила я, хлопая ресницами и убирая руки.

— Солнце. Оно от нас убежало.

— Действительно, — неловко улыбнулась я и, осмелев, добавила: — А мы с подругами только за этим и пришли — на закат посмотреть.

— Удивительно, — усмехнулся он. — Я думал, сейчас ходят смотреть только кино.

Я улыбнулась, подыскивая какой-нибудь остроумный и эффектный ответ, который

сделает меня умной и интересной в его глазах, который позволит мне остаться с ним и кататься, прижавшись к его спине, ночи напролет.

— Ничто не сравнится с... — начала я, но окончание моей искрометной фразы потонуло в реве мотора красного мотоцикла, промчавшегося мимо нас.

Внезапно взгляд байкера стал теплым, как июльское море, и он подался вперед. «Сейчас поцелует!» — возликовала я. Но он бросил: «Извини, мне пора», стряхнул меня с сиденья и, окатив газом из выхлопной трубы, умчался туда, откуда меня забрал. Я поплелась следом, выискивая глазами подруг.

Девчонки встретили меня у смотровой площадки.

— Вот ты где! — воскликнула Лера. — А то этот дикарь вернулся один, мы уж не знали, что и думать!

— Ну как? — охрипшим от восторга голосом пискнула Надя.

— Здорово, — ответила я, глядя им за спину.

Мой байкер страстно целовал длинноволосую рыжую девушку в красной кожаной куртке и узких джинсах. Его мотоцикл так же страстно прижимался к красному женскому мотику — на нем, вне всяких сомнений, примчалась разлучница, в волосах которой запуталось закатное солнце...

Я развернулась и зашагала прочь.

Сейчас, спустя семь лет, он приехал встречать меня в аэропорту Парижа... Интересный поворот. Что ж, если Вацлав так увлечен своей мымрой, то почему бы и мне не закрутить французский роман?

— Чем обязана такой чести? — любопытствовала я.

— Мадемуазель, — по-военному отчитался он, — я отвечаю за вашу безопасность на территории Парижа.

Не узнал, поняла я. Конечно, столько времени прошло... Хотя я его узнала сразу, несмотря на короткую стрижку, несмотря на модное пальто. Потому что для меня та поездка на байке стала приключением, которое запоминается на всю жизнь, а для него она была лишь незначительным эпизодом. Байкер забыл мое лицо раньше, чем доехал до своей рыжей. А вот мне его лицо еще долго снилось ночами.

— И только? — уточнила я. — А я-то мечтала осмотреть замки в долине Луары. Говорят, отныне мне принадлежит один из них.

— Нет проблем, — быстро отозвался он. — Долина Луары — прекрасное место.

«Наверное, там здорово гонять на байках с твоей рыжей», — угрюмо подумала я и осеклась, в замешательстве взглянув на Андрея. В ушах молоточком зазвучал голос Глеба: «Все Гончие пережили такое, чего и врагу не пожелаешь. Каждый из них потерял самых близких людей...» Взглянула — и поняла. Рыжая мертва. Эти глаза забыли тепло июльского солнца, подлинную радость и настоящее счастье. Они серы, как февральский лед, и хмуры, как северное небо над Норвегией.

Смешавшись, я отвела взгляд, но мои чувства не ускользнули от внимания Гончегу.

— Что-то не так? — нахмурился он.

— Просто устала после перелета, — солгала я.

— Скоро будем на месте, — обнадежил он и повел нас с нотариусом к стоянке.

По дороге я гадала: посадит ли он нас на такси, а сам поедет следом на верном байке? А может, предложит мне прокатиться с ним? При этой мысли сердце предательски дрогнуло, и я вновь ощутила себя наивной шестнадцатилетней школьницей, а не взрослой вампиршей с почти трехмесячным опытом выживания в вампирской тусовке. Но на стоянке меня ожидало разочарование: Андрей довел нас до черного джипа и, усадив в салон, сам сел за руль.

Меня так и подмывало спросить его о мотоцикле, но что-то подсказывало, что делать этого не стоит.

Глава 3

Мадемуазель вамп

Машина притормозила у ажурных ворот частного особняка, расположившегося в тихом переулке. Если бы пять минут назад я своими собственными глазами не видела Эйфелеву башню, то ни за что бы не поверила, что нахожусь в самом сердце города.

Парижская старейшина Вероник Нуар, бывшая подругой Аристарха, настойчиво звала меня остановиться у себя дома. Я отнекивалась, не желая обременять незнакомую мне вампиршу, и просила снять мне номер в отеле. Но Аристарх убеждал, что Вероник — чудесная женщина и радушная хозяйка, что у нее я буду чувствовать себя как дома. Окончательно убедило меня упоминание о том, что особняк Вероник находится в центре французской столицы, в непосредственной близости от бутиков и достопримечательностей, а сама хозяйка — желанная гостя во всех модных домах Парижа и она с удовольствием устроит мне шопинг-тур ВИП-класса. И хотя после недавних событий мои страсти по шопингу несколько поутихли, все-таки быть в Париже и не прошвырнуться по бутикам — это преступление против моды, которого я себе никогда не прощу. Тем более я обещала бабушке Лизе привезти шляпку в подарок.

Бабуля, разумеется, была не в курсе истинных целей моей поездки: ей и родителям я сказала, что лечу в Париж в командировку от журнала, которым руководит Аристарх.

Вот еще одна проблема с этим наследством — как мне скрывать от семьи свалившиеся на меня миллионы? Вот Жан подсудил! Уж родные-то точно знают, что никакого наследства мне не грозит. По маминой линии все предки — рабочие или колхозницы. По папиной — сплошь нищие интеллигенты. Ученые, доктора, педагоги. Разве что бабуля раскроет семейную тайну о своем французском возлюбленном, настоящем отце моего папы. Тогда можно сочинить, что француз оказался богатым наследником, а после его смерти все состояние перешло к моему папе. Но это сколько ж документов придется «подделать» при помощи нотариуса? Да и вряд ли так просто наследство вампира можно отписать человеку...

Андрей вышел из машины и переговорил по домофону, после чего ажурные ворота медленно растворились, позволяя нам проехать.

У крыльца нас встретил учтивый дворецкий, а стоило войти в дом, я тут же попала в объятия хозяйки. Вероник была латиноамериканкой и, со свойственным ее землякам темпераментом, едва не задушила меня, восклицая по-французски:

— Жанна, как я рада встрече! Так вот ты какая! Александр мне столько о тебе рассказывал по телефону. Он так рад! А как рада я! Как ты доехала?

Судя по скорости вылетавших фраз и вопросов, ни в комментариях, ни в ответах они не нуждались. Поэтому я только улыбалась и кивала, кивала и улыбалась, во все глаза разглядывая вампиршу. Те, кто увидел бы латиноамериканку на фото, не будучи с ней знакомым, были бы уверены, что ее сногшибательная внешность — заслуга фотошопа. Все в ней было ярким: крупные иссиня-черные кудри, вишневые от природы губы, русалочьи зеленые глаза — лучистые и того неповторимого оттенка, как море у самого берега Мальдивских островов. В облике Вероник знойная красота Латинской Америки соединилась с изысканными чертами европейских женщин, создав поистине экзотический и незабываемый образ. Тонкий точеный носик и высокие скулы дополняли полные чувственные губы и смуглая кожа. Если бы Вероник была так же знаменита, как Анджелина Джоли, еще неизвестно, чье фото в качестве эталона приносили бы к пластическим хирургам дамочки по всему миру. Я бы скорее поставила на Вероник!

Однажды увидев, ее лицо невозможно было забыть. Наверняка для вампириши, вынужденной регулярно менять имя и место проживания, такая броская внешность создает изрядные проблемы. Зато теперь я прекрасно понимаю, почему Аристарх с такой теплотой отзывался о Вероник. Чтобы у моего ветреного деда и этой умопомрачительной красотки с буйным темпераментом да не случилось романа — ни за что не поверю! На вид Вероник можно было дать лет двадцать пять, но красота латиноамериканок зреет под жарким экваториальным солнцем куда быстрее, чем у европейек, поэтому хозяйка дома на день своего обращения в вампиры могла быть даже моложе меня. Однако в том, что она старше меня лет

на пятьдесят, нет никаких сомнений. Ее бирюзовые глаза — не прозрачная зелень волны, набежавшей на берег, а глубокий морской омут, который скрывает множество тайн и погибших кораблей, о которых вампириша предпочла бы забыть навсегда.

Наконец Вероник отпустила меня и отстранилась, «чтобы хорошенько рассмотреть внучку Александра». По старой памяти она называла Аристарха его настоящим именем. Интересно, какое имя при рождении дали ей самой — Долорес, Мария, Кармен, Филиппа, Эсмеральда? Но не буду задавать бестактных вопросов. Для всех она Вероник, значит, и для меня тоже.

Пока хозяйка разглядывала меня, крутя, как куклу, я всю косила взглядом по сторонам, изучая интерьер в классическом стиле: высокие сводчатые потолки, колонны, помпезные вазы в половину моего роста, паркетный пол, рисующий сложные узоры.

— У вас превосходный дом, — искренне восхитилась я, вклинившись в поток ее комплиментов моей внешности («Какая ты красавица!», «А как похожа на Александра!», «Разобьешь сердца всех наших мужчин»). — Такой красивый и просторный!

— Ты, должно быть, шутишь! — звонко смеясь, вскричала Вероник.

— Нисколько, — удивилась я. — Дом роскошный!

Разве что к яркой внешности Вероник больше подошла бы вилла в средиземноморском стиле с террасами с видом на море, нежели строгая классика форм и интерьера. Однако в любом интерьере Вероник будет чувствовать себя королевой — с первых минут общения с ней становилось понятным, что эта женщина выросла в роскоши и что богатство и высокое положение не упали на нее как снег на голову, в отличие от меня, а вошли в ее жизнь с колыбели.

— Роскошный? — Вероник оглушительно расхохоталась, а я в недоумении отстранилась.

Нотариус на мой вопросительный взгляд только пожал плечами, Андрей многозначительно хмыкнул, а лицо дворецкого осталось непроницаемым.

— Мой дом — лачуга Золушки по сравнению с замком, который теперь принадлежит тебе, — отсмеявшись, пояснила Вероник.

Ужас! Что за Букингемский дворец мне оставил этот пижон Жан?

— Понятно, — воскликнула она, увидев мое вытянувшееся лицо. — Ты его еще не видела! О, дорогая, поверь мне, после того как ты побываешь там, у меня тебе покажется просто тесно.

Однако реакция Вероник — лишнее подтверждение моей предыдущей догадки об обеспеченном прошлом. В ее голосе не было ни капли затаенной зависти, только радость и чуточку кокетства — она так пылко расхваливала чужие хоромы, что напрашивалась на комплимент.

— Ну, пока я там не побывала, останусь при своем мнении, — улыбнулась я. — У тебя замечательный дом.

Судя по тому как Вероник быстро перешла на «ты», церемоний она не любила, и я решила не оскорблять ее выканьем.

— По крайней мере, одно преимущество у него есть, — воскликнула она. — Не приходится пилить на машине двадцать километров до ближайшей булочной.

От такой перспективы я окончательно приуныла. Огромный замок в глуши — мечта маньяка. Такого, каким был Жан! А для меня ценность жилья в первую очередь обуславливается близостью к метро и остановке общественного транспорта. Надеюсь, во Франции другие критерии и мне удастся выгодно загнать «домик в деревне», чтобы потом прикупить просторные апартаменты в двух шагах от метро «Арбатская». Благо опыт риелтора в прошлой человеческой жизни имеется, и уж на сделках с недвижимостью я собаку съела.

— Пойдем, я покажу тебе твою комнату! — потянула меня за руку неугомонная Вероник.

— Мадам, позвольте мне, — с обидой в голосе вмешался дворецкий, намекая на то, что

не подобает хозяйке такого большого дома вести себя, как студентке из общежития, к которой в гости приехала подруга. В конце концов, он-то здесь на что?

— Я сама! — безапелляционно вскрикнула Вероник, увлекая меня к лестнице, ведущей на второй этаж.

Я едва успела попрощаться с нотариусом и Гончим, которые обещали посетить меня завтра и пожелали мне хорошо отдохнуть.

— Ужасно нудный тип! — приглушив голос, посетовала Вероник на дворецкого. — Достался мне от предыдущего старейшины и уже третий год пытается меня строить! Мадам должна то, мадам должна это, мадам не стоит этого делать, — передразнила она.

— То есть он работал еще у прежнего старейшины? — уточнила я.

— И у прежнего, и у всех предыдущих на протяжении уже пятидесяти лет, — скорчив гримаску, сообщила она. — Прибавь еще те тридцать пять лет, которые он отработал на своего первого хозяина, графа. Представляешь, как мне с ним тяжело?

— Что же он такого натворил? — ужаснулась я.

— В каком смысле? — недоуменно вскинула брови Вероник.

— Так ведь прислугой работают только вампиры, отбывающие наказание за провинности, — заметила я, следуя за ней по коридору мимо неосвещенных комнат с открытыми дверьми.

Благодаря свету в коридоре, в комнатах можно было рассмотреть часть интерьера. Массивный стол у окна — это кабинет. Книжные шкафы от пола до потолка — прошли библиотеку. Пластиковый домик, мячи, большой розовый заяц размером с меня — невероятно, но похоже на детскую игровую! А вот бильярдный стол в следующей комнате — здесь уже игровая для взрослых.

— Ах это! — Вероник махнула рукой. — Бернара обратил в вампира его же хозяин, это случилось еще до Пражского договора. Став одним из нас, граф не захотел проститься с верным дворецким, служившим его семье долгие годы. А Бернар даже после гибели хозяина не пожелал покинуть свой пост и остался дворецким при старейшине, которому передали особняк графа. Старейшины меняются, а Бернар остается. Для него даже сделали исключение: он не подчиняется закону о миграции и продолжает жить в Париже уже который год. За пределы особняка он не выходит с тех пор, как построили Эйфелеву башню. Говорит, не может видеть, как портят облик милого его сердцу города! Родственников у него нет, так что Совет старейшин решил не высылать старика и закрепить его за этим домом. А Бернар и рад стараться. Все время меня учит, учит, — Вероник страдальчески закатила глаза. — Он живет по правилам прошлого века и меня стремится в эти рамки загнать... Пришли!

Хозяйка свернула в одну из комнат, включила свет. Я вошла следом. Все правильно, гостевые спальни — в конце коридора, чтобы ни резвящиеся детишки в игровой, ни взрослые, гоняющие шары в бильярд, не мешали покою других гостей. Судя по обилию комнат, в этом доме одновременно можно принять целую делегацию.

Вошла — и замерла на пороге. Комната, оформленная в бежево-золотистых тонах, казалось, тонула в лучах солнца, несмотря на сумерки за окном.

— Нравится? — озабоченно спросила Вероник. — Я советовалась с Александром, он сказал, ты любишь эту цветовую гамму. Есть еще другие комнаты — алая, синяя, черная, — с готовностью предложила она. — Только скажи, и я распоряжусь, чтобы Бернар их подготовил.

— Нет-нет, мне здесь все нравится! — заверила я.

— Правда? — Вероник улыбнулась. — Мне тоже по душе эта комната. Она напоминает мне о моей солнечной родине, Мексике.

— Мечтаю там побывать, — призналась я, вспомнив передачу «Вокруг света» с песчаными пляжами Акапулько и древними руинами цивилизации ацтеков.

— Я тоже, — с грустью отозвалась Вероник. — Вот только ужасно не выношу местного солнца. Ну что ж, — нарочито бодро воскликнула она, — располагайся.

Отдыхай, — она кивнула в сторону смежной комнаты, — ванна там. Потом спускайся к ужину.

— Вероник, — остановила я ее, — я валюсь с ног и хотела бы сразу лечь спать.

— Уверена? — Судя по расстроенному лицу мексиканки, она собиралась проболтать со мной всю ночь.

— Да.

С церемонным стуком по дверному косяку в незапертую комнату вошел дворецкий и торжественно водрузил мой модный чемодан от Берберри, тут же завладевший вниманием Вероник, на пол у шкафа. Выслушав мои благодарности и распоряжения хозяйки на стол не накрывать, невозмутимо кивнул и удалился.

— Что ж, тогда отсыпайся, а я от тебя сбегу, — решила Вероник. — Ночь только начинается. Ты не обидишься?

— Ну что ты! Конечно, иди. На меня не смотри.

Повеселев, она чмокнула меня на прощанье.

— Тогда спокойной ночи!

— А тебе — интересной ночи, — отозвалась я.

— Отдыхай.

— А ты веселись!

— А ты набирайся сил, чтобы мы потом повеселились вместе!

Поняв, что обмен любезностями рискует затянуться, я прикусила язык и деликатно выпроводила словоохотливую мексиканку за дверь. После чего заперла дверь, подошла к окну и отдернула тяжелые портьеры, за которыми оказались глухо задраенные жалюзи. Однако! Двойная степень защиты. Дорогой гость может спать спокойно. Повозившись с жалюзи, я наконец смогла выглянуть в окно.

Я ожидала увидеть палисадник, или кирпичную кладку низеньких домов, или мельницу «Мулен Руж» и конечно же мерцающий силуэт знаменитой башни, которую, по моим наивным представлениям, можно было увидеть из любого парижского окна.

Но вместо этого уперлась взглядом в современный шестиэтажный дом через дорогу, на крыше которого мелькала надпись «Кока-кола».

— Здравствуй, Париж! — вздохнула я и закрыла жалюзи.

Проснувшись, я сначала не поняла, где нахожусь. Почему комната непривычно пахнет апельсином? Почему так холодно и скользко? Ах, да это шелковая постель! Откуда подо мной такая широченная кровать? И кто на ней со мной? Спросонья я была уверена, что на такой кровати и шелковых простынях не спят в одиночестве, и долго шарила рукой по подушкам и одеялу, пытаюсь нащупать того, кто грел мне постель этой ночью. Наконец я докатилась до края кровати, увидела лампу на тумбочке и включила свет. Рассеянное золотистое мерцание развеяло миражи и прояснило разум. Я в Париже! В доме старейшины Вероник. Я приехала за наследством Жана, а в аэропорту меня встретил байкер, который семь лет назад прокатил меня на Воробьевых горах и стал героем моих ночных грез на ближайшие полгода. Вот только он меня не узнал. И еще, он теперь вампир, глава местных Гончих. Что ж меня все время тянет на плохих парней? Ведь предупреждал меня Глеб с ними не связываться.

Сердце сжалось в комок. Глеб... Я была влюблена, но не успела по-настоящему полюбить. Наверное, поэтому его гибель я пережила легче, чем Лана, у которой в прошлом был роман с Глебом и которая продолжала его любить все эти годы. Смерть Глеба стала для меня ударом и на время выбила из колеи. Но не потому, что из жизни ушел необходимый, как воздух, человек, а потому, что я чувствовала себя виноватой в его смерти. Конечно, это не я внесла его имя в список жертв и не я вколола ампулу с ядом в его вену. Но именно я в ту ночь со скандалом выставила Глеба за дверь, ускорив исполнение приговора. Это я предоставила убийце возможность нанести удар... Свою вину я искупила — вычислила преступника, которым оказалась помутившаяся рассудком старейшина Инесса. И потом, на

смену опустошенности и душевным терзаниям, пришел покой, а теперь — и желание новой любви. С момента похорон Глеба прошло чуть больше месяца, а мне уже холодно одной в постели, мне снятся волнующие сны, в которых меня вновь мчит сероглазый байкер, а вчера сердце предательски ёкало, когда я ловила его взгляд. Глебу это бы не понравилось. Но он сам был известным ветреником! Бросил Лану, любившую его больше жизни, ради очередной интрижки. И меня бы со временем бросил. Может быть, уже через пару свиданий, если бы не задание старейшин следить за мной: контролировать, чтобы кровь Жана не помутила мой рассудок, не превратила меня в убийцу, и быть рядом, чтобы успеть остановить меня, а потом без сомнений сдать Гончим. Признаться, Глеб и роман со мной закрутил только по этой причине. Я узнала об этом, устроила грандиозный скандал и выгнала его. Он ушел, а Инесса подкараулила его в ту ночь и убила...

Умывшись в ванной, я оделась и отправилась на поиски живой души. Интересно, кроме Вероник и Бернара, в доме кто-нибудь живет? Должны же быть горничные, повар, водитель... Личный тренер, наконец, добавила я, заглядывая в следующую по пути комнату, оказавшуюся набитым тренажерами спортивным залом.

Второй этаж был пуст и безлюден, и я спустилась вниз. Из зала с колоннами и помпезными вазами, который язык не поворачивался назвать прихожей, вело два выхода. Я свернула налево и попала сперва в небольшую комнату, оформленную в темно-синих тонах. Из мебели здесь были только мягкие диванчики да низкие столики тонированного стекла. Между диванчиками стояли живые пальмы в кадках. Комната была проходной и, судя по всему, служила либо приемной, либо малой гостиной.

Я пересекла комнату и остановилась перед высокими, почти до потолка с лепниной, богато украшенными дверьми. Прислушалась — с той стороны не доносилось ни звука. Толкнула одну из дверей, и она на удивление легко подалась, впустив меня в просторный и почти пустой красный зал с высокими сводчатыми потолками.

На алых стенах белели светлые рамки с пейзажами различных стран: морской пейзаж с пальмами, снежные горы — то ли Кавказ, то ли Альпы, мексиканская прерия, русский лес, оранжевая пустыня, живописный каньон, рисовые поля, величественный водопад, еще море, но уже северное, суровое.

На стене напротив входа висела огромная карта мира: от привычных мне карт она отличалась тем, что материки на ней напоминали бело-розово-красное лоскутное покрывало. Приглядевшись, я поняла, что самые яркие красные участки приходились на мировые столицы, а неокрашенными оставались самые солнечные места планеты — южные курорты, Азия, Африка. Да это же вампирская карта мира, осенило меня. И на ней показана плотность вампиров по всему миру. Москва, Лондон, Париж, Вена, Пекин очерчены красным — здесь вероятность встретить вампира выше всего. Солнечные Рим, Барселона менее комфортны для вампиров — они помечены розовым, так же как пригороды крупных мегаполисов. Изнемогающие от палящего зноя Эмираты, Турция, Египет, вся Африка и большинство Азии могут спать спокойно — вампирам здесь не климат, о чем свидетельствует отсутствие розовых красок.

Мне сделалось не по себе от кроваво-красных стен, хотя, вынуждена признать, зал выглядел торжественно и нарядно и не уступал парадным залам дворцов. Судя по размерам помещения, отсутствию мебели, кроме тех же диванчиков, и небольшому подиуму в углу, раньше здесь проводились балы, а сейчас с равным успехом могли устраиваться танцы, концерты и праздничные торжества. Пейзажи с изображением разных ландшафтов и карта мира подчеркивали многонациональность вампирской тусовки.

То ли внешний вид зала на меня так подействовал, то ли это природа давала о себе знать, но я ощутила страшный голод. Надо было срочно найти Вероник. Вчера я забыла у нее спросить про бутылочки с донорской кровью. Дома у меня хранился целый запас, но в полет сыворотку брать нельзя, иначе проблем со службой досмотра не оберешься. Аристарх уверял, что Вероник обеспечит меня донорской кровью на время пребывания в Париже. Что ж, надеюсь, это так и она не станет подшучивать надо мной и подбивать полакомиться

кровью юных сладких парижан.

Я вернулась назад, к парадному входу, и направилась в другую сторону. Сначала я попала в такую же небольшую комнату отдыха с диванчиками, только она была зеленой, а потом очутилась в большом проходном зале с четырьмя дверями. И — о чудо! — до меня донеслись голоса. Пройдя две двери, я остановилась у третьей, из-за которой журчала французская речь, и уже тронула дверную ручку в форме головы льва, собираясь войти, как до меня донесся отчетливый голос дворецкого.

— Мадам, вы поступаете необдуманно. Вы знаете, как к мадемуазель Жанне относятся в обществе.

Я замерла и приникла к двери.

— Вздор! — пылко перебила Вероник. — Она замечательная девушка.

— Она — кровная наследница Жана Лакруа, — напомнил Бернар. — И мне ли вам говорить, что с этим наследством не все так просто...

— Она — родная внучка Александра Перье, — парировала Вероник. — И она не может быть такой, как о ней говорят. Все эти домыслы — чепуха!

— Мадам подвергает себя и свою репутацию старейшины большой опасности, покровительствуя этой мадемуазель, — гнул свою линию дворецкий. — Это весьма опрометчиво, особенно сейчас, когда ваше положение и без того довольно шатко. Такое чувство, мадам, — с горечью заметил он, — что вы совсем не дорожите своим местом в Совете старейшин.

— Бернар, — вспыхнула Вероник, — если ты не прекратишь, я подыщу себе нового дворецкого.

Воцарилась тишина, был слышен только стук приборов, которые, видимо, раскладывал на столе старый слуга. Я уже собралась войти, как прозвучал звенящий от обиды голос дворецкого:

— Вот увидите, мадам, вы еще пожалеете, что предоставили ей свой кров. И тогда поймете, что месть Сартр был прав.

Интересно, это еще кто такой? Сартр, Сартр... Что-то знакомое. Не то певец, не то актер, не то манекенщик.

Сердитые шаги застучали по направлению к выходу, я вспыхнула и метнулась к соседней двери, чтобы не быть застигнутой врасплох. На счастье, дверь подалась, и я влетела в зал, оказавшийся картинной галереей. Люстры здесь не горели, но за счет индивидуальной подсветки картины на стенах были ярко освещены и выглядели, словно окна.

Я с любопытством шагнула к ближайшей, которая показалась мне знакомой. Постерами с рекламой телевизора, на экране которого застыли, прильнув друг к другу, нарисованные мужчина и женщина, была обклеена вся Москва. Только на рекламных плакатах фон изображения был солнечно-золотым, и мужчина с женщиной представляли нежными возлюбленными, слившимися в поцелуе. Картина, перед которой я стояла, при всем внешнем сходстве и технике рисунка была совсем иной. Фон был непроницаемо-черным, две фигуры выступали из мрака словно выхваченные уличным фонарем. И это уже были не возлюбленные, прильнувшие друг к другу в порыве нежности. Художник, искусно копировавший манеру знаменитого предшественника, изобразил вампира и его жертву. Мужчина хищно навис над незащитной шеей женщины, безвольно склонившей голову. И если от картины с рекламных плакатов исходили свет и любовь, от этой сквозило тоской и безысходностью. Не было никаких сомнений в том, что в следующее мгновение вампир погрузит зубы в женскую шею и не пощадит свою жертву...

Мне стало не по себе, и я отпрянула к следующему полотну. В бархатно-синем ночном небе между искорками звезд над спящим деревянным городом парили мужчина и женщина. Женщина словно лежала в небе, а мужчина бережно удерживал ее в руках. И все бы ничего, если бы за спиной каждого из возлюбленных не были распростерты крылья летучей мыши. Вампиры, хозяева ночи, парящие в ночном небе невидимыми для обитателей деревянных домишек. Ночные хищники в поисках жертвы...

Попятившись назад, я уткнулась в стену и, повернувшись, вздрогнула от лукавого взгляда Моны Лизы, смотревшей прямо на меня. На первый взгляд картина была точной копией, но, приглядевшись, я заметила, что в уголке приподнятых в загадочной улыбке губ виден краешек клыка. Да что же это за галерея такая?

— Жанна, — окликнул меня голос незаметно вошедшей Вероник, — это ты! Я слышала шум и уж решила, что в дом прокрались воры!

— Привет, Вероник! Прости, что напугала. Я искала тебя или Бернара и заблудилась, — сочинила я. — Вот, попала сюда и увлеклась. Извини, если зашла, куда не следовало.

— Ну что ты! — успокоила меня хозяйка. — Эта галерея — гордость Парижского Клуба, ее всем гостям в обязательном порядке показывают. А ты всего лишь пару шагов не дошла до столовой, где Бернар меня пытался накормить овсянкой по классическому английскому рецепту.

— Он же француз! — удивилась я.

— Да, — Вероник скорчила гримасу, — но на днях у меня гостил один английский писатель родом из девятнадцатого века. И Бернар у него выпытал этот рецепт. Отменная гадость! Я так мечтала, чтобы ты появилась и меня спасла! — Она молитвенно сложила руки.

— Извини, что опоздала, — улыбнулась я.

— Ну и как тебе наш филиал Лувра? — Вероник повела рукой в воздухе.

— Впечатляет, — призналась я. — У вас очень талантливые имитаторы. Переписать известные полотна так, словно их исправил сам мастер, — редкий дар.

— Имитаторы? — с обидой в голосе возразила Вероник. — Жанна, все картины — подлинники. Это Климт. — Она указала на вариацию картины с рекламы телевизоров. — Это, — кивок в сторону полотна с крылатыми вампирами, — Шагал. Там, — взмах руки в глубь галереи, — Пикассо, Боттичелли, Моне, Сезанн, Рубенс, Рерих, Врубель.

— Не может быть! — ахнула я. — Они все были вампирами?

— Мало кто, — качнула головой Вероник. — Но в разное время они столкнулись с кем-то из нас и, под впечатлением, написали эти картины. Какие-то из них потом послужили основой для шедевров, которые сейчас знает весь мир. Переписав их в светлых тонах, одни, как Климт и Шагал, стремились избавиться от тягостных воспоминаний встречи с нашими соплеменниками. Но большинство картин так и осталось неизвестными — мы забрали их раньше, чем их увидела публика. Все они там, в глубине. У входа висят самые знаменитые.

— Забрали? — уточнила я с недоверием.

— Какие-то выкупили, какие-то похитили, какие-то отобрали силой, — пояснила Вероник. — Ты же понимаешь, лучше нам себя не афишировать перед широкой публикой.

— Но ведь художники знали, — возразила я.

— Да кто бы поверил их словам? А вот их работы были весьма убедительны, как и все гениальное, поэтому картины надо было изъять. Ну что, составишь мне компанию за столом?

Я с радостью покинула полумрак галереи, вошла вслед за Вероник в ярко освещенную, оформленную в терракотовых тонах столовую и на миг зажмурилась от бьющего в глаза света.

— Слишком ярко? — виновато спросила вампирша. — Бернар все время отчитывает меня, что я вставила чересчур мощные лампы. Но я так люблю солнечный свет, а по понятным причинам бывать на солнце не могу, поэтому здесь постаралась...

— Все в порядке, Вероник, — остановила я ее. — Я тоже люблю солнце.

Хозяйка мне благодарно улыбнулась, а Бернар сердито громыхнул подносом, ставя передо мной тарелку овсянки.

— Кажется, я ему не по душе, — заметила я, когда он удалился.

— Ну что ты! — поспешила разуверить меня Вероник. — Бернар сам по себе бука, зато за домом следит — не придерешься. Знала бы ты, сколько парижских вампиров пытались переманить его к себе, но он верен этому дому, и это заслуживает уважения.

Я с сомнением подцепила ложку пышной овсянки, щедро сдобренной сливочным маслом. Надеюсь, милому Бернару не придет в голову отравить нежелательную гостью, чтобы спасти репутацию беззаботной хозяйки? Да и страшно интересно, что же за слухи бродят вокруг меня среди местных, отчего Вероник может пострадать? Однако от нее самой я ответа не добьюсь — это к бабке не ходи. Мексиканка ни за что не захочет меня огорчать и примется уверять, что все местные вампиры только и мечтают со мной познакомиться и уже заочно меня обожают.

— Все просто мечтают с тобой познакомиться! У меня телефон ни на минуту не умолкает, — в подтверждение моих слов прошептала она. — Так что сегодня мы устраиваем бал в твою честь!

Только не это! Я вспомнила свою дебютную вечеринку в Москве: все вампиры настороженно таращились на меня, пытаюсь понять, что за темную лошадку к ним занесло. А бонусом к застолью шла развлекательная программа с участием прославленных вампиров-фокусников, гимнастов, певцов и музыкантов. Пир завершился настоящей чумой: гимнастку-китайку убили в женском туалете, а мне «посчастливилось» обнаружить труп.

— А как же месье нотариус? — спросила я. — Он говорил, что сегодня мы должны встретиться по делам.

— О! Он только что звонил и сказал, что возникли какие-то трудности. Он еще позвонит позже. Вы увидите с ним завтра, а сегодня — бал!

Глядя в сияющие глаза Вероник, было понятно, что отсидеться в гостевой комнате мне не удастся. Что ж, посмотрю, какие они, парижские вампиры. И попробую выяснить, с чего вдруг они меня так невзлюбили. Может, я перешла кому-то дорогу в завещании богатого наследства? Но Вероник на мой вопрос уверенно ответила, что живых кровных преемников у Жана, кроме меня, нет.

— А мертвых? — Я чуть кашей не поперхнулась.

— Дело давнее, — беззаботно отозвалась хозяйка. — До Пражского договора Жан инициировал вампиров, но все они быстро сходили с ума и погибали. Ой, прости, Жанна! — виновато воскликнула она, глядя на меня.

— Ничего. — Я сглотнула овсянку, ставшую в горле комом. — Я уже привыкла.

Вспомнилось, как бывшая Гончая Лаки хотела убить меня только потому, что Жан поделился со мной своей кровью и сделал вампиром. Лаки тогда упомянула свою родственницу, жившую сотней лет раньше. Ее тоже сделал вампиром Жан, и спокойная девушка, известная своим милосердием и добротой, под действием крови Жана превратилась в сумасшедшую убийцу и была растерзана толпой людей, мстивших за своих близких.

Я машинально дотронулась до пирсинга на животе. Раньше я носила там Серебряную Слезу Привлекательности, не подозревая об этом. Мой бывший парень Федор, увлеченный кладоискатель, подарил мне ее, когда она еще была старинным кольцом. Негламурный подарок я переплавил в хорошенький цветок-пятилистник для пирсинга, с которым не расставалась. И именно Слеза, которую так искал Жан, стала причиной моей встречи с вампиром. Тогда борьба, завязавшаяся между нами, привела к моему случайному заражению вирусом вампиризма. А так как Жану, в силу его неконтролируемой жестокости, было официально запрещено инициировать новых членов Клуба, тот растерялся, сбежал в Париж и на время забыл о Слезе. Из-за крови Жана и попадания в Клуб в обход правил (традиционно решение о принятии в вампиры принимается всеобщим голосованием) на меня косо смотрели все московские вампиры. А теперь и парижские тоже будут. А Слезу Привлекательности Жан у меня все-таки отобрал и воссоздал легендарную Чашу, которая давала власть над всеми вампирами. Я убила Жана, разрушила Чашу, а Аристарх вытащил из магического огня серебряную подвеску — Слезу Милосердия. Оставшись без любимого пирсинга, я переплавил Слезу в новое украшение, на этот раз выбрав символическую форму замочка с ключиком — в знак того, что Слеза оберегает меня от влияния Жана, «запирает» его темную сущность, которая передалась мне с кровью. Со Слезой я не расставалась даже в ванной. Однако вампиры, не подозревая о том, что у меня есть оберег от влияния Жана, по-

прежнему считают меня потенциальной маньячкой, которая может сорваться в любой момент и устроить техасскую резню бензопилой или кошмар на улице Вязов. Возможно, именно об этом предупреждал дворецкий Вероник и именно такого поворота событий опасаются парижские вампиры.

Задумавшись, я и не заметила, как съела всю овсянку. Бернар забрал у меня пустую тарелку и что-то сердито пробурчал в ответ на мое «мерси». Похоже, расположить к себе старого брюзгу комплиментом его кулинарному таланту не удастся. Что ж, не велика беда. Я здесь всего на несколько дней и уж как-нибудь вытерплю недовольную физиономию дворецкого.

Вероник подошла к старинному буфету и открыла его ключом.

— Мужская, женская? — обернулась она ко мне.

— Что? — не поняла я.

— Кровь, — буднично пояснила хозяйка. — Предпочитаешь женскую или мужскую?

— Все равно, — смущенно пробормотала я. Три месяца в роли вампира, а я никак не привыкну спокойно относиться к насущной проблеме утоления голода.

Словно не заметив моей неловкости, Вероник уточнила:

— Группа крови?

— Без разницы.

Тут вампирша в удивлении глянула на меня:

— Без разницы?! Но у них совершенно разный вкус. Первую и вторую невозможно пить в чистом виде: первая чересчур пресная, вторая горчит. От третьей болит голова. Я предпочитаю четвертую — она самая мягкая и сладкая. Она самая редкая из всех, но в этом и плюс положения старейшины. — Вероник мило улыбнулась, словно речь шла о сортах вина. — Что считается деликатесом для обычных вампиров, то всегда в свободном доступе для старейшин. — Она вынула из шкафчика красивую рифленую бутылку темного стекла и встряхнула ее. — Свеженькая, только вчера привезли. Позволь мне тебя угостить — и ты сама поймешь, что я имею в виду.

Вероник наполнила рубиново-красным содержимым один из хрустальных бокалов на столе.

— Держи. — Она плеснула крови во второй бокал и подняла его. — За тебя. Надеюсь, тебе понравится в Париже.

— Спасибо за гостеприимство.

Наши бокалы скрестились со звоном, и Вероник сделала маленький глоточек, смакуя содержимое.

Смотреть на это было неприятно, я отвела глаза и залпом опрокинула в себя бокал. Кровь горячей хмельной волной хлынула в желудок, и я закашлялась.

Вероник наклонилась ко мне, постучала по спине, протянула салфетку:

— Никак не привыкнешь?

Я промокнула губы, оставив на салфетке кровавый след, и кивнула.

— Это не микстура, Жанна, чтобы глотать ее с такой брезгливостью, — мягко, словно неразумному ребенку, заметила Вероник. — Это наш витамин жизни. Пойми это и перестань терзаться. — Она спокойно сделала последний глоток и отставила в сторону пустой бокал. — А теперь пойдем, подберем тебе наряд для бала.

Глава 4 Вампир выбирает «Диор»

Гламур — не роскошь, а средство преображения. Если перед своей дебютной вампирской вечеринкой в Москве я колебалась в выборе наряда, то на этот раз сомнений не возникло. Какими бы ни были парижские вампиры, я предстану перед ними настоящей королевой. Шелковое алое платье от Диора мы выбирали еще с Глебом, в тот день большого шопинга, когда слонялись по крупному торговому центру в надежде спровоцировать убийцу

на нападение и поймать с поличным. Убийцу не поймали, зато шопинг удался на славу. Платье цвета крови Глеб оценил как самую удачную покупку того дня, а я пообещала ему, что надену его на следующую вампирскую вечеринку, которую он будет вести. Через несколько дней Глеба не стало, и платье провисело в заключении в шкафу почти месяц — я на него без слез взглянуть не могла. Сейчас самое время проститься с прошлым и открыть новую страницу жизни блистательным выходом в парижский свет. Надеюсь, там будет Андрей... Или какой-нибудь другой неотразимый вампир. Потому что к такому платью обязаны прилагаться восхищенные мужские взгляды.

Когда я показала платье Вероник, та ахнула:

— Ты собираешься надеть его?

— А что? — Я нахмурилась, услышав в ее голосе сомнение. — С ним что-то не так?

— Да нет. — В глазах Вероник промелькнуло странное выражение. — Все так. А ну-ка надень!

Она помогла мне справиться с застежкой и восторженно воскликнула:

— Фантастика! Ты убьешь всех наповал!

— Лучше пусть живут, — пробормотала я, расправляя алый шелк на бедрах и глядя на свое отражение.

Из зеркала на меня смотрела традиционная киношная вампирша: карие до черноты глаза на белой, как фарфор, коже, легкий румянец на щеках — результат недавнего перекуса, темные волосы мягкими волнами до пояса, красное вечернее платье. Не хватает только броской помады и яркого маникюра в тон наряду.

— А знаешь, — польстила Вероник, — если бы тебя не обратил Жан, это должен был сделать кто-нибудь другой. Ты просто создана для нашего Клуба!

— Вряд ли, — усмехнулась я. — У меня нет обязательного условия для членства: какого-нибудь особого дара.

— Не верю! — пылко возразила мексиканка. — Что-нибудь да обязательно найдется! Может быть, ты видишь сквозь стены?

— Если только это стены модного бутика, куда завезли новую коллекцию, — ответила я, озабоченно снимая с платья пылинку.

— Что, правда?! — вытаращилась на меня вампирша.

— Конечно, — со смешком подтвердила я. — К тому моменту я успеваю выучить официальный сайт с новой коллекцией наизусть.

— Могла бы и догадаться, — хихикнула она и предложила новую версию: — Тогда, может, ты знаешь пять иностранных языков?

— А только за это принимают в вампиры? — удивилась я. — Нет, всего два. Но французский почти в совершенстве — благодаря бабуле.

— Не почти, а совершенно! У тебя произношение как у урожденной парижанки, — вновь польстила мне Вероник. — А может, ты умеешь убеждать кого угодно в чем угодно?

— Вообще-то я могу, — задумчиво припомнила я. — Однажды я пару недель копила на потрясающее платье от Александры МакКвин, а когда пришла его купить, обнаружила, что платье моего размера осталось в одном экземпляре и его примеряет несносная блондинка с ногами от ушей... Вероник, видела бы ты, как оно на ней сидело! Она была просто фея. Но я исхитрилась убедить ее, что платье делает ее бледной и простит, и навязала ей какую-то уродскую черную робу. Продавцы-консультанты просто диву давались. Но перечить не стали — уродское платье стоило в два раза больше «фейского». А я получила в свои ручки платье своей мечты.

— Я в восхищении, — развеселилась Вероник. — Но вряд ли эту историю оценят старейшины с точки зрения твоей незаменимости Клубу. А может, — с надеждой предположила она, — твой ай-кью близок к двумстам баллам?

— Ты сама-то в это веришь?

Мы переглянулись и расхохотались.

— Ты права, — признала мексиканка. — Ты куда симпатичнее всех этих занудных

нобелевских лауреатов и докторов наук, которые при всей своей мудрости ни капли не разбираются в элементарных вопросах... Например, в выборе роскошных вечерних платьев! — Она бросила многозначительный взгляд на мой наряд.

А я помрачнела, вспомнив, что тогда не я первая обратила внимание на платье, а Глеб выудил его из дюжины вешалок.

— Что-то не так? — встревожилась Вероник.

— Нет-нет, все в порядке. За исключением того факта, что в Клуб я попала с черного хода, поправ все правила, и никаких оправданий, кроме собственной глупости, мне в том нет. Вероник принялась горячо меня разубеждать и предложила последнюю версию:

— Может, ты как богиня катаешься на горных лыжах?

— Не представляю, чем ценно это умение, но, увы, и тут мимо. Я ни разу в жизни не стояла на лыжах.

— О, тогда ты просто обязана составить мне компанию в Куршевель! — азартно вскричала она.

— Это там, где тусуются олигархи? — поморщилась я.

— Это там, где тусуется половина из нас, — поправила Вероник. — А другая половина обеспечивает нас вкусной, свежей и здоровой кровью. Ты и представить себе не можешь, как отличается кровь горожанина в пыльном мегаполисе от крови лыжника, который провел на горном воздухе несколько часов, — мечтательно добавила она.

— Боюсь, мне там негде будет блистать в моем красном платье, — поспешила перевести я тему.

— О! — воскликнула Вероник. — Тебе фантастически пойдет лыжный костюм!

— Да у меня его и нет.

— Разве это проблема для единственной наследницы Жана? — горячо возразила она. — Жанна, ты можешь себе купить миллион лыжных костюмов. И алмазный бюстгальтер под костюм, — подумав, присовокупила она и задорно расхохоталась.

— Неужели Жан и впрямь так сказочно богат? — в очередной раз поразила я. Да и как не поражаться, если пока я о роскошном наследстве только слышу, но масштабов его еще представить не могу.

— Это ты, Жанна, теперь сказочно богата, — поправила Вероник. — Тебе просто необыкновенно, фантастически повезло!

— Да уж, — пробормотала я, — везет как вампиру.

Я вспомнила остекленевшие глаза Жана, когда вдавила ему в сердце серебряный кулон, и вздрогнула. Хорошо, что никто на свете, кроме московских Гончих и моего деда, не знает, как все было на самом деле. А то у вампиров хватило бы ума додуматься до того, что я коварно убила Жана, чтобы завладеть его богатством.

К счастью, Вероник была слишком взбудоражена предстоящей вечеринкой и не заметила моего состояния. Она схватила меня за руку и потащила из гостевой комнаты.

— Идем! Теперь ты pomoжешь мне выбрать платье. Конечно, затмить тебя уже не получится, — она лукаво улыбнулась, — но я постараюсь. Не может же старейшина выглядеть замарашкой в сравнении со своей гостьей.

Под гардероб Вероник была отведена огромная комната, размером с мою московскую квартиру. Вдоль одной стены тянулись стеллажи с обувью и сумками. Другую стену занимали вешалки с платьями всех оттенков радуги.

— Вот это да! — ахнула я, глядя на вешалки, уходящие в глубь комнаты, вплоть до зеркальной стены от пола до потолка. Да у мексиканки тут, поди, каждой «Армани» по паре!

Вероник с лукавством улыбнулась:

— Посмотрим, что ты скажешь на это! — Она скользнула рукой по стене с выключателями.

Основная подсветка стала медленно гаснуть, и на вешалки с платьями будто ложилась мягкая вуаль темноты. Зато пол вспыхнул квадратами света, словно диковинный аквариум. И в каждом из стеклянных сверху и бархатных изнутри бордовых отсеков показались самые

прекрасные туфли на свете. Отсеки располагались в шахматном порядке, и на одном из них я как раз стояла. Разглядев под носком своей туфельки изумительные желтые босоножки, я невольно шагнула назад, чувствуя неловкость — как будто по неосторожности наступила на редчайший цветок.

По мере того как основной свет гас, подсветка пола зажигалась все ярче. Наконец, на потолке остались гореть только тусклые звездочки светильников, зато пол под ногами светился ярче полуденного солнца. И, казалось, сияние исходило от самих туфель, запертых в стеклянные ячейки и всем своим блестящим и модным видом вызывавших о выходе в люди.

— Нравится?

Я обернулась на голос Вероник и молча кивнула. Я была слишком взволнована увиденным, чтобы дать более развернутый ответ. Жаль, что я не смогу перемерить все это великолепие: одежда Вероник на пару размеров больше моего, а обувь и на все три-четыре.

Хозяйка довольно улыбнулась.

— Теперь ты понимаешь, что выбор будет нелегким?

— Всю жизнь мечтала о такой гардеробной, — призналась я. — Но мне и в голову не приходило, что для этого надо стать старейшиной вампиров.

— Почему же. Есть и другой способ. — Вероник мне подмигнула. — Стать наследницей Жана Лакруа.

— Ты хочешь сказать, что... — У меня перехватило дыхание. Одно дело — слышать о каких-то мифических миллионах. И совсем другое — видеть реальное им применение.

— Стоит тебе только пожелать, и твоя гардеробная будет в десять раз больше, — подтвердила Вероник.

Я с ликованием огляделась. Что ж, кажется, Жан оставил мне неплохую компенсацию за то, что его кровь сделала меня вампиром.

Замечтавшись, я не обратила внимания, что наступила на краешек одного из светящихся квадратов. А когда опустила глаза, колени подогнулись, и я рухнула на пол, прильнув к стеклу, скрывавшему самое удивительное творение на свете. Туфельки насыщенного рубинового цвета... Лучшей пары к моему сегодняшнему платью и не сыскать. Жаль, что размер ноги Вероник больше моего. Хотя эти туфельки выглядят совсем миниатюрными.

— Это лак? — с придыханием спросила я, глядя на светящиеся носы туфель.

— Это шелк, — с гордостью поправила Вероник. — Такие туфли не на каждый день, а только для самого важного бала.

Она вдруг наклонилась, нажала на потайную кнопку, открыв отсек, и взяла в руки туфельки.

— Примерь их.

— Да ты что! Это же, — я бросила взгляд на стельку, — «Фенди» чистой красоты! Такие туфли нельзя носить, ими можно только любоваться.

— Вот я и люблюсь. — В голосе Вероник скользнуло сожаление, и она пояснила: — Один поклонник подарил, но они мне беспощадно малы.

— Не угадал с размером? — с сочувствием кивнула я.

— Наоборот, — Вероник усмехнулась. — Выбрал тот самый, который я ему назвала.

Я непонимающе подняла глаза, с трудом оторвавшись от созерцания роскошных туфель. Что ни говори, по одежке встречают, по туфлям провожают. И если я надену такие туфли, фурор в высшем вампирском свете Парижа мне обеспечен.

— Я же не знала, для чего он спрашивает, — призналась она. — И назвала ему размер гораздо меньше своего. Побоялась, что его чувства остынут, когда он услышит, что его прекрасная дама носит сороковой. А потом он принес мне их, и...

Мы обе расхохотались. А Вероник, переведя дух, укорила:

— Тебе смешно, а я тогда чуть не удавилась. Не столько со стыда, сколько от горя.

— Скажи лучше, как ты выпуталась. Он заставил тебя их примерить?

— Еще бы! Он так переживал — подойдут они или нет. В общем, — она сконфуженно

потупила глаза, — пришлось соврать, что к вечеру у меня распухли ноги, поэтому туфельки налезали только на носок. А он еще терзал мне душу и настойчиво повторял, что можно договориться об обмене на размер больше. Но я же не могла признаться, — давась от смеха, добавила она, — что мне нужны туфли не на размер, а на пять больше!

— Значит, это, — я затаила дыхание, — тридцать пятый?

— Как раз твой, если не ошибаюсь? Давай примерь.

Вероник наклонилась и поставила туфельки у моих ног. Любви к «Фенди» все возрасты покорны. Соблазн был велик, и я не устояла. Колодка обняла ступни с нежностью любовника, рубиновый шелк прильнул к ноге, как вторая кожа.

— Ну как? — Вероник выжидающе подняла глаза.

— По-моему, в самый раз, — не веря своему счастью, сказала я.

— Пройдись!

— Мой размер, — уверенно признала я, сделав несколько шагов.

— Значит, туфли на сегодняшний вечер мы тебе подобрали, — с некоторой ревностью в голосе заключила Вероник и пнула в сторону лодочки, в которых я пришла.

Я, колеблясь, глянула на нее.

— И возражения не принимаются, — возразила она на мой взгляд и шутливо пригрозила: — Иначе — укушу!

— А что стало, — я не сдержалась от любопытства, — с тем твоим поклонником?

— Я его съела. — Вампириша хищно сверкнула глазами и добавила, оправдываясь: — Сама подумай, как я могла видеть его после того, как он столь жестоким образом разбил мои мечты и опозорил меня?

Я поежилась. Надеюсь, это не его свежей кровью четвертой группы меня сегодня угощала Вероник?

— Ну, Жанна, — укорила она меня. — Ты наивная как ребенок. Я же пошутила. Ничего с ним не стало. Живет, развлекается, делает подарки другим девушкам. Я, как понимаешь, после подобного конфуза встречаться с ним не могла. А теперь помоги мне выбрать платье! Ты-то вон уже при полном параде, а я до сих пор не представляю, что надеть!

Переворошив десятки вешалок и перебрав бесчисленное множество туфель, мы наконец подыскали наряд для придирчивой Вероник. Платье нескольких оттенков морской волны благодаря сложному крою походило на оперение райской птицы. И глядя, как Вероник шагает по стеклянному полу к зеркалу от пола до потолка, можно было подумать, что она летит. В глазах мексиканки бушевал вольный океан, а за плечами раскрылись невидимые крылья.

— Ну как? — обернулась она.

— По-моему, вы просто созданы друг для друга, — заметила я. — Ты, это платье и вон те чудесные изумрудные босоножки в ячейке справа.

— Ты права, — признала она, примерив их и покрутившись перед зеркалом. Тонкие ремешки были почти незаметны на ногах, и издалека можно было подумать, что Вероник и вовсе босиком. — Они идеально сюда подходят.

— Не хватает только последнего штриха. — Я подошла к ней и вытащила шпильки, выпустив на свободу волну густых темных волос.

— Надо бы расчесать. — Вероник провела рукой, приглаживая непокорные локоны.

— Нет-нет! — остановила ее я. — Только так. Сейчас кажется, что в твоих волосах заблудился морской ветер.

Вероник ослепила меня белозубой улыбкой и порывисто прижала к себе.

— А теперь пошли со мной. — Она заговорщически подмигнула. — Твоему платью тоже не хватает завершающего штриха.

Я с неохотой покинула царство туфель и платьев, утешая себя мыслью, что совсем скоро у меня будет такая же комната чудес.

Штрихом оказалась прямоугольная зеленая коробочка, которую с сияющим видом протянула мне вампириша.

— Не подходит по цвету к моему платью, — пошутила я, пытаюсь ее открыть.

Коробка подалась не сразу, а когда крышка приподнялась, я в восхищении ахнула:

— Вероник, но это же...

— Черные бриллианты! — Она тряхнула головой, отчего ее платье заколыхалось, и она сделалась похожей на синюю птицу, исполняющую желания. — Редкие и уникальные. Такие же, как и ты.

— Но я не могу... — хрипло выдавила я, чуть не откусив себе язык, который все-таки посмел изречь крамольную мысль. «Хочу!!!» — стучало в голове. «Но ты не можешь, — восклицал голос разума. — Они стоят миллионы!»

— Я не дарю их тебе, — отрезала Вероник. — Я одалживаю их тебе на этот вечер.

Я, колеблясь, перевела взгляд с изумительного кольца на раскрасневшуюся хозяйку.

— И только вздумай отказаться, — пригрозила она, разрешив мои сомнения. — Тебе же не нужен смертельный враг среди парижских старейшин? Уж поверь мне, со мной лучше дружить.

— Вероник, ты чудо!!! — Я повисла на ее шее.

— Ну-ну. — Отстранившись, она пригладила свое необыкновенное платье. — Это моя благодарность за то, что ты замечательный стилист. Знаешь, я ведь купила это платье давно. Но все никак не решалась его надеть. Казалось, что оно слишком легкомысленное для моего статуса. А сейчас осмелилась и... — Она подняла на меня глаза, в которых блестело июльское солнце. — И чувствую себя девчонкой-тропиканкой, какой я была, — она запнулась, — раньше.

Появившийся в дверях дворецкий замер как громом пораженный.

— Мадам, — вымолвил он минуту спустя, — надеюсь, вы не собираетесь надеть это на сегодняшнее торжество?

— А что не так, Бернар? — Вероник уперла руки в бока.

— Это просто верх легкомыслия, — выговорил он с осуждением.

Вероник только громче рассмеялась, подскочила к дворецкому и звонко чмокнула его в щеку, объявив, что это лучший комплимент, который он мог ей сделать. Бернар отшатнулся, пробормотал, что приходил доложить о прибытии месье Виара, и торопливо удалился, словно боялся заразиться от хозяйки вирусом легкомыслия. А в комнату вошел эффектный худощавый брюнет с чемоданчиком в руке.

— Вероник, — он так и пожирал мексиканку глазами, — ты просто обворожительна!

— Жанна, — польщенно улыбнулась та, — познакомься, это наш волшебник, Эжен.

— Неужель та самая Жанна? — Он только сейчас заметил меня и с любопытством обшарил взглядом черных, как маслины, глаз, комментируя: — Так-так, кожа бледновата, побольше румян и мерцающей пудры на скулы. Глазам не хватает контура. А какие ресницы! Свои? Настоящее богатство, такие сейчас и не встретишь. Ну и помада. Конечно, красная — такое платье само диктует макияж.

Я бросила недоуменный взгляд на Вероник, и та с улыбкой пояснила:

— Эжен — визажист. Он подготовит нас к сегодняшнему балу.

Вот это уровень! Личный визажист. Я ведь так и привыкнуть могу.

— Девушки, вы будете самыми ослепительными красотками на этом сборище! — клятвенно заверил Эжен и раздел Вероник взглядом профессионального ловеласа. Подумать только! Глядя на этого дамского угодника, нипочем не угадаешь, что он зарабатывает на жизнь макияжем. — Итак, с кого начнем?

— С меня, — нетерпеливо вскрикнула Вероник. — Ой, Жанна, извини, может, ты хотела...

— Все нормально, — улыбнулась я. — Я пока накрашу ногти.

— Только алый лак, — крикнул мне вслед Эжен. — Непременно матовый и в три слоя!

Эжен и правда оказался волшебником. Он рисовал мое лицо с вдохновением художника, создающего лучший шедевр в своей жизни.

Когда он отложил в сторону кисть от пудры, это уже была не я, а другая Жанна — роковая, страстная, демоническая. Глаза, подведенные фиолетовыми тенями, казались космической бездной. Искусно нанесенные румяна выделили скулы и придали лицу что-то кошачье. А в центре пухлых, покрытых алой помадой губ мерцала капелька блеска, и можно было принять ее за капельку невысохшей крови.

— Черная кошка, — восхищенно прошептал Эжен, глядя на меня глазами Пигмалиона. — Хищная. Опасная. Прекрасная.

Вообще-то я ожидала несколько другого эффекта и хотела расположить к себе парижских вампиров, а не запугать их еще больше. Но, вынуждена признать, в этом образе я чувствую себя весьма комфортно. Что ж, если кто вздумает говорить про меня гадости, тот познакомится с моими коготками!

Макияж Вероник, напротив, был подчеркнуто естественным. Лицо казалось загорелым, словно вампирша только что вернулась со Средиземного моря, а губы яркими и будто бы припухшими от поцелуев. Мерцающие бирюзовые тени делали цвет глаз еще более насыщенным, а взгляд — сияющим. Вероник выглядела так цветуще, так по-человечески, что никто бы не заподозрил в ней вампира. Похоже, именно этого она и хотела. Потому что все время, пока Эжен скрупулезно рисовал мое лицо, она не отлипала от зеркала и восклицала, какой он гений.

— Что ж... — Получив последнюю порцию похвал, визажист захлопнул чемоданчик. — Считайте меня доброй феей, которая помогла вам собраться на бал. А теперь повеселитесь хорошенько, мои милые Золушки!

— А ты? — удивилась Вероник. — Разве ты не идешь на вечеринку?

Эжен улыбнулся и покачал головой:

— Сегодня день рождения у моей внучки. Мне и так с большим трудом удалось уговорить клоуна, которого моя дочь с зятем позвали на праздник, поменяться местами.

Когда он ушел, я в недоумении спросила:

— Его дочь не хочет с ним знаться, раз ему приходится идти на такую хитрость?

Вероник посмотрела на меня долгим пристальным взглядом и медленно проговорила:

— Ты еще очень молода, Жанна. И тебе еще многое предстоит понять. По-твоему, дед, который выглядит моложе родителей, может появиться на семейном празднике? Эжен уже лет пятнадцать как официально умер для своих родных. И повидать внучку он теперь может, только переодевшись клоуном и раскрасив лицо до неузнаваемости.

— Значит, девочка даже не узнает его? — потрясенно вымолвила я.

— Искренне надеюсь, что нет. Иначе это будет катастрофа, — озабоченно сказала вампирша.

— А как, — удивилась я, — ему разрешают жить рядом с родными больше пятнадцати лет?

— Жить в одном городе с родными не запрещено, — пояснила Вероник. — Запрещено жить на одном месте больше десяти лет.

— Значит, Эжен — не парижанин?

— И даже не француз. Он из Болгарии. Его дочь вышла замуж за французского и переехала сюда. А он переехал вслед за ними. Чтобы два раза в год, — с грустью добавила вампирша, — нарядившись клоуном или Санта-Клаусом, подержать на руках свою внучку.

— Вероник, — тихо спросила я, — а у тебя есть внуки?

— У меня нет даже детей. — На лицо мексиканки набежала тень, и она опустила глаза, поправляя золотые часики на запястье. — О-ля-ля! Времени-то уже сколько! Что же мы сидим-то? Давно ехать пора.

Бернар словно того и ждал. Он беззвучно возник на пороге комнаты и церемонно объявил:

— Лимузин подан!

— Мы поедem на бал на лимузине? — поразились я.

— Как и подобает настоящим принцессам, — задорно воскликнула Вероник.

Черные бриллианты, личный визажист, лимузин... Что дальше? Личный самолет, яхта, дворец?

— Шуба! — провозгласила Вероник и потащила меня к шкафу-купе в коридоре. Зеркальная створка скользнула в сторону, и передо мной возник модельный ряд мехов разных цветов — от классического черного до экстравагантного зеленого.

— Я возьму это. — Вероник выхватила вешалку с белым манто. — А тебе, — она на мгновение задумалась, — подойдут соболя. Как и положено русской принцессе!

Черная шубка оказалась мне великовата, но Вероник пояснила, что она понадобится только для того, чтобы пройти от машины к дому, и я не стала отказываться. В такой важный день все должно быть прекрасно: и одежда, и обувь, и особенно шубка!

Лимузин обогнул Триумфальную арку, и за окном промелькнули оживленные Елисейские поля с зазывно горящими вывесками ресторанов, наряженная в золотые огни Эйфелева башня, площадь Согласия со вставшими в зимнюю спячку фонтанами и почтительно застывшими статуями, роскошное здание Лувра и мрачный силуэт Нотр-Дам де Пари. Казалось, водитель специально выбрал самый длинный маршрут, пролегающий через все достопримечательности города.

— Ты ведь впервые в Париже? — сказала Вероник. — Я спрашивала у Александра. Жаль, что он не смог прилететь с тобой. Твой дед показал бы тебе такой Париж, который даже я не знаю. Он ведь вырос здесь, а я переехала всего четыре года назад. Но одно я знаю точно — по Парижу нужно непременно ходить пешком, из окна машины его толком не узнаешь.

За окном проплыли призывно горящие витрины легендарного парижского магазина «Галерея Лафайет», и я прильнула к стеклу, жадно вглядываясь в эту обитель высокой моды и едва не поскуливая от нетерпения. С ума сойти, на деньги Жана я смогу купить себе весь этот магазин! Ну или хотя бы его половину.

Вероник, поняв мое состояние, рассмеялась:

— Мы обязательно туда ходим. Хочешь, хоть завтра. Но на сегодня у нас другие планы. Держи!

Я механически взяла фужер на тонкой ножке, наполненный розовой жидкостью с пузырьками. Надо же, я и не заметила, как Вероник колдовала у встроенного бара. По салону распространился аромат игристого вина с примесью какого-то незнакомого запаха.

— Это розовое шампанское? — спросила я, с любопытством разглядывая прозрачное содержимое фужера. Если судить по черным бриллиантам и лимузину, шампанское должно быть самого высшего сорта. — Это «Моет Шандон» или «Вдова Клико»... — проявила я осведомленность в винах.

Эти вина, стоившие по сотне долларов за бутылку, всегда были для меня символом роскоши и красивой жизни, но мне никогда раньше не приходилось их пробовать, даже когда я стала бывать на шикарных вампирских вечеринках. Московские вампиры предпочитали кровь и красное вино.

— Смеешься? Я бы не посмела угостить тебя такой дешевкой.

Я в удивлении подняла глаза на Вероник: она шутит?

— Это винтажное «Перрье Жуэ Блан де Блан», — непринужденно сообщила Вероник, отпивая из фужера. Заметив мое недоумение, она пояснила: — Это редкий сорт шампанского.

Тысяча евро за бутылку, не меньше, потрясенно поняла я, делая крошечный глоточек, который взорвался на языке фонтаном розовых лепестков, апельсинов, меда, ванили, яблок и... крови.

— Смешанный с кровью одного моего доброго друга в пропорции один к трем, — непринужденно пояснила вампирша и кивком указала мне на выдвинутую крышку бара. На ней стояла фарфоровая тарелка с бутербродами, густо намазанными черной икрой. — Закусывай.

— С кровью кого? — сглотнула я.

Вероник мило улыбнулась и назвала имя модного французского актера, известного на весь мир. Я с ужасом покосилась на фужер.

— Кровь собрана в тот славный день премьеры, когда слава кружила ему голову, а мой друг чувствовал себя самым талантливым артистом и самым желанным мужчиной на свете. Этот вкус особенный. Привыкай к красивой жизни, — покровительственно сказала Вероник и коснулась своим бокалом моего. — Чин-чин!

Отвлечшись на выпивку, я не заметила, как мы выехали за пределы Парижа. Теперь за окном мелькали леса и коттеджные поселки.

— Разве мы едем за город? — насторожилась я.

— А я не сказала? — Вероник прикончила второй бокал шампанского и отставила его. — Бал пройдет в одном из замков.

— Все сходится, — хихикнула я, ловя губами очередную стайку розовых пузырьков. — Сказочные туфельки, добрая фея — визажист, лимузин — карета, дворец, в котором проходит бал. А я типа Золушка.

— И принц на черном коне, — задумчиво сказала Вероник, глядя в заднее стекло салона.

— Что? — не поняла я.

— Ничего.

Мне показалось, что ее глаза цвета моря на миг затопил шторм — такими черными они сделались. Но в следующий миг вампирша тепло улыбнулась, и я мысленно пожурела себя: пить надо меньше, надо меньше пить.

Опьянение шампанским накатило быстро, но так же стремительно прошло. Когда лимузин въехал в ажурные ворота, проехал по припорошенным снегом аллеям и остановился перед парадной лестницей старинного замка, ярко освещенного иллюминацией, моя голова уже была трезвой. Разве что настроение было восторженным и все происходящее напоминало ожившую сказку. Для полного соответствия не хватало только принца. Как там сказала Вероник? На черном коне? Почему не на белом?

Дверь лимузина открылась, и я, не глядя, протянула руку человеку, который помог мне выйти. Только когда каблучки волшебных туфель коснулись асфальта и я выпрямилась, наши взгляды скрестились, и я удивленно ахнула:

— Ты?

Глава 5

Бал вампиров

— А ты ожидала увидеть кого-то другого? — Глаза Андрея насмешливо сверкнули, рука чуть сильнее сжала мою ладонь.

— Я вообще никого не ожидала увидеть. Я здесь никого не знаю, — сердито возразила я, вырывая руку и подмечая несоответствие его внешнего вида строго прописанному торжественному дресс-коду. Вместо подходящего случаю смокинга или на худой конец костюма Андрей был одет в черную косуху, из-под которой виднелась тонкая шерстяная водолазка, и черные кожаные штаны. Дополняли раздолбайский прикид тяжелые громоздкие ботинки и массивный серебряный перстень с изображением черепа.

— Хорошо выглядишь. — Мне показалось, что в его голосе скользнула насмешка.

— Может, мне кто-нибудь поможет? — с недовольством возвала из лимузина Вероник.

Андрей, спохватившись, предложил ей руку и помог выйти.

— Добрый вечер, мадемуазель старейшина, — поприветствовал он ее.

Каблукочок подвернулся, и Вероник чуть не упала, но Андрей удержал ее, обхватив за талию сильным, властным жестом, каким мужчина прижимает свою возлюбленную. Мексиканка вспыхнула, Андрей с почтением склонил голову, словно извиняясь за этот

интимный жест, и убрал руки. Похоже, эти двое недолгобливают друг друга. Интересно, это обычная неприязнь вампиров к Гончим или нечто другое?

— Пойдем! — бросила мне Вероник, устремляясь вверх по парадной лестнице. Ее каблучки бешено застучали по ступеням, и мне пришлось ускорить шаг, чтобы поспевать за ней.

Оглянувшись, я увидела, что Андрей остался у подножия лестницы и небрежно прислонился к постаменту мраморного льва.

— А он, — заикнулась я, — не идет?

— Гончие не ходят на балы, — зло отчеканила Вероник.

— Тогда зачем он здесь? — не поняла я.

Вероник кинула на меня странный взгляд, но ничего не ответила. Два высоких охранника у дверей с почтением посторонились, и мы вошли в замок.

Сбросив шубы на руки швейцара, больше похожего на переодетого стриптизера (так он был хорош и плечист!), мы пересекли стеклянную галерею с окнами от пола до потолка и остановились перед высокими дверями. На каждой половинке было изображено по огромному крылу, и, будучи закрытыми, они соединялись в рисунок летучей мыши.

— Готова? — Вероник ободряюще улыбнулась мне и прислушалась к голосам, доносившимся из-за зала. Казалось, там гудел потревоженный пчелиный улей. — Похоже, все уже в сборе. Что ж, — она глянула на золотые часики на запястье, — мы достаточно всех потравили. Пора бы уже и показаться. Вуаля!

Она толкнула двери, и мы вошли.

Показалось, мы попали на похороны. В ярко освещенном огромном зале было черным-черно от вампиров, которые все, как один, были одеты в черное. Черные пиджаки, черные смокинги и черные брюки на мужчинах. Платья самых различных моделей на девушках — черные как ночь. На ком-то черные перчатки до локтей, у кого-то черные ленты в волосах, у кого-то — бархатные повязки на запястьях. На фоне этого торжества черного цвета мы с Вероник казались двумя экзотическими птичками, некстати залетевшими за кладбищенскую ограду и подвергшимися остракизму со стороны местных ворон.

Хм, это дресс-код или траур по случаю моего появления? А может, вампиры до сих пор скорбят по убитому Жану?

В пользу траура говорил и тот факт, что, как только мы появились, над залом повисла скорбная, тревожная тишина, и то, что собравшиеся в буквально смысле окаменели при виде нас.

— Кажется, мы убили их наповал, — чрезмерно довольная собой, чуть слышно шепнула Вероник и, покровительственно обняв меня за плечи, шагнула вперед, увлекая за собой.

В тот же миг остолбеневшие вампиры отмерли и окружили нас. Зал взорвался грохотом приветствий, бэк-вокалом им служили реплики, которыми делились между собой гости, обсуждая меня и Вероник. Я расслышала слова «невообразимая выходка», «что она себе позволяет», «вопиющее неуважение к традициям», «натуральное посмешище». Я все поняла и не смогла не восхититься смелостью Вероник. Своим ярким платьем она отважилась бросить вызов всем. Но на этот дерзкий шаг ее сподвигла я, вытащив из чемодана свое единственное вечернее платье — алого цвета. Похоже, что пафосные вечеринки в обществе местных вампиров проходили при самом строгом дресс-коде — черное и ничего кроме черного. Поэтому-то Вероник и ахнула в тот момент, когда увидела мой наряд. Она понимала, что другого у меня нет, платья из ее гардероба мне окажутся велики, а искать мне обновку в магазине уже нет времени. Уже одним своим появлением в неподобающем наряде я бросала вызов парижским вампирам. Не знаю, чего Вероник хотелось больше — поддержать меня или нарушить вековые правила, но только ей удалось и то, и другое. Причем последнее — просто блестяще. Вон как перекосило того бледного денди в первом ряду, который опирается на трость с громоздким набалдашником в виде земного шара. Даже

костяшки пальцев, униженных старинными перстнями, побелели от напряжения. Однако стоит отдать ему должное — мужик справился с собой, изобразил гримасу любезности и шагнул к нам. Остальные вампиры замерли, словно от реакции этого лицемера зависело, примут ли нас в высшее общество или с позором выставят за дверь.

— Прекрасные дамы, — процедил он с улыбкой и ощупал меня зорким взглядом тусклых зеленых глаз. Обычно зеленые глаза красивы, как свежая зелень альпийских лугов, как изумрудные воды тропического острова, как бирюзовая гладь озер. Но любоваться глазами незнакомца желания не возникало, от них хотелось скорее отвести взор и отряхнуться. Как от чего-то грязного, липкого. Это была даже не пожухлая трава, не тусклая топь болота, а что-то еще более мерзкое. — Мы уж вас ждали! — Фальшь в его голосе была такой же броской, как и огромный бриллиант на одном из колец. Притворная любезность и подлинный алмаз размером со сливу — в этом что-то есть. Что-то фантазмагорическое.

— Ипполит, — принужденно засмеялась Вероник, — ты же знаешь...

Отчаянно захотелось ему надерзить, и не успела я спохватиться, как с моих губ уже сорвались слова, перебивая оправдания мексиканки:

— На выезде из Парижа были пробки.

Вампир не выказал удивления такой чудовищной лжи, но и в долгу не остался:

— А в магазинах Парижа остались только красные платья?

— Почему же, — невинно отозвалась я. — Просто этот цвет мне к лицу. Вы не находите?

Наши взгляды скрестились, как шпаги дуэлянтов. Публика настороженно замерла. По открытой спине скользнул холодок, но я только еще выше вздернула подбородок.

— Мадемуазель, вы просто обворожительны. — Фальшь в его голосе достигла максимума, так же как и неприязнь в глазах.

— Жанна. Меня зовут Жанна.

— Несказанно приятно. — Его рука метнулась ко мне, как плеть, и прежде, чем я успела уклониться, он схватил в плен мою ладонь и коснулся ее ледяным светским поцелуем. — Позвольте представиться. Ипполит Сартр.

Тот самый, вспыхнула я, вспомнив слова дворецкого Бернара, и невольно выдернула руку. Впрочем, он меня и не держал. Однако моя реакция не осталась незамеченной: Ипполит метнул на меня настороженный взгляд инквизитора.

Плесень, поняла я, встретившись с ним глазами. Глаза Ипполита Сартра были похожи на старую, прогнившую плесень, которую обнаруживаешь на забытой в хлебнице булке, вернувшись из отпуска, и при виде которой к горлу подступает тошнота.

— Сартр, — сказала я, чтобы хоть что-нибудь сказать, — что-то знакомое. Уж не тот ли самый, что... — Я запнулась, пытаюсь вспомнить, о каком же Сартре я слышала — певце или музыканте?

— Не тот самый, — с достоинством произнес вампир. — А его потомок.

— О! — Я изобразила вежливое удивление. — Я большая поклонница... работ вашего деда.

Заминка в моей речи была секундной, но и она не укрылась от зоркого Ипполита.

— Приятно слышать. И каких же?

Он уставился на меня с видом экзаменатора, собирающегося подловить нерадивого студента.

— Ранних, — с вызовом ответила я, чувствуя, как на меня смотрят все собравшиеся в зале и каждый из них мечтает, чтобы Ипполит посадил меня в лужу. Не дождутся! Кем бы ни был этот неизвестный мне предок, музыкантом ли, художником, артистом, его творчество можно разделить на периоды. Если только он не политик или военный! Но блефовать так блефовать. — В ранних работах есть душа, а в поздних — один профессионализм, — тоном знатока выдала я.

— Интересная трактовка. — Он оценил мой блеф. — Как-нибудь побеседуем об этом

поподробнее, если вы не против? А пока не смею отнимать прелестную гостью у жаждущей с ней знакомства публики. Приятного вечера. — Он склонил голову и отступил, оставляя нас с Вероник один на один с толпой черных фраков и черных платьев.

Сколько же их тут! Я с любопытством окинула взглядом парижан. Одетые с иголки мужчины, затянутые в черный шелк и бархат женщины. Казалось, все черные платья из всех модных коллекций собрались в зале. Вот строгий черный бархат с узкой юбкой, миниатюрная хозяйка которого похожа на перевернутый бокал для шампанского, а ее прическа и лицо... Неужели Вивьен Ли? Нет, просто похожа. Вот собранный в сложный силуэт черный атлас, придающий хрупкой шатенке сходство с орхидеей. Вот маленькое черное платье на высокой блондинке с ногами от ушей. Такие ноги грех не продемонстрировать! А вот похожая на монашку дама в черном балахоне, которая смотрит на меня с явным осуждением. Ее сутулая соседка — натуральная ворона. Только клюва не хватает. А вон та взъерошенная брюнетка с короткой стрижкой, в накинутом на плечи черном боа и в платье силуэта колокольчик, — вылитая попугайха. Вот умопомрачительная брюнетка с эффектным декольте, а вон задрапированная, как мумия в саван, каланча с длинным носом. Чуть поодаль — шатенка в платье-баллон, которое совершенно не идет к ее коренастой фигуре и полным ногам. А вот роковая красавица в платье с разрезами до бедра, которые магнитом притягивают мужские взгляды.

Собравшиеся — в основном европейцы, белокожие и смуглолицые, но почти все брюнеты. Наверное, среди них много итальянцев и испанцев. Я уже успела заметить, что парижане похожи на своих соседей со Средиземноморья. В сравнении с многонациональной московской тусовкой экзотических лиц здесь единицы: парочка афроамериканцев — держится особняком; статный араб — по гордому виду шейх, не меньше! — обнимает за плечи миловидную голубоглазую блондинку; прехорошенькая азиатка — вытаращилась на меня так, что ее узкие от природы глаза сделались похожи на очи мультяшек из анимэ. Знаменитостей меньше, чем в Москве. Я опознала французского писателя, недавно приезжавшего в Россию, забытую солистку русской поп-группы, итальянскую актрису, пик славы которой пришелся на конец девяностых. А это неужели... Я взволнованно зарделась при виде испанского певца, песнями которого заслушивалась в школе. Знойный мачо с тех пор совсем не изменился. Интересно, а в мою честь запланирован концерт, как тогда, в Москве? Я бы не отказалась послушать кумира моей юности вживую. Интересно, а он все так же страстно трясет бедрами? Заметив мой взгляд, горячий испанец игриво повел бровями, а на его подбородке образовалась ямочка, которую я до дыр зацеловала на плакате, когда-то давно висевшем в моей комнате. Смешавшись, я отвела глаза. Еще несколько лиц показались знакомыми, но я так и не вспомнила имен. Возможно, звезд здесь все-таки не меньше, просто я не знаю тех, кто пользуется известностью во Франции.

— Что ж, господа, — Вероник хлопнула в ладоши, — вы, наверное, проголодались?

Я встревоженно покосилась на нее. Надеюсь, в мою честь не запланировано никакое жертвоприношение с дальнейшим распитием свежей крови?

— Давайте пройдем к столу, — предложила Вероник и двинулась через зал к арке, ведущей в соседнее помещение.

Вампиры словно только и ждали приглашения — загудели и хлынули следом за нами. Не удержавшись, я бросила взгляд через плечо. Темная волна фраков и платьев — то ли стая ворон, то ли траурная процессия, то ли свита черной королевы.

Если первый зал был бальным, то здесь располагался банкетный с уже накрытым длинным столом. Мы с Вероник сели в самом центре, а места по бокам от нас заняли двое мужчин — добродушного вида толстячок с щеточкой усов на круглом лице и серьезный брюнет с колючим взглядом, похожий на крестного отца в исполнении Аль Пачино. Он и оказался моим соседом.

— Как вам нравится Париж, Жанна? — светски обратился он ко мне.

— Очень нравится, — искренне сказала я. — Хотя я его еще толком не видела. Только то, что показала мне Вероник из окна лимузина.

— А мы, пока ждали вас, думали, что вы застряли в очереди к Эйфелевой башне, — сострил толстячок.

— Хотите, я стану вашим гидом на завтра? — неожиданно предложил «мафиози», чинно расправляя на коленях белоснежную салфетку.

Не хочу! Я испугалась. Но и отказать такому страшно. Сразу видно — к отказам он не привык.

— Прекрати, Пьер! — выручила меня Вероник. — Я сама покажу Жанне город.

— О нет, — с насмешкой возразил он. — Ты покажешь Жанне магазины, а это совсем другое.

— Вот поэтому моя экскурсия будет более полной, — не осталась в долгу Вероник. — А ты ограничишься одним Лувром и не выпустишь оттуда Жанну, пока вы не обойдете все этажи.

— В музее хорошо, а в бутике лучше, — вставила свое слово я.

Вероник звонко расхохоталась, а Пьер шутливо воздел ладони:

— Ладно-ладно, я умываю руки!

— Наша прелестная гостья уже взяла тебя в плен? — Ипполит со светской улыбкой опустил на стул напротив. — Будешь вторым в очереди после меня.

— Ну вот, вся верхушка в сборе, — провозгласила Вероник. — Жанна, знакомься, это другие наши старейшины. Эмиль, — кивнула она на толстячка. — Пьер. А Ипполита ты уже знаешь.

Вот черт! Под его заплесневелым взглядом у меня весь аппетит пропадет. Надеюсь, он не вздумает расспрашивать меня о своем славном родственнике. Ведь я так и не улучила момент, чтобы уточнить у Вероник, кто же такой этот Сартр. Однако Ипполит был безупречно вежлив, не позволил себе ни единой колкости, галантно подкладывал мне угощение, если его не опережали официант или Пьер. И только его взгляд, который я то и дело ловила на себе, отравлял застолье.

А уж на столе чего только не было! Стоило мне с любопытством посмотреть на ближайшее блюдо, как Пьер, Эмиль и Ипполит бросались за мной ухаживать.

— Не желаете ли салат по-нищенски, Жанна? — чинно спрашивал Ипполит.

— Я смотрю, вас заинтересовало эскарго по-бургундски? — живо откликнулся Эмиль. — Осторожно, его готовят на чесночном масле! Шучу, шучу! Если только вы не собираетесь ни с кем целоваться, оно вам ничем не навредит... Впрочем, если вы соберетесь поцеловаться со мной, я готов все мужественно стерпеть!

— Жанна, вы непременно должны отведать лягушачьи лапки по-провансальски, — наклонившись ко мне, убеждал Пьер. — Наш повар готовит их лучше всех в Париже! Пришлось сделать его вампиром, чтобы он услаждал наш вкус своими шедеврами долгие годы...

— Пьер, отстань ты со своими лягушками! — перебивал его Эмиль. — Вот утиная грудка в персиках — это шарман. А к ней изумительно подойдет розовое анжуйское... Позвольте ваш бокал, мадемуазель!

— А это любимое блюдо Вероник — устрицы, — искушал Пьер.

— Даже не соблазняй ее моими устрицами! — весело восклицала Вероник. — Я съем все блюдо! Где мое белое «Шабли»? Благодарю, месье Эмиль.

Вопреки моим опасениям, к застолью не прилагался неутомимый ведущий, без конца вовлекающий гостей в игры и конкурсы. Все было чинно и благородно, как при королевском дворе. Услужливые официанты, светские разговоры, изысканные блюда, взгляды из-под ресниц. Здесь никто открыто не разглядывал меня, как на моей дебютной вечеринке в Москве. И хотя я постоянно, каждым сантиметром кожи ощущала цепкие, изучающие взгляды, стоило мне скользнуть глазами по сидящим, как те мгновенно делали вид, что увлечены созерцанием соседа или содержимым тарелки, а до меня им нет никакого дела.

— Вероник, — прошептала я, когда наши соседи отвлеклись на бурное обсуждение премьеры в «Гранд-Опера», — как ты тут живешь?

В ее бирюзовых глазах промелькнула печаль.

— Ко всему привыкаешь, Жанна.

— Мне кажется, это не люди, а тени, — поделилась я.

— Мы тут все нелюди, если говорить начистоту, — усмехнулась Вероник.

— Ты же понимаешь, о чем я, — смутилась я.

Для меня вампиры — тоже люди. Никак не привыкну к тому, что в Клубе принято считать по-другому и подчеркивать разницу между обычными людьми и посвященными в тайное общество бессмертных.

— Прекрасно понимаю, — кивнула Вероник. — Это все западная сдержанность, — пояснила она. — Мы с тобой похожи, наши народы близки по духу. А французы предпочитают маску вежливости открытому проявлению чувств. Даже те, кто приехал сюда из других стран, со временем перенимают такое поведение.

— Должно быть, тебе здесь тяжело, — посочувствовала я.

— Знаешь, если бы меня не выбрали в старейшины, я бы сбежала к вам, в Москву, — призналась она. — Александр звал меня после того, как переехал сам. Я уже наполовину собрала чемодан, как вдруг это назначение! Сама понимаешь, такое выпадает раз в жизни, и то не всем. — Она грустно улыбнулась, словно сожалела о своем решении.

— Никогда не поздно переехать, — утешила я ее.

— Да. Но к тому времени там уже не будет Александра...

Совсем рядом зазвенела знакомая надрывная мелодия из какой-то телевизионной рекламы. Бросив короткий взгляд на экран мобильного, Ипполит с грохотом отодвинул стул и, опираясь на трость, вышел из зала, на ходу отвечая на звонок.

— Секретные переговоры, — хмыкнула я, глядя ему вслед. — Кстати, Вероник... — Услышав, что наши соседи перешли к обсуждению арманьяка, я тихо спросила: — Этот Сартр — он кто? Художник или актер?

Та так и прыснула:

— Ну ты даешь! Ты понятия не имеешь о том, кто этот славный предок? О, — передразнила она меня, — я так люблю его ранние работы! Совсем не то, что поздние!

Я сконфуженно потупила глаза.

— Не бойся. Я не выдам твой страшный секрет, — торжественно поклялась Вероник и, убедившись, что Пьер с Эмилем увлечены беседой, шепнула: — Жан-Поль Сартр — писатель и философ.

Хорошо что не военный!

— И этот Ипполит ему кто — сын, внук? — уточнила я.

— О, я даже толком не знаю. Никто не знает. Ходят слухи, что Ипполит даже не прямой потомок, но никто не рискует высказать свои сомнения. В конце концов, кому какая разница? А ты, — она виновато замялась, — на меня не сердись? За платье?

Ну как на нее сердиться? Вся так и сияет торжеством. А это болото снобов давно было пора встряхнуть. И мне лестно, что я имею к этому самое непосредственное отношение.

— Зачем ты это сделала? — спросила я.

— Давно мечтала. Вот только случая не было.

— Случая или смелости?

— И этого тоже, — призналась Вероник. — Строгий дресс-код соблюдается уже несколько веков, а я все-таки старейшина.

— Ты все правильно сделала. — Я сжала ее руку. — Вот увидишь, на следующем таком сборище будет уже больше ярких платьев!

— Да уж, — хмыкнула Вероник, — мы порядком встряхнули этот улей.

Мы заговорщически перемигнулись и стукнулись бокалами, в которых плескалось кроваво-красное мерло урожая 1985-го — года моего рождения. Своеобразный знак уважения парижских вампиров залетной гостье.

Вернулся Ипполит, с чрезвычайно озабоченным видом сказал что-то Эмилю с Пьером. Мужчины поднялись, Ипполит повернулся к Вероник:

— Есть дело.

Та без лишних расспросов отставила бокал и встала из-за стола, бросив мне:

— Извини, Жанна. Я скоро.

Четверо старейшин прошли мимо почтительно примолкших вампиров и скрылись за аркой. А потом взгляды присутствующих ударили по мне пулеметной очередью, а в оживленных разговорах, казалось, чаще звучало мое имя. Стараясь сохранить независимый вид, я сделала большой глоток вина и отправила в рот ломтик пармской ветчины, совершенно не ощутив вкуса. Оставшись без Вероник и без соседей по столу, я остро почувствовала свое одиночество и чужеродность этой тусовки, где мне никто не был рад.

Никто не подсаживался ко мне, как на дебютной вечеринке в Москве, не представлялся, не оставлял визиток. А я еще побаивалась, что меня, как наследницу баснословного состояния, изведут знакомствами и приглашениями. Меня изучали со стороны, как нового обитателя в террариуме, и все мои попытки поймать чей-нибудь взгляд заканчивались провалом.

Хоть бы Андрей, что ли, ко мне подсел! Вспомнив о нем, я окинула взглядом присутствующих. Гончего за столом не было, и мне вдруг сделалось жаль его — оставшегося на пронизывающем ветру, не приглашенного к праздничному столу, а может, он и сам не захотел присоединиться?

От внезапной мысли вино комом стало в горле. А что, если они знают? Знают, кто на самом деле убил Жана? Но пресловутое воспитание не позволяет им выставить меня вон, а наследство, которое мне полагается по завещанию, вынуждает мириться с моим присутствием?

А может, они просто ждут от меня первого шага? Может, никто не осмеливается так запросто присесть на место старейшин и завести со мной беседу? Я ободряюще улыбнулась элегантно одетой парочке — мужчине и женщине, которые сидели ко мне ближе остальных. Они были так похожи, что их можно было принять за брата и сестру. Или за супругов, проживших вместе долгие годы. Но осмелиться высказать это вслух я не решилась. Мужчина заметил мой взгляд в тот момент, когда подкладывал в тарелку своей спутницы сыр дор-блю. Он светски улыбнулся мне и протянул руку за моей тарелкой, расценив мой взгляд за гастрономический интерес. Отказываться было неудобно, и я стала счастливой обладательницей щедрой горки сыра с плесенью, которого я и прежде-то терпеть не могла, а сейчас и вовсе возненавидела. Черноволосая вампирша бросила на меня ревнивый взгляд — мол, что же я не ем, коль напросилась? — и с вызовом отправила в рот сырный кубик. Пришлось последовать ее примеру. Зря, потому что от специфического вкуса меня замутило, и под прицелом сотни пар глаз я выбралась из-за стола. Я нашла в себе силы с гордо выпрямленной спиной прошествовать через зал, но, нырнув в арку, ускорила шаг, пробежала пустую бальную залу и буквально вывалилась в двери, на половинках которых были нарисованы крылья летучей мыши.

Оказавшись в стеклянной галерее, я в замешательстве огляделась по сторонам. Я понятия не имела, где искать дамскую комнату, а спросить было не у кого. В галерее не было ни души. Здесь было свежо, и я зябко повела голыми плечами. Морозный воздух скользнул под юбку, задержался на лодыжках и побежал по ногам, отзываясь мурашками. Ночь, просочившаяся сквозь стекло, поила меня прохладой, и я жадно пила воздух, как голодный вампир — кровь. У парадного входа мелькнули огни, и я прильнула к стеклу, в надежде увидеть Андрея, по-прежнему подпирающего постамент мраморного льва. Но Гончего на улице не было. От крыльца к воротам отъехал черный автомобиль, а когда шум мотора умолк вдали, я услышала стук каблучков, чеканящих по паркетному полу бального зала — кто-то из вампирш направлялся оттуда в галерею. Крылья-створки распахнулись, впуслав черную бабочку.

— Вот ты где! — Молоденькая вампирша в черном платье с разрезами до бедра, которую я при первом осмотре охарактеризовала как роковую красотку, безо всякого стеснения разглядывала меня в упор, и в ее голубых глазах танцевали смешинки.

Растерявшись от этого откровенного взгляда, столь непривычного среди этой публики, я не сразу сообразила, что фраза прозвучала по-русски.

— Бессонова! Жанка! — Вампирша хлопнула себя по бокам. — Ну точно ты! У тебя сейчас такой же потерянный взгляд, как в тот раз, когда Каркуша тебя к доске вызвала, а ты стихотворение Пушкина выучить забыла.

Каркуша — это строгая учительница литературы, а это, стало быть...

— Ленка, ты? — не веря своим глазам, выдохнула я.

Мы дружили в средних классах, а потом Ленка вместе с отцом-дипломатом и матерью-скрипачкой исчезла из моей жизни без следа. Ни записки, ни адреса, ни телефона. Родных в Москве у нее не осталось, попытка разыскать ее через «Одноклассники. ru» успехом не увенчалась: пришлось перелопатить сотню страниц Елен Громовых, чтобы убедиться, что ни одна из них не имеет отношения к моей школьной подруге.

— А то кто же! — хохотнула басом подружка, что случалось с ней в минуты волнения, и я окончательно поверила, что передо мной не иллюзия, не мираж, а моя школьная подруга Ленка Громова во плоти. В следующий миг мы уже обнимались и звонко расцеловывались — не по-европейски чмокая воздух у щеки, а оставляя жирные следы от помады.

— Ленка, дай хоть я на тебя посмотрю!

— А я — на тебя! Я глазам своим не поверила, когда ты вошла в зал вместе с Вероник. Вот уж кого я меньше всего ожидала здесь увидеть, Бессонова, так это тебя!

Я смотрела на нее и не узнавала. От прежней подростковой угловатости не осталось и следа — Ленка выглядела как статуэтка, выточенная руками искусного мастера. А может, и вылепленная руками пластического хирурга. Вместо былых округлых щек — высокие скулы, вместо косицы мышиноного цвета — мягкие золотистые локоны. Исчезла уродливая железная скоба на зубах — новая Ленка была счастливой обладательницей белоснежной голливудской улыбки. Остались в детстве обкусанные под корень ногти — маникюр Лены можно было снимать для рекламы салона красоты.

— Расцвела, — вынесла вердикт Лена.

— А ты просто звезда, — честно сказала я.

Так много хотелось у нее спросить: где она была все это время? Кем стала? Чем занимается? Но все эти типичные вопросы, которые задают старому знакомому, встретившись спустя целую жизнь, затмил другой — неожиданный и фантаσμαгоричный, когда речь заходит о школьной подруге, с которой когда-то делила яблоко на перемене, тайком читала «Спид-инфо» под партой и впервые мазалась маминой помадой.

— Ленка, ты вампир?!

— Сразу видно — простая русская душа, — развеселилась она. — Смотри не вздумай так назвать кого из здешних. Вероник тебя еще простит, а Ипполит — никогда. Здесь все посвященные, избранные.

Ленка знакомым дружеским жестом потрепала меня по плечу.

— С ума сойти, моя старая подружница — знаменитая единокровная наследница Жана! Я уж молчу о том, что история твоего бесцеремонного вступления в Клуб поставила на уши весь Париж. Признаться, я даже восхищалась твоей наглостью!

— Все вышло случайно, — неловко возразила я.

— А знаешь, Бессонова, — она пристально взглянула на меня и рассмеялась, — никому бы на свете не поверила, а тебе верю. Только с тобой такое могло произойти, — она передразнила меня, — случа-айно.

— Лен, а ты-то как здесь?

— Долгий разговор. — Она повела плечом, прислушиваясь к нарастающему гулу, который доносился из зала. — И не здесь, не сейчас. Ты ведь еще задержишься в Париже? Вот и заезжай ко мне, наболтаемся до хрипоты.

В противоположном конце галереи зазвучали голоса — разговор явно шел на повышенных тонах, и там показались старейшины.

— Идем. — Лена потянула меня к дверям. — А то совсем тут задрогнем.

Створки-крылья распахнулись, и мы вошли в бальную залу, где снова собрались все вампиры.

— Чего это они? — шепотом спросила я.

— Поели, теперь можно и потанцевать, — ничуть не удивилась она. — Но я бы, честно говоря, не отказалась прежде хлопнуть бокальчик винца. Что-то я замерзла, пока с тобой там стояла. А, Бессонова?

Я охотно поддержала ее предложение. Танцевать мне было не с кем, а подпирать стенку не радовало.

Мы прошли мимо разделившихся на группки вампиров и миновали уже половину зала, как вдруг грянула музыка. Мелодия волной пронеслась по залу, разбилась о высокий потолок, потревожив стеклянные подвески огромной люстры, и рассыпалась хрустальными звуками рояля, по клавишам которого в упоении молотил длинноволосый музыкант. Вампиры, уже заранее разбившиеся на пары, стремительно закружились в вальсе, отрезая нам путь к арке. К Лене подскочил какой-то высокий шатен в смокинге и умчал ее в танце на другой конец зала. Я растерянно замерла в самом центре — оглушенная музыкой, брошенная всеми. Незанятые кавалеры игнорировали меня, выискивая партнерш среди знакомых девушек, и вот уже в зале не осталось ни одной одиночки, кроме меня. Танцующие вампиры ловко огибали меня, словно вокруг меня образовалась стеклянная сфера. Пронеслась мимо девушка в платье, похожем на цветок орхидеи, с кавалером, затянутым во фрак, как в футляр. Солидно провальсировала дама-монашка с мужчиной, похожим на ворона. Промчалась со своим кавалером, кажется даже не заметив меня, радостная Ленка. А я столбом стояла в центре всеобщего веселья и чувствовала себя в полном, абсолютном вакууме. Я была чужая здесь. Никому не было до меня дела. Никому я была не нужна... Чувствуя, как на глазах против воли закипают злые слезы, я собралась прорвать круг танцующих и убежать. Только не в банкетный зал, куда мы направлялись с Леной, а в стеклянную галерею, которая ведет к выходу. А там рухнуть в лимузин — и куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Хоть сразу на самолет до Москвы!

Собралась, но не успела. Кто-то сильным рывком развернул меня к себе и притянул за талию, увлекая в танце.

— Ты? — улыбнулась я сквозь алмазную вуаль слез, повисших на ресницах.

— Не понимаю, почему тебя всегда так удивляет мое появление, — невозмутимо заметил Андрей. — Ах, прости! Кажется, я нарушил правила. Для начала мне следовало испросить у тебя разрешения на этот танец.

— Мне приятно танцевать с тобой, — просто призналась я, чувствуя себя уютно и защищенно в его руках.

— Французенка скорее откусила бы себе язык, чем призналась в этом, — усмехнулся Андрей, уверенно ведя меня в танце.

— Я не знала, что ты умеешь танцевать вальс.

— А откуда тебе было знать? — невозмутимо принял похвалу он. — Мы же с тобой прежде не танцевали.

— Не танцевали, — эхом отозвалась я, и он вдруг пристально взглянул на меня.

Впервые со дня нашей первой встречи на Воробьевых горах мы оказались так близко друг к другу, и в глазах Андрея, казалось, вспыхнул огонек узнавания.

— Знаешь, — с нарочитой небрежностью признался он, — мне кажется, что это уже когда-то было.

— Ты, я и вальс? — усмехнулась я. — Возможно, в прошлой жизни...

И ведь не слухавила! Именно, что в прошлой жизни. Только тогда нас соединил вместе не вальс, а мотоцикл. И точно так же тогда в ушах шумело море, сердце колотилось в груди и пальцы цеплялись за Андрея, стремясь подольше привязать к себе... Теперь я знала, что это реакция не на мотоцикл, а на этого мужчину — непостижимого, далекого, неотразимого в своей неприступности.

Андрей ничего не ответил, лишь сильнее крутанул в танце, и море в ушах достигло

масштабов цунами, пальцы вцепились в его ладонь, как в спасательный круг, и я вдруг отчетливо поняла: без этого мужчины я умру, рядом с ним — утону.

Должно быть, со стороны мы представляли собой экзотическую пару. Девушка в красном платье и мужчина в кожаной косухе среди черной толпы празднично одетых вальсирующих. Мы были здесь чужими и по одиночке чувствовали себя изгоями. Но, соединившись в танце, мы стали парой, вокруг которой кружились все остальные. И, готова поспорить, каждая из девушек, танцующих со скучными кавалерами в одинаковых смокингах, мечтала оказаться на моем месте, в объятиях непокорного Гончего.

Вальс закончился быстрее, чем мне того хотелось бы. И, похоже, не только мне. Андрей задержал мою руку в своей и отпустил ее, как мне показалось, с некоторым сожалением. Его перстень с черепом царапнул мою кожу, оставив на ней тонкую красную линию. Андрей этого не заметил. Я не подавала виду. Мне было приятно, что у меня остался временный знак на память об этом танце.

— Не останешься? — спросила я.

— Хорошего понемножку. — Он улыбнулся уголками губ, и мне мучительно захотелось их поцеловать. В благодарность за мое спасение от позора.

Хотелось сказать ему: «Может, сбежим отсюда?» Но Гончий уже развернулся и зашагал к дверям — вампиры расступались перед ним. Но не с почтением подданных, как перед старейшинами, а с высокомерием аристократов, не желающих даже полой одежды коснуться простолюдина.

Меня обняла за плечи Вероник:

— Я смотрю, ты здесь не скучала? Извини, что пришлось тебя покинуть. — Она изобразила гримаску. — Дела государственной важности.

— Что-то случилось?

— А, — она беззаботно махнула рукой, — очередная чепуха.

Зазвучала музыка, и рядом стукнула об пол трость Ипполита. Глаза цвета плесени обволокли меня болотной топью, словно желая утянуть меня на дно.

— Мадемуазель не подарит мне танец?

Я мысленно содрогнулась, представив, как руки Ипполита коснутся меня, а его неприятные глаза приблизятся к моим.

— Прошу прощения, месье Сартр, — светски отклонила я предложение, — я слишком устала.

— Тебе надо подкрепиться! — Вероник подхватила меня за локоть и увлекла в банкетный зал.

Вампиры, кружащиеся в танце, почтительно пропускали нас.

— Чего нужно от меня этому скользкому типу? — изумилась я, убедившись, что Ипполит Сартр надежно захвачен миловидной блондинкой в старомодном платье с кринолином и до конца танца из ее цепкой хватки не вырвется.

— Быть может, ты разбила его сердце? — со смешком предположила Вероник, садясь на место.

— Это последнее, во что я поверю, — возразила я, опускаясь рядом. — Но ему от меня что-то надо, по глазам видно.

— Ты проницательна, дорогая. И, похоже, я догадываюсь, что именно.

Я вопросительно глянула на нее.

— У Ипполита были кое-какие общие дела с Жаном, — поведала она, накладывая себе салат из креветок и авокадо, и жестом остановила официанта, который было бросился к ней, мол, сама справлюсь.

— С Жаном? — поразила я. Известие казалось до неправдоподобия фантастичным. Жан и Ипполит были разного поля ягоды — тут и к гадалке не ходи. И хотя Жана я видела два раза в жизни, а Ипполита — впервые, мне было сложно поверить в какое-то партнерство между ними. Скорее я была бы готова поручиться, что Жан Ипполита терпеть не мог. А тот

отвечал ему взаимностью. — И что же это за дела?

— Жан выступал спонсором гольф-клуба, управляющим которого является Ипполит, — объяснила Вероник.

Все чудесатее и чудесатее.

— Жан любил гольф? — Я удивилась. По моим ощущениям, он куда больше увлекался стрельбой, охотой и единоборствами. Во всяком случае, оружием и техникой боя он владел отменно, в чем я имела возможность убедиться лично. Если бы не Слеза Силы, спасшая меня от его меткого выстрела во время нашей последней встречи, я бы схлопотала пулю в лоб.

— Наверное, любил, — пожала плечами Вероник. — Иначе зачем бы он содержал клуб?

Логично.

— А чего Ипполит от меня-то хочет? — нахмурилась я, подвигая блюдо с пармской ветчиной и дыней. Дыня в январе — все равно что подснежники в декабре, высший шик!

— Жанна, ну это же элементарно! — Вероник покосилась на арку и наклонилась ко мне. — Со смертью Жана Ипполит лишился богатого спонсора. И теперь, когда ты унаследовала все его состояние, он надеется уговорить тебя сохранить в силе договоренность, заключенную при жизни Жана.

Я поперхнулась мякотью дыни.

— Он это серьезно? Это же, наверное, уйма денег! Может, ему еще дать визитку бутика, где «Гуччи» за полцены висит?

— А ты собираешься ему отказать? — В глазах Вероник промелькнула тень удивления.

— Конечно! С какой стати я буду оплачивать его расходы на гольф-клуб? Уж лучше я куплю себе дом моды.

— Ты смелая девушка, — со странным выражением заметила Вероник.

— Намекаешь на то, что он способен подложить мне какую-нибудь подлянку? — насторожилась я. Признаться, иметь во врагах вампира с плесенью в глазах мне не хотелось. Но и заниматься благотворительностью в его пользу я не намерена.

Вероник не ответила на мой вопрос, а оживленно защебетала, кося взглядом мне за спину:

— А у Тиффани новая коллекция, мы с тобой обязательно должны ее посмотреть!

Стук трости по полу оповестил о приближении Ипполита. Я обернулась.

Судя по источающей патоке физиономии вампира, нашего разговора он не слышал и поверил словам Вероник, что мы собираемся совершить набег на ювелирный магазин.

— Лучшие друзья девушек — это бриллианты, а, девушки? — игриво произнес он, многозначительно глядя на колье из черных бриллиантов на моей шее. — Что ж, желаю вам удачного шопинга. — И добавил с намеком: — Вы, Жанна, теперь богатая наследница и должны носить самые лучшие украшения.

Ага, прямо одолжение сделал. Мол, ты, деточка, устрой себе безумный шопинг, так уж и быть. Только и обо мне потом не забудь, прояви щедрость.

— Мы не можем ждать милостей от моды. Наша задача — купить их! — прикинулась валенком я.

— Уверен, вы своего не упустите, — вырвалось у него. Но он тут же спохватился и с любезностью расшаркался: — А теперь вынужден вас покинуть, прекрасные дамы. Не держите на меня зла, Жаннет, я уже стар для подобных мероприятий.

Мы обменялись светскими улыбками, и Ипполит поковылял прочь, тяжело опираясь на трость и подволакивая левую ногу, ну прямо как Жоффрей де Пейрак. Со спины сходство было почти полным — средний рост, коренастая фигура, волосы цвета воронова крыла. Лицом же Ипполит ни в чем не напоминал благородного графа. Его черты были хотя и правильными, но довольно резкими. Подбородок был тяжеловатым, нос — широким, а губы, наоборот, тонкими, брови были слегка ассиметричными — одна чуть выше другой. Увидишь такого на темной улице — предпочтешь обойти стороной. Напасть открыто он не нападет — духу не хватит, а вот какую-нибудь подлость за спиной сделать с него станется.

Когда он скрылся, я тихо спросила у Вероник:

— Что у него с ногой?

И ожидала услышать грустную историю о родовой травме или автокатастрофе, оставившей вампира калекой на всю жизнь.

— Горные лыжи, — пояснила Вероник.

— И давно?

— Да вот, на Новый год.

— Так это обычный вывих? — Я не скрывала своего разочарования.

— Обычнее не бывает, — подтвердила Вероник. — Зато прекрасный случай выгулять в свет фамильную трость.

— От предка-писателя досталась?

— Нет, писатель по мужской линии, а по женской у него в роду был какой-то герцог.

— Так он, должно быть, богат? — удивилась я.

— Что ты! Герцог давно разорился, остались одна трость да кольцо с бриллиантом — может, обратила внимание, крупное такое? Настоящий пятикратник. — В голосе Вероник скользнуло восхищение.

Я кивнула: такое разве не заметишь?

— А сколько ему лет? — Я вспомнила слова Ипполита о возрасте.

— Недавно пятидесятилетие отмечали. А в Клубе он меньше десяти лет.

— А по его словам, можно подумать, что ему все триста, — фыркнула я. — Надо же, и уже старейшина. Не слишком он молод для этого?

— Нижняя планка сорок лет, — пояснила Вероник.

Меня так и подмывало спросить, сколько же лет ей самой. Неужели она ровесница моего деда? Но вопрос был слишком бестактным, чтобы задать его вслух.

Музыка стихла, и вампиры хлынули в зал, набросившись на вино и напитки.

— Расскажи мне о вашей тусовке, — попросила я. — Что-то я не вижу у вас обилия знаменитостей, как в Москве.

— Это потому, что ваше отделение довольно молодое и ваши подданные в основном посвящены уже после Пражского договора, когда принимать в Клуб стали за заслуги, а не просто так. Мне Александр рассказывал, — объяснила она свою осведомленность. — А у нас все патриархально, как в каменном веке. Бароны, графы, герцоги... Полный мрак! — Она закатила глаза. — Каждому за сотню лет, заслуг ноль, зато гонора на миллион и родословная на полмили.

— Но разве они не должны переезжать каждые десять лет, чтобы не привлекать к себе внимания? — Я вспомнила один из главных законов тайного общества вампиров.

— Они и переезжают, — хмыкнула Вероник. — Из Парижа в Лондон, из Лондона в Вену, из Вены в Прагу, из Праги в Копенгаген, из Копенгагена в Берлин, а оттуда обратно в Париж, потому что спустя двадцать пять лет снова можно вернуться на прежнее место. Так и кочуют по всей Европе по кругу. Тут все друг друга знают уже сто лет. В прямом смысле слова. Так что не переживай, что тебе так сразу не удалось влиться в коллектив. — Она ободряюще сжала мою руку. — Это не потому, что с тобой что-то не так. Просто у тебя нет рекомендации от Бонапарта и ты не можешь поддержать разговор о французской революции.

Вероник потешалась над консерватизмом собравшихся, и мне сделалось спокойнее. И правда, не хотят они со мной водить дружбу в силу своей аристократической гордыни — и не надо. Для того чтобы приятно провести время в Париже, у меня есть компания веселой Вероник и неожиданно отыскавшейся Лены.

Официанты запорхали по залу с подносами, и воздух наполнили ароматы жареного мяса. Я нацелилась на утиную грудку в персиках, но та проплыла мимо, уносимая официантом, а на стол перед нами опустился поднос с молочным поросенком, запеченным целиком.

— Я не могу это видеть, — простонала я, отводя глаза.

— Ты оскорбишь нашего шеф-повара до глубины души. Он специально внес в меню

это блюдо для гостии из России, — усмехнулась Вероник. Но уговаривать меня отведать кусочек не стала, а сделала знак официанту и велела подать филе утки.

Французская речь журчала под французское вино, подносы пустели, бледные лица вампиров тронул румянец. На меня уже не обращали такого пристального внимания, как в начале вечера, и мы с Вероник весело болтали обо всем на свете. Она рассказывала о своем детстве в Мексике, о городах, в которых она жила, став вампиром, о том, как по счастливой случайности опоздала на лайнер... Сколько же ей все-таки лет?!

— Да-да, — рассмеялась она, перехватив мой взгляд, — и не смотри на меня так! Я живу на земле уже больше века.

— Выходит, ты даже старше моего деда?

Вероник удивленно взмахнула ресницами:

— А он тебе не говорил?..

— Что?

— Да нет, — она на мгновение запнулась, — ничего.

И тут же принялась весело рассказывать, как лет пятнадцать тому назад была звездой мыльной оперы в Мексике, а совсем недавно снялась в нашумевшем фильме дублершей Моники Белуччи. Умела Вероник и слушать. Она с живым интересом расспрашивала меня о моей жизни, о встрече с Жаном, о моем впечатлении от Московского Клуба. Разговор невольно коснулся и трагической гибели вампиров от рук старейшины Инессы. Вероник горячо посочувствовала мне и восхитилась моей смекалкой, которая помогла разоблачить неуловимую убийцу. Мы успели договориться, что завтра до или после визита к нотариусу Вероник покажет мне Париж, и я почувствовала, что настало время припудрить носик. Мексиканка объяснила мне, куда следует идти (через стеклянную галерею, направо от парадного входа), и я вышла из зала.

Проходя через галерею, я не удержалась и отыскала взглядом мраморного льва у крыльца. Андрея возле него не было. Ну и ладно. Может, он уже уехал. Хотя зачем тогда вообще приезжал? Это так и осталось для меня загадкой.

Выйдя из галереи, я уверенно направилась на щебет женских голосов. Где еще толпиться болтушкам, как не у зеркала в дамской комнате? Однако, уловив смысл реплик, я замедлила шаг и прислушалась к разговору, предварительно оглядевшись по сторонам и убедившись, что меня не видят ни охранники, стоявшие по ту сторону входных дверей, ни девушки, скрытые от меня стеной.

— Подумать только — вырядиться в красное! — звонко возмущалась невидимая мне вампирша. — В красное!!!

Сказано это было таким тоном, будто я предстала взору публики не в изысканном платье от Диора, а в вульгарном латексном комбинезоне из секс-шопа.

— Как говорят эти рюсские, в чужой собор со своим уставом, — пылко поддержала ее другая.

— Какое неуважение к вековым традициям! — прожужжала третья. — Посметь так грубо и демонстративно преступить наши правила!

— Я не припомню подобной дерзости за два века парижских балов, на которых мне удалось побывать! — продолжала сердиться первая вампирша. Похоже, она здесь задавала тон, а остальные лишь служили свитой. — На вечерних торжествах вампиры всегда носят черное. Черное!!!!..А вы видели, как она танцевала с этой ищейкой, Андре? — осуждающе добавила она. — Да как он вообще посмел переступить порог этого зала!

— Недопустимо, непозволительно! — загалдела ее свита.

— Думает, раз ей достались миллионы Жана, ей все можно? — возмущенно прошипела «королева».

— Я вообще не понимаю Жана, — горячо сказала та, что припомнила поговорку про чужой монастырь. — Его наследницей должна была стать ты, Изабель. Вас ведь столько связывало... А эта сумасшедшая рюсская просто посмешище.

— Никакого представления об этикете и политесе! — донеслось до меня змеиное

шипение других вампирш. — Ей никогда не стать одной из нас! Ш-ш-ш... Даже в платье от Диора она выглядит дешевкой! Ш-ш-ш... У этой бестолочи нет ни одного самого маленького таланта! Ш-ш-ш... Отчего же? Сегодня вечером она с блеском выставила себя посмешищем! Хи-хи-хи... Ее манеры исправит только могила. — Раздались приглушенные смешки — шутка была оценена. — Явиться на бал в красном, в красном!!!

— Хорошо, что Жан не дожил до этого позора, — заметила первая. — Не удивлюсь, если его не убили, а он сам застрелился, поняв, что за безумную девицу сделал своей приемницей.

Подружки поддерживали ее согласным щебетом.

— Почему же, — не выдержала я, заворачивая за угол, — он не застрелился. Я сама его застрелила, чтобы завладеть наследством. Я слышала, оно того стоит.

— Возмутительно, — пискнула похожая на стрижа шатенка с короткой стрижкой и, осекшись, взглянула на миниатюрную брюнетку в черном бархатном платье с узкой юбкой — том самом, которое было похоже на перевернутый бокал для шампанского. Ту самую, которую я приняла за Вивьен Ли. При ближайшем рассмотрении вампириша оказалась всего лишь приблизительной копией. Миловидное личико, чуть раскосые глаза, губки бантиком — пустышка, которая примерила на себя образ голливудской кинозвезды, но так и не смогла приблизиться к Скарлетт О'Хара.

В ее серых глазах промелькнула растерянность, но брюнетка быстро взяла себя в руки и нацепила на лицо светскую ухмылку.

— Вы, должно быть, ищете дамскую комнату? Она дальше по коридору.

Ненавижу лицемеров.

— Вот только не надо делать вид, что ты меня не поняла из-за чудовищного акцента, — вкрадчиво произнесла я, — которого у меня нет и в помине. Не хочешь высказать мне все, что накопело на душе, в глаза, а не за спиной?

— Мне нечего вам высказывать, юная леди, — холодно отрезала брюнетка, — так как я вас совсем не знаю. Позвольте пройти.

— Отчего же, Изабель? — не отступала я. — То, что мы не представлены друг другу, не помешало тебе обсуждать мое платье и мое поведение. Как ты там говорила? Позор?

— Позвольте, — она вздернула подбородок, — вы пьяны?

— А ты смертельно ядовита или так, притворяешься?

— Ты... — вспыхнула брюнетка, — ты недостойна носить кровь Жана в своих венах!

— Как это романтично сказано, — умилилась я и стерла улыбку с губ. — Ну так заberi ее у меня.

— Что? — Она вытаращила на меня прозрачные серые глаза.

— Это же так просто, — подначивала ее я, сама не понимая, что на меня нашло. — Возьми кинжал поострее, пронзи сердце и выпеди всю кровь до последней капли.

— Ты сумасшедшая! — В глазах ваипириши плескался ужас. Она оттолкнула меня и убежала, стуча шпильками по полу. Свита хлынула за ней, прижавшись к стене и боясь коснуться меня даже подолом платья.

Я прошла дальше по коридору и вошла в дамскую комнату. Из зеркала на меня смотрела я и не я. На моих губах играла неповторимая ухмылка Жана.

Я бросилась к раковине, зачерпнула горсть воды, оказавшейся совсем ледяной, и принялась с ожесточением тереть губы, желая смыть эту ненавистную мне ухмылку. Когда пальцы и губы свело от холода, я подняла глаза на зеркало и вздрогнула: в нем отражались двое.

— Все в порядке? — спросила Вероник у меня за спиной, пристально глядя на мое отражение в зеркале.

— Д-да. — Я некрасиво клацнула зубами и отметила, что губы у меня после умывания стали голубого цвета.

— Вот, возьми. — Вампириша вынула из клатча серебристый футляр с помадой.

— С-спасибо. — Дрожащей рукой я нарисовала себе губы.

Помада была карамельного цвета, не подходила к платью, но все лучше, чем синие губы.

— Я уж решила, что здесь объявилось фамильное привидение. Изабель и ее подружки неслись отсюда как угорелые.

— П-почему фамильное? — удивилась я.

— Владелец замка уверяет, что здесь водится привидение его прапрадеда- крестоносца. Но никто из гостей его никогда не видел. Хотя Луи не устает повторять, что прадедушка является ему регулярно. — Вероник усмехнулась. — Ты его здесь не встречала?

Я помотала головой.

— Н-никогда не видела привидений. Только духов никотиновой и компьютерной зависимости.

— Правда? — заинтересовалась Вероник.

Я поведала ей об одном из первых дней после заражения вирусом вампиризма. Тогда, как мне объяснила Лана, я находилась на грани между жизнью и смертью и могла видеть часть потустороннего мира. Увиденное привело меня в глубокий шок. Я тогда вышла на работу в офис и обнаружила, что наряду с сотрудниками здание кишмя кишит призрачными скелетами, сотканными из сигаретного дыма, а возле компьютеров вьются похожие на Горлума монстрики. При этом скелеты вопят: «Курить!» и тащат сотрудников по направлению к курилке, а монстрики удерживают офисных трудяг у монитора, вынуждая отрешиться от реальной жизни и забыться в виртуальном пространстве Интернета и пасьянса «Косынка».

— Любопытно, — протянула Вероник. — Никогда ничего подобного не слышала. А ты меня не разыгрываешь? — Она пристально уставилась на меня.

— Хотелось бы, — поежилась я. — Но я их видела так же явственно, как и тебя.

— А что стало потом?

Я вопросительно взглянула на нее.

— Ну, ты их до сих пор видишь?

— А, нет. К счастью. Это прошло за один день.

— Жанна, ты хочешь еще задержаться здесь или поедем домой? — неожиданно предложила она.

Я с радостью ухватила за ее предложение сбежать. Вампирская вечеринка оказалась совсем не похожей на бал для Золушки. И хотя у меня были и туфли, и платье, и лимузин, гости, собравшиеся здесь, вовсе не были мне рады. То, что начиналось как сказка, закончилось скандалом. Я уже пожалела о том, что поссорилась с Изабель, но дело было сделано. Что ж, я здесь не для того, чтобы завести себе новых друзей, а для того, чтобы разобраться с наследством. А тратить я его буду уже в Москве, в компании любящего меня деда и приятелей-вампиров, которые не воротят от меня нос, как здешние задаваки.

Прежде чем нырнуть в лимузин, я обернулась на стеклянную галерею, спиной почувствовав чей-то злой взгляд, похожий на прицел снайперской винтовки. Без достаточного освещения галерея казалась сплошным черным коридором, наполненным тенями. Но вот распахнулись створки-крылья, выпуская очередную порцию гостей, и вспышка света выхватила из темноты стоявшую у стекла вампиришу. Лица было не разобрать, но платье спутать было невозможно. Его силуэт напоминал перевернутый бокал для шампанского. Изабель. Любопытно, что ее связывало с Жаном, учитывая слова ее подруг, что наследство Жана должно было перейти к ней, а не ко мне?

Едва лимузин выехал за кованые ворота замка, как я снова вспомнила об Андрее. Когда мы выходили, его не было видно.

— Интересно, зачем же он все-таки приезжал? — пробормотала я.

— Кто? — повернулась ко мне Вероник.

— Андрей.

— А ты не поняла? — В глазах вампириши мелькнуло непонятное мне выражение. —

Он следит за тобой.

— Следит? — опешила я.

— Можешь обернуться и сама убедиться в этом.

За задним стеклом лимузина чуть в отдалении блестели в темноте тусклые фары мотоцикла.

Какая же я идиотка! Сначала Глеб следил за мной, потому что старейшины опасались, что из-за крови Жана я сорвусь с катушек, а теперь и Андрей. А я-то решила, что он приехал на бал, потому что я ему нравлюсь.

— Девочка моя, ты расстроилась? — Вероник с материнской участливостью в глазах наклонилась ко мне. — В чем дело?

А ведь она тоже с ним заодно.

— Вы думаете, что я потенциальная маньячка, да? — с вызовом спросила я. — Это все из-за крови Жана?

— Да что ты говоришь, Жанна! — Огорчение в ее голосе было таким искренним, что я засомневалась в своей правоте. — Андрей просто присматривает за тобой. Ты — наша гостья и наследница богатого состояния. И мы просто обеспечиваем твою безопасность.

Я отвела глаза, застыдившись своих подозрений. Конечно, Вероник тут ни при чем. Но Андрей-то — хорош охранничек! А я еще удивлялась, как вовремя он пришел мне на выручку во время танцевальной паузы. Получается, он весь вечер с меня глаз не спускал. И, надо отдать ему должное, делал это весьма профессионально. Я-то его слежку ни разу не заметила.

Глава 6

Вампиры Замка Сов

— Я не понимаю, зачем мне постоянная охрана! — бушевала я на следующий день.

Присутствие бодигардов меня к тому времени порядком разъярило.

Проснувшись после обеда, мы с Вероник отправились на прогулку по Парижу. Благо небо заволокло тучами и погода благоволила двум вампирам, решившим пройтись по дневному городу. Традиционную программу туриста мы выполнили в сжатом объеме. «Мерседес» с водителем прокатил нас по главным достопримечательностям, и мое туристическое портфолио пополнилось моей улыбающейся мордашкой на фоне Монмартра, Нотр-Дама и «Гранд-опера». Мое красное пальтишко особенно эффектно смотрелось на фоне хмурого неба, и я не пожалела о своем выборе. Тем более что француженки в основном носили черное, и в своем красном я выделялась из толпы и привлекала всеобщие взгляды.

У Эйфелевой башни выстроилась огромная очередь, но мы ее благополучно проскочили, воспользовавшись спецпропуском Вероник. Со смотровой площадки самый романтичный город выглядел весьма прозаично: куда ни глянь — крыши, дороги, автомобили. На саму башню со стороны смотреть куда интереснее. Особенно ночью, когда она наряжается в изысканное платье огней.

Изучению Лувра я, при горячей поддержке Вероник, предпочла шопинг в «Галерее Лафайет» по соседству с обителью муз. Результатом чего стали два десятка хрустящих пакетов, большую часть из которых заняли покупки самой Вероник. Аппетит приходит во время примерки — это про нее. Пакеты едва уместились в багажнике и на заднем сиденье, так что после посещения последнего бутика мне места в машине уже не осталось. К счастью, мы находились неподалеку от нотариальной конторы, а время посещения, на которое мы договорились с месье Гренье, уже приближалось.

Вероник проводила меня до места и уехала по делам — сегодня ее ждали какие-то обязанности старейшины, — предварительно предупредив, что, если она не успеет освободиться к концу моего визита к нотариусу, машина с водителем заберет меня и отвезет, куда я пожелаю. И все это время, куда бы мы ни шли, за нами следовали два шкафа, которые из всех сил старались быть неприметными: черные шапочки, черные пальто, черные

джинсы. Но удавалось им это скверно: примерно так выглядели бы два слона, если их одеть в черные парашюты. Вот только глаза у этих слонов были на редкость зоркими и цепкими, как у бультерьеров. И их присутствие превращало променады в самом романтичном городе мира в прогулку под конвоем. Именно эту мысль я уже который раз пыталась донести до месье Гренье, а почтенный мэтр как заведенный твердил о необходимости обеспечения моей безопасности.

— Жанна, вы — наследница богатейшего состояния, вы — гражданка России, и если с вами что-то случится, международного скандала не избежать, — занудно повторял нотариус, протягивая мне очередную бумагу на подпись.

— Со мной ничего не случится! — огрызалась я. — А вот с вами — может, если вы будете продолжать изводить меня в том же духе. Мое терпение на исходе, — пригрозила я.

Видимо, месье Гренье не понаслышке был знаком со вспышками гнева Жана и опасался, что от меня вполне можно ожидать того же, потому что он окончательно посерел и нервно присосался к флакончику, который повсюду носил с собой. В кабинете запахло валерьянкой, губы нотариуса запачкались красным. Подозреваю, что содержимое флакончика состоит из крови пополам с валерьянкой и исполняет роль успокоительного.

— Мы не можем снять охрану, потому что действуем по личной просьбе вашего старейшины, — выдавил нотариус, убирая бутылочку и промокая уголок рта белоснежным платком.

— Кажется, я догадываюсь, кого именно, — нахмурилась я, доставая мобильный.

Аристарх отозвался с первого же гудка.

— Скажи им убрать от меня охрану, — выпалила я вместо приветствия.

— Жанночка, привет! Как твои дела? — обрадовался мой дед.

— Скажи. Им. Убрать. Чертову. Охрану! — отчеканила я.

— Жа-анна, — протянул Аристарх, — но это для твоей же пользы.

— Я не могу спокойно посидеть в кафе, пройтись по Елисейским полям и забраться на Эйфелеву башню! — рявкнула я.

Аристарх молчал.

— Я не могу толком перемерить тридцать платьев в бутике Ив Сен Лорана, когда за витриной маячат эти гоблины, — привела я неоспоримый аргумент.

— Хорошо, — сдался он. — Ты уверена, что охрана тебе не нужна?

— Как в том, что ты — мой дед, — подтвердила я.

Аристарх окончательно растаял и пообещал немедленно позвонить Андрею, чтобы снять распоряжение. А я вздохнула свободно. Присутствие бодигардов меня тяготило. Я бы еще смирилась, если бы за мной по пятам ходил сам Андрей, но он приставил ко мне мордovorотов, как две капли воды походивших на охранника ночного клуба из рекламы средства от кашля, который сипел: «Покажите ваш паспорт», не пропуская девчонок. И даже когда те щедро поделились с ним чудо-лекарством, их не впустил. Не самая приятная ассоциация для личных телохранителей.

— Ну вот и все! — с облегчением выговорил месье Гренье, когда я вывела витиеватую закорючку на последнем листе бумаги.

— Все? — Я, признаться, растерялась. — И что мне теперь делать?

— С этого момента вы полноправная хозяйка всей собственности покойного Жана Лакруа, — с торжественностью сообщил он, глядя на меня с уважением. — Могу ли я вас спросить?

— О чем?

— Вы уже решили, как распорядитесь своим наследством?

Я молчала.

— Это большие хлопоты, — заметил месье Гренье, промокая платочком вспотевшие виски. — Особняки требуют надлежащего содержания, бизнес — развития и контроля.

Бизнес? Ах да, у Жана же свои виноградники, винный заводик и чего-то там еще.

— Я справлюсь, — твердо сказала я, поднимаясь. — Я уже могу идти?

— Да, конечно. — Он смял платочек и почти умоляюще взглянул на меня. — Но если вдруг вам станет тяжело и вы захотите к кому-нибудь обратиться...

— В смысле? — не поняла я, застегивая пальто.

— В смысле управления, — заторопился он. — Я мог бы вам порекомендовать хорошего управляющего, который бы взял на себя все ваши хлопоты и приумножил капиталы.

— Хорошие управляющие на дороге не валяются, — задумчиво протянула я, решив, что не стоит так сразу отказываться от помощи отзывчивого нотариуса.

— Месье Сартр уладит все ваши дела наилучшим образом, — скороговоркой выпалил тот и с надеждой уставился на меня.

Я сначала даже не поняла.

— Месье Сартр? — медленно переспросила я.

— Лучшего управляющего вам не сыскать, — клятвенно заверил маленький нотариус.

Ну и проныра этот Ипполит, поразила я. Уже и нотариуса на свою сторону успел переманить. Интересно, сколько он пообещал нервно потеющему месье Гренье, если тот уговорит меня передать в загребушие руки Ипполита все дела Жана? Да я останусь без евро в кармане раньше, чем наступит следующее Рождество.

— Благодарю за ценный совет, — твердо сказала я, направляясь к двери. — С вами было приятно иметь дело.

Охранников не было ни в коридоре, ни на крыльце особняка, в котором находился кабинет нотариуса. Отлично, значит, Аристарх уже успел поговорить с Андреем, и тот убрал своих ищеек. А может, просто приказал им держаться в тени. Такой вариант не стоило исключать, и на этот случай у меня был свой план.

«Мерседес» призывно мигнул фарами. Вероник в салоне не было — значит, еще не освободилась. Что ж, в таком случае меня ждет романтическая прогулка по городу. Только я и Париж.

— Можете меня не ждать, — я наклонилась к водителю, — я пройдуся.

— Но, мадемуазель, — попробовал возразить тот, — у меня инструкции...

— Мне не нужна машина, — отрезала я.

— Позвольте мне хотя бы ехать за вами, — умоляюще проговорил он, — вдруг вы устанете или замерзнете.

А ведь он от меня не отстанет, поняла я. У него же инструкции.

— Хорошо, — кивнула я, — только держитесь подальше. Я не хочу чувствовать себя как на цепи.

Я неторопливо двинулась вдоль улицы, с любопытством разглядывая дома, витрины и вывески. Мерседес неотступно следовал за мной на почтительном расстоянии. Вот только третьего лишнего в нашем романтическом randevу с Парижем мне вовсе не надо! Впервые за весь день я пожалела, что надела красное, а не черное. В черном было бы легче затеряться в толпе и скрыться от слежки. Впрочем, есть еще один неплохой вариант... Ноги сами вывели на знакомую улочку, а вот и магазин, которому мы с Вероник пару часов назад сделали дневную выручку. Через витрину было видно, что по залу бродит одинокая покупательница — хрупкая блондинка с длинными, до пояса волосами, одетая в обтягивающие джинсы и короткую модную дубленку. Со спины точь-в-точь погибшая Нэнси!

Я вошла в магазин, и продавцы бросились мне навстречу, как к родной. Блондинка обернулась посмотреть, что стало причиной такого оживления, и мои каблуки приросли к полу. Да это же не девушка — старуха! Ей на вид лет сто, несмотря на все ее ухищрения! Лицо, перекроенное пластическими операциями, приобрело какой-то потусторонний вид. Накладные ресницы приковывают внимание к потускневшим глазам и искусственно скроенным векам. Яркая помада, которая казалась бы сексуальной на губках юной красотки, на престарелой кокетке выглядела жалко и нелепо. В распахнутом вырезе манто виднелся топик, обнажающий дряблую зону декольте. Более неуместного наряда, чем этот топик и узкие джинсы, и придумать нельзя. Однако же покупательница постаралась! В длинных

красных коготках она держала вешалку с мини-юбкой, и мне стало не по себе при мысли о том, как она в ней будет выглядеть. Вот уж кто душу бы отдал, не задумываясь, чтобы повернуть время вспять и стать вампиром, навсегда сохранив молодость. Укус вампира — по сути, тот же ботокс, только с пожизненной гарантией.

Я в смятении перевела глаза на обступивших меня сотрудниц. Придется их разочаровать, с шопингом на сегодня покончено. Я, не глядя, выхватила две вешалки и поспешила к примерочной, невольно сделав круг, чтобы не столкнуться с молодящейся старухой, и на ходу объясняя продавщицам:

— Девушки, выручайте! Отец невзлюбил моего милого и запрещает с ним видаться. Приставил ко мне водителя с охранником, которые за мной по пятам ходят, разве что в примерочную одну отпустили. А у меня через полчаса свидание с мон амур! — Свернув к кабинкам, где меня невозможно было увидеть с улицы, я сунула вешалки в руки ближайшей девушке и скорчила умоляющую гримаску: — Прошу, выведите меня через черный ход!

Если продавщицы и расстроились, что я вернулась не за новыми покупками, то, услышав мое романтическое объяснение, взволнованно загалдели и высказали готовность мне помочь. Только одна, миниатюрная шатенка с короткой стрижкой и грустным взглядом, похожая на воробушка, склонила голову и спросила:

— А что мы скажем водителю и охраннику, когда они забеспокоятся, что вы долго, и придут вас искать?

— Скажете, что я давно ушла. И пусть ломают голову, как они меня проморгали.

Такое объяснение девушку-воробушка удовлетворило, и она кивнула. А ее авантюрные подружки провели меня по служебным помещениям к другому выходу. Горячо поблагодарив продавщиц, я огляделась. Улочка была тихой, сюда выходили окна невысоких жилых домов, а на тротуаре не было ни души, только сонная дама выгуливала похожую на сосиску таксу в полосатом комбинезоне, которая тряслась от пронизывающего ветра. Улыбнувшись даме, я поплотнее запахнула воротник красного пальто и зашагала в противоположную сторону от особняка нотариуса. Свобода! Теперь только Париж, я и никаких ищеек.

Только гуляя по улочкам Парижа, я поняла слова Вероник о том, что этот город невозможно узнать из окна машины. Именно так! Каблучки отбивают какую-то истинно французскую мелодию по брусчатке. Сердце замирает при мысли о том, что где-то на этих улочках пару сотен лет назад спешили на любовные свидания мушкетеры, спасалась от преследований любвеобильного короля прелестная Анжелика. И так же витал над бульварами аромат жареных каштанов и едва уловимый парфюмерный флер — кажется, у Парижа есть свой особенный аромат, который не меняется с веками.

В этот город невозможно было не влюбиться. Он был живой, обладал мужским характером, аристократической галантностью и являлся противоположностью моему родному городу. Москва — женщина, ослепительная кокетливая красавица. Ее наряды — суперсовременные здания с фасадами по последней моде. Ее бриллианты — ночные огни. Ее улыбки — сияющие витрины магазинов. Ее капризы — это хмурое небо, которое за считанные минуты может уступить место яркому солнцу. В погоне за модой она полностью обновляется каждые несколько лет. Париж не такой. В нем есть сила характера и мужская сдержанность. Он предпочитает проверенную временем классику. Его каменный облик изыскан и элегантен, а ценности вечны. Москва была мне подругой, Париж стал возлюбленным.

Мой возлюбленный с истинно французской галантностью одаривал меня изысканными подарками в виде приятных покупок, окутывал шлейфом волнующих ароматов парфюма и шоколада, водил по выложенным брусчаткой узким улочкам, согревал терпким кофе и баловал круассанами, заводя в кафе с прохладной улицы. Прежде мы уже успели выпить с Вероник по чашечке латте в перерыве между магазинами. И вот сейчас, при виде шоколадно-кремовой вывески, я снова не смогла устоять перед соблазном полакомиться и согреться. Морозец, привыкший пощипывать щеки, сдался, оставшись за порогом уютной кофейни.

— Париж, я люблю тебя, — пробормотала я, грея ладони о чашку капучино.

Искусственный камин в углу, казалось, полыхнул сильнее. Словно город давал мне знать, что мои чувства взаимны.

Я выбрала столик у окна, чтобы убедиться в отсутствии слежки, и похвалила себя за смекалку. С момента моего бегства из магазина через черный ход прошло уже больше часа. Наверное, водитель и ищейки Андрея, если они все же остались приглядывать за мной, уже убедились в том, что упустили меня, и принялись названивать начальству. Свой мобильный я выключила еще раньше. Не хочу, чтобы трель звонка нарушала долгожданный тет-а-тет. Сейчас есть только Париж и я.

— Мадемуазель желает еще что-нибудь?

Я улыбнулась симпатичному черноглазому официанту:

— Счет, пожалуйста.

Последний глоточек кофе, последний кусочек пирожного — м-м-м, просто наслаждение! Только откуда этот пристальный взгляд, который скользит по моей щеке, как прицел снайпера? Неужели ищейки Андрея все-таки выследили меня? Я с беспокойством смотрю в окно, но спешащим по своим делам прохожим нет до меня никакого дела. Только на углу дома через улицу стоит забавный мим с разрисованным лицом и в полосатой, как у той смешной таксы, футболке с длинным рукавом, слишком легкой для сегодняшней погоды. На мгновение я настораживаюсь — под мелованным лицом может скрываться кто угодно, даже один из Гончих, но почти сразу же смеюсь над глупыми подозрениями. Все Гончие — крепкие ребята, выше среднего роста. А этот мим — одно сплошное недоразумение. Он весь какой-то непропорциональный — маленького роста, но с широкими плечами, с толстыми ручками, но тонкими ногами, с обтянутым майкой брюшком. И от этого более смешной. Не могу удержаться и приветливо машу ему рукой. Маленький мим шарахается в сторону и тут же исчезает в толпе. Чудной!

На город медленно опускаются сумерки. Куда же мне направиться теперь? Включить телефон и позвонить Вероник? Напроситься в гости к Ленке? Не выйдет, я же не знаю ее номера. Значит, сперва все равно придется поговорить с Вероник. Но мне не хотелось разрушать атмосферу романтического единения с городом, которая сложилась за последние часы. Душа жаждала приключений и романтики. Однако бездумно бродить по улицам было прохладно, да и сапожки на шпильках — не лучшая обувь для долгих пеших прогулок. А я и так уже отмахала на них приличную дистанцию, если учесть и время, проведенное в магазинах. Взять такси и покататься по городу? Уже каталась. А что, если... А вот это уже романтика, а вот это уже приключение! К тому же страсть как хочется посмотреть на один из роскошных подарков, которые мне преподнес Париж.

Расплатившись по счету, выхожу на улицу и невольно оглядываюсь в поисках маленького мима — но его, конечно, уже и след простыл. Гончих тоже, на мое счастье, не видать. Что ж, гулять так гулять! Выискиваю взглядом такси и направляюсь к нему.

Таксист, услышав адрес, отпрянул от окна и энергично замотал головой.

— На ночь глядя? За город? Нет-нет, мадемуазель.

Так я и думала. И на этот случай у меня в сумочке лежит солидный аргумент, снятый с карточки.

— Двести евро.

— Триста пятьдесят. — В глазах таксиста зажегся зеленый свет.

— Черт с тобой, триста.

Париж услужливо распахнул передо мной дверцу такси и усадил на заднее сиденье. Машина тронулась с места. Я ехала к замку, законной наследницей которого стала сегодня.

Если кто-нибудь спросит меня сейчас, зачем надо было отправляться в замок на ночь глядя, не предупредив никого, отключив мобильный телефон, сбежав от охраны, я не отвечу. Но тогда я, казалось, заразилась духом авантюризма и все происходящее представлялось мне захватывающим и ничуть не опасным приключением.

Таксист оказался энергичным и общительным шутником, а я и рада была поболтать.

После вчерашнего бойкота, который устроили мне парижские вампиры, приятно было почувствовать себя нормальным человеком.

— Мадемуазель первый раз в Париже? О, вам нужно непременно посетить Версаль и наш Лувр!

Город мелькнул на прощанье огнями, и такси въехало в ночь спящих предместий.

— Вы уже бывали на Эйфелевой башне? О, один из моих клиентов рассказывал, как сделал сюрприз для своей девушки. Он арендовал башню на вечернее время. Представляете, они были там совсем одни! Одни на вершине башни, в ресторане Жюль Верна. Он сделал ей предложение. О-ля-ля! Так романтично! Когда-то и я был романтиком. Да, пришлось постараться, чтобы моя Сесиль ответила мне согласием. Ох и недотрога она была!

За окном проносились укрытые снежной шалью поля, черная вереница деревьев. Наверное, летом дорога выглядит очень живописной, и на зеленом полотне полей то тут, то там пестреют разноцветные лоскуты цветочных лугов, но зимней ночью, в тусклом свете фар путь к замку казался мрачным и зловещим. Чудилось даже, что в конце пути меня ждет не замок, а пещера людоеда.

— А как зовут мадемуазель? Не может быть! Ты меня обманула, ты настоящая парижанка! Французское имя, французский язык... Тебя называли в честь Жанны д'Арк? Актрисы Жанны Моро? Обожаю ее! Смотрела фильм «Невеста была в черном»? Нет?! Обязательно посмотри, обязательно! Это такой фильм!

Мелькают за окном поля и леса, проносятся сонные деревеньки. И кажется, что нет на свете ни вампиров, ни тайного общества, ни Ипполита с глазами цвета плесени, ни Изабель со злым взглядом, ни старой подруги Ленки с чужой улыбкой и непривычной жаждой в глазах... Если бы еще не моя собственная жажда, которая настойчиво пульсирует в желудке в унисон той трепещущей жилке на шее таксиста...

— Жанна, тебе не хорошо? Укачало? Остановить машину? Если что, не стесняйся.

А у тебя есть жених? Нет? Ты шутишь! Такой красавице нельзя быть в одиночестве. Хочешь, я познакомлю тебя со своим племянником?

Я качаю головой, таксист оглушительно смеется.

— Зря отказываешься! Мой Франсуа красавчик, как я, только еще лучше! Хочешь, он покажет тебе город?

Милый добрый водитель и не подозревает, кому сватает своего любимого племянника... Машина замедляет ход и сворачивает на дорогу поуже. Нас обступают низенькие двухэтажные домики маленького городка.

— А вот и Ш**! Куда именно тебе нужно?

— А я разве не сказала? Замок Сов.

Так романтично звучит в переводе с французского имя унаследованного мной замка!

Таксист внезапно ударяет по тормозам и в испуге оборачивается:

— Не надо тебе туда, девочка!

С какой стати он будет мне указывать? Замок мой, хочу и еду!

— Долго еще? — Я намекаю на то, чтобы он продолжил путь.

— А что, — он вдруг криво усмехнулся, — боишься опоздать? Ну гляди, я тебя предупредил.

Он выкрутил руль, и машина тронулась с места.

— О чем? — запоздало насторожилась я. Уж слишком разительна перемена в поведении словоохотливого таксиста.

— А то сама не знаешь, — отрывисто ответил он. — Уж если приехала в такую ночь-полночь из Парижа, значит, понимаешь, куда идешь. Вот что, — он покосился на меня в зеркало, — к самому замку я тебя не повезу, уж не обессудь. Знал бы, куда ты собралась, и вообще бы ехать не согласился. Остановлюсь поодаль, у ограды. А ты уж там сама.

Я не успела опомниться, как таксист высадил меня на обочине. Кругом была кромешная темнота, лишь где-то вдалеке отсвечивали фары припаркованного автомобиля.

— А куда идти-то?

Водитель махнул рукой в сторону тускло поблескивающих фар.

— Мерси. — Я протянула ему три сотни.

— Не надо, — замотал головой он. — Я ничего не возьму.

Взревел мотор, машина с незапертой дверцей круто развернулась на дороге и понеслась обратно в город. Я с тоской посмотрела ей вслед. Похоже, придется заночевать в замке. Я-то надеялась, что таксист подождет меня снаружи, а потом отвезет в Париж. Интересно, что же его так напугало? И где я теперь найду такси за городом среди ночи?

Я огляделась. Шагах в десяти от дороги тянулся длинный каменный забор. Здания за ним было не видно: территория частных владений не освещалась, а тусклого света редких дорожных фонарей было недостаточно для того, чтобы разглядеть что-то в стороне. Только узловатые ветви древних деревьев кое-где свешивались за ограду. Похоже, сразу за ней находится парк.

Я осторожно двинулась по обледеневшей обочине в направлении ворот, но прошла всего несколько метров, как шпилька предательски хрустнула и, не удержав равновесия, я упала на припорошенную снегом землю. Черт! Я сломала каблук, я порвала чулок, я испачкала единственное пальто, которое взяла с собой в поездку. Внимательный и заботливый Париж остался там, где в ночи золотится силуэт Эйфелевой башни, а по бульварам разносится аромат кофе и жареных каштанов. Я неосмотрительно сунулась на чужую территорию, где мне были совсем не рады.словно в подтверждение этому ледяной ветер бросил мне в лицо горстку хрустальных осколков и отхлестал по щекам морозными пощечинами. Мне стало так жаль себя, что захотелось срочно включить телефон, набрать номер Вероник и услышать, что за мной уже едет служба спасения на белом лимузине. Я уже нащупала в сумочке телефон, как ветер взревел шумом мотора и по дороге промчался черный, почти невидимый в ночи автомобиль с погашенными фарами. Я похолодела. Если бы я не упала, он бы меня сбил. Тусклого света на дороге было недостаточно, чтобы видеть вдаль, а автомобиль неся на такой скорости, что не заметил бы меня.

Забыв о телефоне, я поднялась с земли и прищурилась, пытаюсь разглядеть, что происходит у ворот замка, где остановился автомобиль. Ветер донес спор голосов на повышенных тонах, и вдруг ночь разорвали солнца фар, вспыхнувших у ворот. Я невольно шарахнулась в тень, боясь, что меня обнаружат. Сколько же там машин! Не меньше шести. И все стояли рядом с воротами, укрывшись в темноте. Из подъехавшей машины вышла женщина в шубе, что-то властно бросила водителю, вышедшему из другого автомобиля, тем самым погасив возникший спор. Тот молча посторонился, пропуская женщину за ворота. Сделалось так тихо, что я даже слышала стук ее каблучков. А может, просто показалось.

И что все это значит? С какой стати какие-то люди тайно собираются в моем замке?! Уж не проводят ли в замке какие-нибудь черные мессы? Это бы объяснило странное поведение таксиста. И, в конце концов, кто их туда впустил? Горя праведным возмущением, я схватилась за телефон. Сейчас позвоню в полицию и скажу, что в дом забрались посторонние. Нарушение частных владений — серьезный проступок. Черт, я ведь даже не знаю номер парижской полиции. Тогда надо звонить Вероник — что это еще за шабаш в моем замке? Пусть вызывает Андрея и нарушителями занимаются Гончие.

Я в нерешительности подержала трубку в руках и, так и не включив ее, убрала в сумку. Вероник начнет отчитывать, что я обманула шофера, потом примется удивляться, как меня занесло так далеко за город. Выслушивать нотации не хотелось. Хватит мне сломанного каблука и того, что меня чуть не сбила машина. Разберусь во всем сама. Я с сомнением посмотрела на ворота, которые опять погрузились в темноту, спрятав припаркованные автомобили, и, прихрамывая на одну ногу, двинулась вдоль ограды в противоположном направлении. Должен же здесь быть другой вход!

Однако ковылять было тяжело, ограда казалась монолитной каменной стеной безо всякого зазора, а чем дальше от дороги, тем сильнее сгущалась темнота. Я остановилась, задрала голову, оценивая высоту стены, и принялась стаскивать сапоги. Обувь полетела за ограду, а я только сейчас подумала о собаках, которые, возможно, охраняли территорию. Вот

будет здорово услышать залиvistый собачий лай и улепетывать босиком по снегу, а потом ловить машину! К счастью, тишину ничто не нарушило. Я, повеселев, забросила за ограду сумку и, ухватившись за выступающие камни, подтянулась над землей. Вот уж не думала, что буду лезть на территорию собственного замка, как преступница. Нет, я, конечно, не ждала красной ковровой дорожки и ряда слуг, выстроившихся вдоль нее по росту. Но все-таки я рассчитывала войти в замок с парадного входа.

По эту сторону ограды было тихо. Я торопливо натянула сапоги на успевшие закоченеть ноги, подняла с земли сумочку и огляделась. Как я и предполагала, замок окружал парк. Голые скелеты деревьев представляли собой зловещее зрелище, и я торопливо двинулась вперед, к темной громаде замка в центре. Вокруг не было ни души, но я то и дело оглядывалась по сторонам, будто бы и впрямь была вором, забравшимся на чужую территорию, а не законной владелицей, решившей наведаться в свое поместье.

Толком разглядеть замок не удалось — он не был освещен, лишь слева в окнах первого этажа колебались в тусклом свете какие-то тени. Так, какая-то громада с двумя протыкающими небо острыми, как рога, башенками по краям и светлой лестницей, высокой и узкой, похожей на высунутый язык. В какой-то момент замок даже показался мне головой гигантского черта, выбравшегося из преисподней и протолкнувшего наружу рогатую башку. А чего еще ожидать от Жана? Уж явно не сказочного дворца Спящей красавицы.

Укрывшись в тени ближайших к зданию деревьев, я выждала несколько минут, разведывая обстановку. Вопреки моим опасениям, охраны на крыльце у главного входа не было видно. Похоже, что шабаш, если он и имел место быть, проходил в атмосфере строгой секретности, и все посторонние остались за оградой. Что ж, надеюсь, за дверью меня не ждет толпа вооруженных до зубов головорезов, как когда-то на заброшенной фабрике...

Собравшись с духом, я что было сил рванула через площадку с засыпанным снегом фонтаном в центре, которая отделяла замок от парка. Сломанный каблук несколько замедлял мою скорость, зато одна шпилька стучала по брусчатке куда тише, чем пара. Рывок, другой — и вот я уже взлетела по ступеням и прижалась к двери, прислушиваясь. Тишина. Дверь была не заперта и под весом моего тела сдвинулась, впуская меня.

Внутри моего замка было темно и сыро. Похоже, здесь давно не топили. А я-то так надеялась согреться! Но ничего, все теплее, чем на улице. Откуда-то доносились взволнованные голоса. Я прислушалась — женские. Чтобы не привлекать внимания, пришлось снова снять сапоги и припрятать их в углу у входа за какой-то пузатой вазой. Ногам тут же сделалось зябко, но лучше уж померзнуть, чем выдать себя. Стараясь ступать по коврам, избегая холодного пола, я двинулась на шум голосов.

Пахло сырым камнем, гнилым деревом и прелой шерстью. Но все эти запахи старого замка перебивал чуждый и неожиданный аромат женских духов. Не одних, а целого коктейля из нежных цветочных, свежих цитрусовых, тяжелых сандаловых и пряных мускусных оттенков. Может, я попала на тайное заседание парфюмеров? Но с какой стати они устроили его в моем замке?!

Я шла через анфиладу погруженных в темноту комнат, держась за углы мебели, скользя рукой по настенным гобеленам, натыкаясь на какие-то неизвестные предметы. Я не боялась темноты, которая скалилась на меня провалами каминов и отсчитывала секунды грохотом стрелок старинных часов. Непонятная уверенность в том, что впереди меня ждет что-то очень важное, толкала меня вперед.

Голоса становились ближе. Незнакомки о чем-то оживленно спорили, и я уже внутренне напряглась, представив себе картину какого-нибудь жестокого ритуала, который увижу в зале.

Вот и последняя комната, отделявшая меня от таинственных гостей. Мне повезло: дверей между двумя комнатами не было, их соединяла арка. А в трех шагах от нее располагалось окно с тяжелой бархатной портьерой, в складках которой могла затаиться целая группа шпионов. Теперь надо только дождаться, пока разговор вновь достигнет

повышенных тонов, и скользнуть за занавеску. Там я буду надежно укрыта и при этом буду видеть и слышать все, что происходит в комнате.

Разговор шел на английском.

— Ну и что все это значит? Я начинаю терять терпение, — донесся до меня высокий женский голос.

— Бред какой-то, — тихо фыркнул другой.

— Я летела сюда одиннадцать часов, отменила гастроли, мой продюсер меня чуть не убил и орал, что я полная идиотка. — красивый мелодичный и смутно знакомый голос вибрировал от негодования. — Я прилетаю в Париж, сразу из аэропорта мчусь сюда, чтобы поспеть к назначенному часу, — и что я здесь вижу?.. Да, Роджер был прав, я полная идиотка. — Голос разразился мрачным хохотом. — Чтобы я еще когда-нибудь поверила Жану!

— Надеюсь, это его последняя шутка, — хмуро отчеканил другой голос.

Сколько же их там? Движимая любопытством, я сделала шаг вперед. Как назло, женщины притихли, и в наступившей тишине скрип половицы показался оглушительнее взрыва бомбы.

— Что это? — взволнованно вскрикнула певичка с мелодичным голосом.

— Я проверю. — В тусклом свете к арке метнулась чья-то тень.

Но я успела нырнуть за занавеску сбоку от другого окна, подальше от входа, прижалась к стене и затаила дыхание. Портьера превратилась в занавес, и на нем, как в театре теней, показался гибкий женский силуэт. Девушка была в джинсах и куртке. Короткая мальчишеская стрижка задорно топорщилась на затылке, на шее — шарф, который через штору выглядел как капюшон кобры. Да и сама она — гибкая, напряженная, с длинной шеей — похожа была на змею, выползшую на охоту.

Сердце колотилось как бешеное: казалось, его слышно даже в Париже. Девушка сравнилась со мной и, не останавливаясь, двинулась дальше. Я в облегчении прикрыла глаза. И через мгновение услышала, как с шумом втягивают воздух чьи-то ноздри в каких-то сантиметрах от меня. Сердце свинцом налилось в груди. Она вернулась. Она стояла от меня на расстоянии руки. Она замерла, словно гончий пес на охоте. Она меня почуяла? Ее рука взметнулась вверх, легла на край портьеры. Ее лицо, обращенное ко мне в профиль, еще смотрело в стекло окна, но бархат уже стал собираться в складки, потек к ее пальцам, лишая меня надежного укрытия. Еще несколько движений пальцев, похожих на перебирание лютни... и Кобра обнаружит меня.

— Ну что там? — нервно окликнул ее голос из зала.

Девушка тряхнула головой, и пальцы выпустили из рук бархат. Занавеска упала на пол, накрыв меня с ногами. Застучали быстрые шаги, тень удалилась со сцены, вернувшись в зал.

— Это сквозняки, — доложила она.

— Ты уверена?

— Дом старый, чему тут удивляться?

Воспользовавшись перепалкой, я перебежала к крайнему окну и нырнула под занавеску. Теперь мне был виден почти весь зал.

Вопреки моим опасениям, ничего противоестественного вроде начерченной на полу шестиконечной звезды или стола с распластанной на нем ритуальной жертвой я там не обнаружила. Стол был, но самый обыкновенный — дубовый, длиной почти в полкомнаты. Часть женщин сидела за столом. Блондинка с короткой стрижкой, в платье из новой коллекции Живанши, безупречно сидящем на стройной фигуре, стояла у окна. Миниатюрная брюнетка с двумя косами заинтересованно изучала содержимое серванта. Между прочим, моего серванта! Блондинка с гладким каре, лица которой я не видела, демонстративно пялилась на кольцо, отставив в сторону холеную руку с кроваво-красным маникюром. На ее шее был повязан шелковый шарф того же оттенка. Еще одна, изящная брюнетка с густыми пышными волосами, которые так и просились в рекламу какого-нибудь шампуня, обхватив

себя за плечи и кутаясь в короткое манто не по сезону, прохаживалась из угла в угол. Когда она повернулась ко мне лицом, я не поверила глазам. В сыром неотапливаемом замке вампира Жана невесть как очутилась голливудская богиня Ванесса Рейн! Но еще более невероятным было то, что Ванесса, всегда самоуверенная, всегда великолепно державшаяся перед камерами, сейчас выглядела растерянной, словно какая-то ушлая нимфетка обошла ее на кастинге перед съемками нового фильма Спилберга. Это было так невероятно, так неправдоподобно видеть ее здесь, что я даже не поняла ни слова из того оживленного разговора, что завязался тем временем за столом по-английски.

Поразило меня даже не то, что знаменитая красавица оказалась вампиром. Первый шок от звезд в кругу вампиров я пережила еще во время дебютной вечеринки в Москве. Но те звезды не шли ни в какое сравнение с блеском Ванессы Рейн. Она была не просто звездой, она была солнцем. Она ослепляла своей красотой, и в то же время от нее невозможно было отвести глаз. Она считалась одной из самых красивых актрис Голливуда и притом едва ли не самой талантливой из всех. Фильмы с ее участием неизменно становились лидерами проката, и в свои двадцать четыре она уже получила первого «Оскара». Режиссеры ее обожали, публика боготворила, критики признавали ее талант, репортеры отслеживали каждый ее шаг. Даже странно, что вокруг замка не выстроились десятки машин папарацци! И то, что сейчас она находилась в замке Жана и так открыто, по-человечески нервничала, привело меня в полнейшее замешательство. Я никогда не видела Ванессу Рейн такой. Я никогда не видела Ванессу Рейн так близко. И от этой ее близости у меня перехватило дыхание. А женщины, сидящие за столом, совсем не обращали на Ванессу внимания. Как будто каждый день рядом с ними находятся звезды всемирного масштаба. Быть может, так и есть? Кто же они, эти дамы?

Из-за ограниченного обзора я смогла разглядеть лица только трех из них, но шатенка с тусклым цветом волос и невыразительным лицом, задумчивая брюнетка с фарфоровой кожей, волосы которой были повязаны ярко-голубым шелковым шарфом, и аристократичная темноволосая леди средних лет со стильным каре были мне незнакомы. Остальные или находились ко мне спиной, или располагались вне поля моего зрения.

На первый взгляд у женщин не было ничего общего. Единственное, что их объединяло: все были одеты дорого и не по погоде, что выдавало в них таких же приезжих, как и я. Но даже в одежде однообразия не было: у кого-то деловой костюм, у кого-то нарядное платье, у кого-то удобный casual.

Мелодия из кинофильма про Джеймса Бонда внесла неожиданное оживление в воцарившуюся тишину. Половина женщин испуганно вздрогнули и повернули головы, а девушка с блестящими каштановыми волосами, сидящая ко мне спиной, изящным жестом вынула телефон из сумочки и ответила на вызов.

— Я слушаю, — нейтрально сказала она. Мгновением позже ее голос сделался ледяным, как айсберг, протаранивший «Титаник». — Откуда у вас этот номер? Я еще раз спрашиваю, кто тебе дал этот номер, придурок? — И девушка разразилась такими английскими ругательствами, которые я не слышала даже в сериале «Побег из тюрьмы» из уст матерых зеков. — Еще раз сюда позвонишь со своими вопросами — будешь кормить акул в океане, понял?! — Она бросила телефон на стол и с извиняющейся улыбкой повернулась к соседкам: — Прошу прощения. С ними по-другому никак, иначе съедят.

Увидев ее профиль, я чуть не ахнула. В нескольких шагах от меня сидела ни много ни мало Орнелла Дамиани — знаменитая супермодель и любимица светской хроники. Ее смеющиеся карие глаза взирали на мир с высоты билбордов во всех мегаполисах. Ей приписывали романы с принцами, шейхами и голливудскими звездами. Она и сама засветилась в Голливуде, снявшись в роли девушки Бонда, и еще раз подтвердила аксиому, что из успешных моделей редко получаются хорошие актрисы. Однако сама она, похоже, так не считала и гордилась этим эпизодом в своей карьере. Даже мелодию из фильма себе на мобильный поставила, чтобы каждый звонок напоминал о днях кинославы.

— На будущее избавь нас, пожалуйста, от подобных сцен, — недовольно обронила

хрупкая шатенка с длинными прямыми волосами, повернувшись к ней и давая мне себя разглядеть.

Происходящее уже не укладывалось в моей голове. Сперва Ванесса, потом Орнелла, а теперь еще и шатенка, оказавшаяся поп-принцессой Дарлой — именно таким титулом окрестили юное, знаменитое во всем мире дарование. Пока Бритни Спирс брила череп, демонстрировала журналистам трусы и делила с мужем детей, молодая звездочка Дарла времени зря не теряла и уверенно отвоевала у бывшей поп-принцессы ее титул и место на музыкальном олимпе. К чести Дарлы стоит признать, что она не была клоном сладкоголосой куколки Бритни ни внешне, ни по поведению, ни в музыке. Дерзкая, амбициозная и самобытная, девушка с внешностью ангела и повадками отвязной хулиганки ворвалась на экраны с провокационным клипом *Crash The War*. Документальные кадры свежей военной хроники перемежались со студийными планами молодой певицы в камуфляже, отплясывающей джигу на фотографии Джорджа Буша во весь пол. Песня, открыто обвиняющая правительство Америки в кровопролитных войнах, крутилась в эфире всего один день, пока ее не запретили. Но ее уже было не остановить. Песню распевали на улицах, ее требовали поставить звонившие на радио, зрители собрали миллион подписей в защиту клипа, и Дарла вернулась на экраны.

Каждая ее песня была провокацией, вызовом, пощечиной обществу. Подростки в клубах дергались под зажигательные ритмы, их родители подпевали веселому мотивчику и, кажется, иногда сами не сознавали, что новый хит высмеивает их собственный образ жизни. С действующим президентом Дарла больше не шутила, но в ее песнях досталось и гламурным прожигателям жизни, и менеджерам, тухнущим в своих бумажных офисах, и дауншифтерам, бегущим из мегаполисов на пляжи Гоа. Темами для ее песен становилась привычка американцев судиться, и проблемы голодающих африканцев, и массовое увлечение пластической хирургией, и вымирание морских котиков, и глобальное потепление. И все песни не просто становились хитами, они вызывали волну интереса к затронутой Дарлой теме. За первые две недели после выхода песни о вреде глянцевого журналов продажи глянца по всему миру упали в среднем на двадцать процентов, зато благодаря песне о морских котиках в считанные дни озолотились благотворительные фонды, помогающие животным.

Последний хит Дарлы *Raref Man* был посвящен менеджерам, которые ведут лишенную смысла жизнь, перебирая бумаги в офисах. В клипе по офису ходили мужчины и женщины в одежде из листов бумаги, скрепленных степлером. Они делились новостями, вставляя друг другу в уши флешки, и обменивались поцелуями в щеку, оставляя на коже штампы от печатей. А в финале клипа сидящий на облаке Бог в белом воротничке заматывал земной шар в туалетную бумагу.

И вот сейчас эта невероятная, скандальная, дерзкая бунтарка, предмет подражания миллионов девчонок в мире, объект сексуальных грез миллионов мужчин и ночной кошмар Джорджа Буша и Анны Винтур, сидела на стуле в замке вампира Жана и делала замечание топ-модели Орнелле, которая посмела обматерить приткого журналиста. Что ж, если кто во всем мире и посмел бы сделать замечание Орнелле Дамиани, то это могла быть только Дарла.

У меня голова шла кругом: Орнелла, Ванесса, Дарла — вместе, в одной комнате, связанные какой-то непонятной мне тайной... Справившись с замешательством, я вся обратилась в слух, ловя каждое слово, доносившееся из комнаты.

— Давайте все отключим мобильные телефоны и успокоимся, — предложила элегантная женщина в шубе, занявшая место в центре стола. Она выглядела старше остальных, на вид ей было лет сорок. Гладкие волосы орехового цвета были собраны в пучок и открывали высокий, без единой морщинки лоб. Черты лица ее были простоваты. Она не была красавицей, но и не пыталась ею казаться. Глаза ее смотрели прямо и зорко, холеные руки с золотыми кольцами лежали на столе, а локти были широко расставлены. В ее облике чувствовались уверенность и решимость. Казалось, ситуация, в которую она попала, ничуть

ее не смущает и она здесь для того, чтобы разобраться во всем.

Ее властному спокойному голосу невозможно было сопротивляться. Девушки послушно потянулись к сумочкам, признавая главенство старшей из них. А потом все, кто ходил по комнате, подтянулись к столу, чтобы не упустить ни слова из того, что она скажет. Одна из них, та самая брюнетка с каре и повадками английской королевы, которую хотелось называть не иначе как леди, встала во главе стола и с изяществом облокотилась о деревянную спинку стула. Она была одета в элегантное синее платье, поверх которого было накинуто классическое черное пальто, а аристократически-длинную шею опоясывала нитка жемчуга. Она напомнила мне Жаклин Кеннеди, хотя внешнего сходства между ней и женой президента не было.

Теперь все девушки очутились в поле моего зрения. Почему-то мне представилось важным их сосчитать. Их оказалось двенадцать, и эта цифра отозвалась неясной тревогой.

Все уже расселись за столом, а брюнетка в элегантном темно-синем платье с ниткой жемчуга все стояла, задумчиво глядя вперед и будто позируя фотографу для семейного портрета. Властная дама адресовала ей немой вопрос, но темноволосая с вызовом посмотрела на нее сверху вниз и обвела всех собравшихся взглядом.

— Ну и у кого какие соображения? — Под этим пристальным взглядом перестала кусать бескровные губы сгорбившаяся шатенка с невыразительным лицом, невольно выпрямилась пепельная блондинка в платье из последней коллекции Живанши, прекратила нервно постукивать по полу туфелькой от Кристиана Лабутена Орнелла Дамиани. А ее соседка, блондинка с бриллиантовым кольцом, перестала теребить алый шарф от Гермес на шее и обернулась вполоборота, а я невольно подалась вперед.

Да это же Глория Майлз, английская телеведущая, известная своими скандальными разоблачениями в прямом эфире! Самые горячие моменты выкладывали в виде роликов в Интернет, там-то я и посмотрела парочку из них. Честно говоря, мне хотелось разглядеть ее классные наряды, поэтому я и кликнула по ссылке. Но потом я увлеклась самим шоу.

Глория свое дело знала! Блондинка с ангельской внешностью сначала усыпляла бдительность приглашенного гостя своей располагающей улыбкой, а когда тот расслаблялся, ее голубые глаза вспыхивали демоническим блеском и она вываливала на гостя убийственные факты или приглашала в студию свидетеля его тайных делишек. К чести Глории надо сказать, что она делала это не ради шоу, а ради справедливости. А ее жертвами становились недобросовестные политики и общественные деятели да лживые звезды. Я уже успела подзабыть ее лицо, когда в самолете по дороге в Париж мне попался журнал со светской хроникой. С одной из страниц лучезарно улыбалась Глория в обнимку с известным режиссером. А кольцо с большим бриллиантом на ее пальце было обведено в кружок и сопровождалось подписью об обручении пары. Интересно, режиссер тоже вампир? И что все-таки здесь происходит?

— Что ж, раз соображений нет, — сказала леди в синем, — то давайте соберем факты.

Все девушки с надеждой уставились на нее. Но это было не подчинение приказу, как в случае с дамой в мехах, а искреннее восхищение и интерес к обаятельной брюнетке. Если дама в мехах подчиняла себе командным тоном и властным взглядом, то элегантная леди в синем платье увлекала за собой каким-то особым обаянием. В этом поединке за лидерство леди в синем одержала бесспорную победу, и даме в мехах не оставалось ничего другого, как признать ее главенство. Что она и сделала, склонив голову набок и глядя на завладевшую всеобщим внимание брюнетку акульим взглядом. Та ничуть не стушеввалась и уверенно начала:

— Итак, пока нам удалось выяснить несколько вещей. Что уже немало. Первое. Каждая из нас является единокровной наследницей Жана.

Я с тихим хлопком зажала рот рукой, не дав вырваться удивленному возгласу. А потом для надежности и второй прикрыла. Вот это дела! Похоже, я рано назвала себя законной владелицей замка. Теперь моя доля — одна тринадцатая. Если эта обворожительная брюнетка с тигриной хваткой или «меховая» дама с акульим взором и того не захапуют.

— Второе, — невозмутимо продолжила леди в синем. — Все мы получили его кровь тайно, и по официальной версии нашими кровными наставниками выступают другие лица.

Я озадаченно замерла. Это что еще за тайны мадридского двора?

— И, я полагаю, в наших собственных интересах продолжать держать это в тайне и дальше. Все согласны? — Она вновь обвела взглядом соседок и те все, как одна, склоняли головы, признавая ее правоту и подчиняясь ее решению. Последней нехотя покорилась дама в мехах. — Хорошо. — В голосе брюнетки прозвучало удовлетворение. — Третье. До этого дня никто из нас не подозревал о существовании друг друга. Каждая считала себя одной-единственной. Особенной. Избранной.

Глория недовольно нахмурилась и затеребила шарф. Туфелька Орнеллы нервно забарабанила по полу. Ванесса снова обхватила себя за плечи. Незнакомая мне блондинка с короткой стрижкой поправила жестом безупречную прическу.

— И четвертое, — подвела итог леди. — После смерти Жана каждая из нас получила анонимное послание, согласно которому должна была приехать в этот замок в полночь ровно через месяц после похорон. Чтобы получить дальнейшие распоряжения, — она особо выделила эти слова. — Итак, мы приехали, обнаружили друг друга и не нашли никаких распоряжений. Ни записки, ни человека, который ее передаст, никакого указания на то, что и где искать. У кого какие мысли?

— Записку сдуло сквозняком, — хмуро предположила Дарла.

— Или ее съели мыши, — поморщилась блондинка в «Живанши».

— Или кто-то нашел ее раньше нас, — с озабоченным видом предположила Кобра.

— Или кто-то убил гонца, — насмешливо фыркнула Орнелла.

— И съел! — поддержала ее веселье Глория.

Одиннадцать пар глаз уставились на женщину с королевскими повадками в ожидании ответа на эту загадку.

— Или никакой записки и никакого гонца не было, — спокойно заметила она.

— Как не было? — загалдели остальные.

— Может быть, Жан просто хотел, чтобы мы встретились и узнали друг о друге? — пояснила она свою мысль.

— И из-за этого я летела сюда одиннадцать часов? — недовольно протянула певица. — Чтобы поглазеть на вас?

— А может, мы приехали, чтобы послушать тебя? — огрызнулась Орнелла. — Давай уж спой нам. Зря, что ли, летела?

Дарла вздернула подбородок и демонстративно отвернулась от нее.

— Вряд ли Жан хотел, чтобы мы тут перессорились, — мягко, но твердо пресекла наметившуюся перепалку леди в синем. — Давайте лучше подумаем, что нам это дает?

— Сестринские узы? — саркастически хмыкнула Дарла.

— Связи? — серьезно предположила дама в мехах и пояснила: — Посмотрите сами, ведь каждая из нас обладает определенным влиянием в своей сфере.

— А что, — признала молчавшая прежде задумчивая брюнетка с фарфоровой кожей и голубой лентой в волосах, — в этом что-то есть.

Кажется, где-то я ее видала. Вот только где?

— А может, — повысила голос Кобра, — все гораздо проще? Может, Жан хотел, чтобы мы отомстили за его смерть?

— Интересный поворот сюжета, — саркастически заметила брюнетка с фарфоровой кожей.

— Бред! — эмоционально высказала свое мнение Орнелла, но на ее холеном лице не дрогнула ни одна черточка. То ли модель уже активно пользуется ботоксом, то ли у нее сохранилась привычка отключать мимику и не морщить нос и лоб с тех еще пор, когда она опасалась старения.

— Не думаю, — поддержала ее Ванесса. — Я, конечно, благодарна Жану за то, что он для меня сделал, и сожалею о его смерти, но мстить кому-то... Как ты это вообще себе

представляешь?

— Ванесса права. — Глория обратилась к Кобре и назвала ее по имени, но я его не расслышала. Поняла только, что оно под стать ей — короткое, хлесткое, резкое. — Кроме тебя, в этой комнате нет никого, кто бы мог похвастаться силой или навыками боя. Ты предлагаешь нам сразиться с Гончими?

— Я лишь высказала свою версию происходящего, — вспыхнула Кобра.

— У кого-нибудь еще есть соображения? — Леди в синем вновь взяла ситуацию под контроль.

— Может, Жан хотел оставить нам что-то? — предположила миниатюрная смуглая брюнетка с живыми глазами и яркими, будто зацелованными губами. Ее густые волосы были заплетены в две темные косицы, которые делали ее похожей на школьницу. Одета она была во все черное, словно хотела раствориться в ночной темноте: черные узкие джинсы, обтягивающая водолазка, тонкая куртка. Так выглядят дерзкие авантюристки в приключенческом кино, когда отправляются на ограбление банка или музея. Даже на руках ее были перчатки, которых она не сняла в комнате — словно боялась оставить свои отпечатки пальцев. Судя по одежде, она старалась быть неприметной. Но лицо ее, увидев однажды, невозможно было забыть, поэтому я могла бы поклясться, что она мне незнакома и я не видела ее раньше на страницах газет и на экране телевизора. Такие лица — яркие, экзотичные — врезаются в память, как произведения искусства. Девушка не была красавицей в классическом смысле этого слова, но от нее невозможно было отвести взгляда. Высокие скулы, большие черные глаза, которые, казалось, вобрали в себя весь свет в этом зале, острый подбородок, темные стрелы бровей — в ее внешности было что-то кошачье. Но эта кошка была не из числа тех ласковых существ, которых хочется погладить, а из числа тех своенравных особ, которыми лучше любоваться издалека.

— Хочешь сказать, Жан оставил нам наследство? — оживилась блондинка с короткой стрижкой в платье от Живанши.

— Забудьте, девочки! — разбила ее надежды рыжая бестия с вьющимися мелким бесом волосами. Внешне она напомнила мне дочку дьявола из фильма «Адвокат дьявола», но лицо ее мне было незнакомо. — Нам не перепадет ни цента. Завещания Жан не составил, поэтому все его несметные богатства получит та ушлая девчонка из России.

— А ты-то откуда знаешь? — обернулась к ней блондинка.

— Я все про всех знаю, — с достоинством ответила та. — Иначе бы меня здесь не было. Кстати, зря вы вчера проигнорировали торжественное собрание. Это было что-то! Девушка, поправ весь дресс-код, заявила в особняк в платье цвета алой розы. Признаться, я ее после этого даже зауважала.

— Я прилетела только два часа назад, — заметила Дарла.

— А я здесь инкогнито, — сказала Ванесса, нервно взглянув на окно.

— И мне бы не хотелось светить свое присутствие здесь, — добавила дама в мехах.

— И мне тоже, — подала голос брюнетка с фарфоровой кожей. — Вряд ли моим издателям понравится, что я сорвалась за тысячу миль от дома, когда они ждут от меня законченный роман.

Так мадам писательница! Вот где я могла ее видеть — одно время фотографиями писательницы с рекламой ее книг были оклеены все вагоны в московском метро. Помнится, я даже заинтересовалась и решила как-нибудь книжки почитать. Но любовь к «Космополитану» оказалась сильнее, и сейчас я впервые об этом пожалела. Было бы любопытно знать, что за птица передо мной. Пока же мне известно лишь то, что австралийская писательница, то ли Сильвия, то ли Оливия, дико популярна во всем мире. А в Голливуде уже готовится экранизация ее самого знаменитого романа и на главные роли утверждены Ванесса Рейн и Киану Ривз.

— Я имею в виду совсем другое, — вмешалась брюнетка с кошачьей внешностью. — Что, если Жан хотел оставить что-то конкретно нам? Помимо официального завещания?

— Именные футболки с надписью «Во мне кровь ужасного вампира Жана»? —

насмешливо бросила Дарла.

— Или «Осторожно: монстр!», — подхватила рыжая. — Вы бы слышали, что парижане говорят о бедняжке-наследнице! Гончие следуют за ней по пятам, опасаясь, что малышка сорвется с катушек.

Я невольно сжала кулаки. Так вот как! Выходит, я все-таки была права в отношении Андрея!

— Поговаривают, — продолжила та, — что это она и прикончила Жана.

Я похолодела.

— Ерунда, конечно, — невозмутимо добавила рыжая, — она выглядит как цыпленок. Куда ей сладить с Жаном?

— Как думаете, — робко подала голос невзрачная шатенка, — что все-таки произошло между ним и Гончими?

— Самой страшно любопытно, — призналась рыжая. — Но ничего точно сказать не могу. Я недавно летала в Москву в надежде выяснить подробности, но и там никто ничего толком не знает. Если кто и в курсе, так это сами московские Гончие. Но их главный просто зверь какой-то! С виду шикарный самец, а на поверку — отморозок натуральный. Когда я попыталась его расспросить по поводу событий на фабрике, он так на меня посмотрел... — Она поежилась. — В общем, сами понимаете, дальнейшее желание с ним общаться отпало. Тем более так и выдать себя недолго.

— Ну и сколько мы тут будем сидеть? — не выдержала Орнелла, вскакивая с места и кутаясь в белоснежный полушубок. — У меня уже кожа на руках посинела, а завтра у меня важная съемка, нужно быть в хорошей форме.

— Ты улетаешь уже завтра? — вскинула голову Кобра.

— Нет, я останусь здесь до весны! — огрызнулась модель. — Конечно, я улетаю! И я вообще жалею, что поддалась на эту авантюру и прилетела. Лучше бы сейчас нежила свои косточки в СПА, чем мерзнуть здесь непонятно зачем.

— У меня тоже самолет утром, — сказала Ванесса.

— А у меня завтра концерт в Барселоне, — сообщила Дарла, — и к полудню мне надо быть на репетиции.

— А ты, Фабиола? — Кобра обернулась к девушке-кошке.

— А я могу и задержаться, — грациозно потянулась та. — Не хотелось бы уезжать из Парижа, не прихватив сувенир на память.

— Наследница вчера была на вечере в черных бриллиантах, — невпопад сообщила рыжая.

— Красть у своих нехорошо, — прищурилась Фабиола. — Спасибо за информацию, Пандора, но у меня уже есть кое-кто на примете.

— Когда только успела, — проворчала задетая Пандора.

— Я заранее навела справки, — тонко улыбнулась Фабиола.

— Итак, — вновь взяла главенство леди в синем, — завтра все мы разъезжаемся по своим делам. И у нас есть только эта ночь, чтобы понять, для чего Жан собрал нас здесь.

— Может, он просто хотел, чтобы мы выпили за его упокой на том свете? — саркастически предположила Орнелла.

— А что, я не отказалась бы от бокальчика коллекционного розового шампанского, — облизнула губы Глория.

— Здесь есть погребок, — подсказала блондинка в «Живанши». — Только там сыро и мыши!

— Ладно уж, я принесу! — Кобра пружиной подпрыгнула на месте и направилась к выходу.

Я перестала дышать и вжалась спиной в стену, пока она шла мимо меня. Когда ее шаги стихли в глубинах темного замка, в комнате послышались голоса.

— Вы ей доверяете? — нервно спросила Пандора. — По-моему, она совсем помешалась на мести за смерть Жана.

— Ее можно понять, — заметила Орнелла, — она родилась в Италии, где кровная месть такое же развлечение, как для любой из нас шопинг. К тому же из всех нас она одна обладает возможностями для этого.

Мой желудок скрутило судорогой паники. Что я делаю здесь? Одна в замке с вампирами, в венах которых течет черная кровь Жана? Если другие вампиры так боялись меня, считая меня потенциальным монстром из-за Жана, то и эти двенадцать красоток вполне могут озвереть в любой момент и растерзать свидетеля их тайной встречи. Да мне хватит и одной — Кобры, которая мечтает отомстить за смерть Жана. Стоит ей узнать о том, что за гибелью вампира стоят не Гончие, а я сама, долго ли я проживу на свете?

— Да уж, — фыркнула Пандора. — Жан сошел с ума, когда решил ее сделать одной из нас.

— Уверена, она того же мнения о тебе, — высказала Орнелла. — А каждая из нас — обо всех остальных. Вы что, по-прежнему думаете, что у нас есть что-то общее? — скептически заметила она.

— Но ведь что-то должно быть, — посмела возразить невзрачная шатенка.

Орнелла ответила ей таким красноречивым взглядом, что та стушевалась и едва не сползла под стол.

— Давайте начнем с самого начала, — тряхнула головой леди в синем. — Пусть каждая расскажет, почему ее выбрал Жан. Ингрид?

Дама в мехах с вызовом подняла глаза.

— Рэйчел, лидерствуешь у нас сегодня ты, тебе и начинать.

Рэйчел с достоинством приняла вызов:

— А ты уже ответила на этот вопрос, Ингрид. Жан выбрал меня за лидерские качества. Он говорил, что я готова повести за собой людей. Теперь твой черед.

— Мой ай-кью 275 баллов.

— Сколько? — недоверчиво протянула Пандора. — Столько не бывает.

— И ты хочешь сказать, что поэтому Жан выбрал тебя? — уточнила Рэйчел.

Ингрид плотнее запахнула меха на груди:

— Другого ответа у меня нет.

— Хорошо, — кивнула Рэйчел. — Ванесса?

— Это же очевидно, — фыркнула Орнелла. — Все мужики кипятком писают от одного ее вида.

Ванесса, известная своими аристократичными манерами, на грубость ничего не ответила, только взглянула на Орнеллу так выразительно, что та тут же отвела глаза.

— А по-моему, ты ей просто завидуешь, — со скрытым злорадством заметила Пандора. — Ты опозорилась в роли девушки Бонда, а Ванесса в то же время получила своего «Оскара».

— Нужен мне этот «Оскар»! — Орнелла нахмурилась, и на ее лбу впервые образовалась складочка. Получается, все-таки не ботокс. Значит, Пандора попала в точку.

— А ты, Пандора? — обратилась к ней леди.

— Наверное, потому, что я все про всех знаю.

— Это мы уже слышали. Эмили?

Блондинка в «Живанши» подняла голову:

— Я? Вы, наверное, знаете, что я занимаюсь благотворительностью...

— И? — поторопила ее Рэйчел.

— Наверное, поэтому. Жан помогал мне с этим.

— Жан занимался благотворительностью? — воскликнула Пандора. — Да ладно!

— Можешь мне не верить, — кротко заметила Эмили, — но Жан был хорошим человеком.

— Если бы он не был ужасным вампиром, — возразила Пандора.

— Эрика? — Рэйчел повернулась к невыразительной шатенке.

— Это долгая история...

— Избавь нас, пожалуйста, от занудной истории своей жизни. — Орнелла изобразила зевок.

— Орнелла! — осадила ее Рэйчел. — А ты, Эрика, расскажи самое главное.

— Хорошо, — кивнула Эрика. — Я занимаюсь фармацевтикой и...

— И была представлена к Нобелевской премии за открытие лекарства, избавляющего от гриппа раз и навсегда, — продолжила Рэйчел, — а потом со скандалом отстранена за фальсификацию исследований. Знаем, знаем.

— Ничего вы не знаете, — вспыхнула Эрика, и ее тонкая кожа пошла красными пятнами. — Лекарство было настоящим, все исследования подтвердили его эффективность. Новаторство было еще и в том, что оно действовало на все штаммы гриппа, даже мутировавшие. Так что в будущем можно было не бояться появления новой атипичной пневмонии или птичьего гриппа. Директор лаборатории на радостях сообщил об этом газетчикам, наутро у него не было отбоя от глав ведущих фармацевтических компаний. Через несколько дней меня выдвинули на Нобелевку, а директор потирал руки, набивая цену на изобретение.

— Можно покороче? — перебила ее Пандора.

— А потом он вызвал меня к себе в кабинет и назвал мне такую сумму, от которой я онемела. Сто миллионов евро.

Вампирши уважительно притихли.

— И это была только треть. Остальное по условиям нашего договора принадлежало ему, — тихо добавила Эрика.

— Так ты у нас, оказывается, мультимиллионерша? — Орнелла ехидным взглядом окинула ее одежду. — Что же одеваешься в секонд-хенде?

Дарла, сидевшая рядом, двинула ей локтем в бок. Орнелла согнулась и застонала. Дарла невинно улыбнулась.

— Продолжай, Эрика, — ободряюще кивнула Рэйчел.

— Сумма была такой большой, потому что на нее сбросились пять ведущих фармацевтических корпораций. Понимаете, о чем я?

— Но как они собирались делить лекарство между собой? — удивилась Пандора. — Я думала, они попытаются обойти конкурентов и стать монополистами.

— Они и не думали его делить, — с уверенностью сказала Ингрид. — Так, Эрика?

Та кивнула и тихо произнесла:

— Они объединились, чтобы его уничтожить. Лекарство принесло бы им огромные убытки, ведь вакцина от гриппа, которую нужно обновлять каждый год, и многочисленные препараты от симптомов гриппа сделались бы ненужными.

— Они предложили тебе скрыть результаты исследования? — ахнула Пандора.

— И навсегда забыть о нем, — подтвердила Эрика.

— Вот гады, — высказалась Фабиола. — Хотя... сто миллионов евро — серьезный аргумент.

— Но я отказалась, — сообщила Эрика.

— Что?! — воскликнула Фабиола.

— Идиотка, — заключила Орнелла.

— Потрясающая честность, — с уважением заметила Ингрид.

— Я отказалась, — повторила Эрика. — Сказала, что это преступление. А когда директор стал вопить, что я идиотка, — она с вызовом посмотрела на притихшую топ-модель, — ответила, что мое открытие принадлежит людям и мне неважно, сколько я на нем заработаю. Я заявила, что не стану молчать и обнародую исследования. Директор просил меня не горячиться, сказал, что попробует договориться с владельцами компаний на новых условиях...

— Долго еще? — зевнула Орнелла.

— А наутро в газетах написали, что мое лекарство смертельно опасно, и приводили истории каких-то совершенно незнакомых людей, которые якобы умерли в результате его

приема. Я их в глаза не видела! — пылко поклялась она, обведя взглядом соседок. — Я пыталась объяснить с журналистами, но меня никто и слушать не хотел. Лабораторию опечатали, всю партию вакцины уничтожили, я осталась без работы.

— А директор?

Эрика саркастически усмехнулась:

— Он внезапно ушел на пенсию и обзавелся собственным пятизвездочным отелем в Доминикане.

— Вот козел, — не выдержала Дарла.

— Дай мне его адрес, — попросила с нехорошей ухмылкой Фабиола, — я его навещу.

— Очень трогательно, но при чем тут Жан? — встряла Орнелла.

— Вот тогда-то Жан и разыскал меня. И принялся выведывать, нет ли у меня Слезы Честности.

Все в зале напряженно притихли.

— А когда понял, что к Серебряным Слезам я не имею никакого отношения, — продолжила Эрика, не замечая всеобщего оцепенения, — он сказал, что впервые встречает пример подобной правдивости, и назвал меня живым воплощением Слезы Честности.

В зале повисла полная тишина, а потом все вампиры почти одновременно воскликнули:

— Как, и ты тоже?!

Мимо меня быстро прошла Кобра с бутылкой вина в руках.

— И что у вас здесь происходит?

— Ты как раз вовремя, — слегка ошарашенно сказала Рэйчел. — Кажется, всем нам нужно выпить!

— Итак. — Когда все успокоились, Рэйчел вновь взяла бразды правления в свои руки. — Теперь, когда мы выяснили, что каждую из нас Жан считал воплощением одной из Серебряных Слез, давайте познакомимся друг с другом еще раз. — Она выдержала паузу и сказала: — Жан говорил мне, что я олицетворяю Слезу Харизмы.

Она поощрительно кивнула сидящей рядом Фабиоле.

— А я — Слезу Интуиции, — ответила та.

— А я Слезу Смелости, — откликнулась бунтарка Дарла.

— Я — Слезу Воли, — призналась Орнелла, известная своим сильным и при том невыносимо тяжелым характером.

— Я — Слезу Милосердия, — это Эмили, которая занимается благотворительностью.

— Я — Слезу Привлекательности, — а это уже неотразимая Ванесса.

— Я — Слезу Мудрости, — объявила обладательница самого высокого ай-кью Ингрид.

— Я — Слеза Силы, — коротко кивнула натренированная Кобра.

— Я — Слеза Красноречия, — представилась Пандора, род деятельности которой до сих пор оставался для меня загадкой. Оратор она, что ли?

— А я, получается, Слеза Предсказания, — продолжила писательница.

— Я — Слеза Справедливости, — подхватила телеведущая Глория.

— И я, Слеза Честности, — завершила круг Эрика.

— Итак, — подвела итог Рэйчел, — каждую из нас Жан считал воплощением этих качеств. Выпьем за нашу встречу, сестры!

Вампиры подняли бокалы, которые нашлись в серванте, и соединили их с хрустальным звоном.

— Наше здоровье! — послышались голоса.

— И что нам это дает? — несмело спросила Эрика, пригубив глоток вина.

— Мне кажется, важнее то, зачем это Жану, — заметила писательница.

— А действительно, — поддержала ее Ингрид, — ведь не просто ради коллекции он искал нас по всему свету.

— Он искал Серебряные Слезы из Чаши Лорда, — возразила Рэйчел. — А мы случайно

попадали в его поле зрения.

— Чушь, — спокойно парировала Дарла. — Жан никогда ничего не делал просто так. И в нашей инициации тоже была какая-то логика. Осталось только понять какая.

— Так же как смысл есть и в нашей сегодняшней встрече, — кивнула Ванесса. — Ведь это очень символично — все двенадцать Серебряных Слез вместе, в этом замке. Что скажете?

— Скажу, что у меня днем важные съемки, — зевнула Орнелла. — А я с каждой минутой пребывания здесь ставлю их под угрозу.

— Тебя никто не держит, — холодно сказала Ванесса.

Топ-модель в оскорблении вскочила.

— Никто никуда не пойдет! — прозвучал строгий голос Рэйчел, и Орнелла нехотя опустила на место. — Сначала мы должны во всем разобраться. У кого-нибудь из вас были общие дела с Жаном? Признаться, мы с ним практически не виделись после моей инициации.

— И я!

— И я!

— И я, — подхватили другие.

— Похоже, Жан был целиком занят поиском настоящих Серебряных Слез, — подытожила Рэйчел.

— А мы, получается, были запасным вариантом? — с насмешкой уронила Дарла.

— Ты думаешь, собрав нас вместе, он хотел покорить мир? — фыркнула Орнелла.

— А что? — не стушеввалась Дарла. — У кого-то из нас есть власть, у кого-то знания, у кого-то влияние. Рэйчел рулит в политике, Эрика рубит в науке, у Оливии миллионы читателей по всему миру — и так почти у каждой из нас. При грамотной расстановке сил и взаимоподдержке мы могли бы стать силой.

— Это всего лишь предположение, — пожала плечами Орнелла. — И теперь мы уже ничего не узнаем наверняка.

— Почему же? — У Пандоры загорелись глаза. — У нас есть Оливия с даром предсказания и Фабиола, знаменитая своей интуицией. Что скажете, девушки?

— Я думаю, что у Жана определенно был какой-то план в отношении нас, — ответила Фабиола. — Но он не считал его серьезным, потому что делал ставку на настоящие Серебряные Слезы. Из-за этого мы не имеем ни малейшего представления о том, зачем мы тут собрались. Единственное, что соизволил сделать Жан, — это позаботиться о том, чтобы в случае чего мы встретились. А дальнейшему отсутствию четких инструкций мы обязаны стойкому убеждению Жана в собственном бессмертии.

— А я скажу, что это плохо кончится, — неожиданно выдала писательница.

— Что ты видишь? — вцепилась в нее Пандора.

— Я ничего не вижу, — спокойно ответила та. — Я не прорицательница и не медиум. Я просто чувствую, что все это чревато большими неприятностями. Что бы там ни задумал Жан, ничего хорошего от него ждать не стоит.

— А мне все равно жутко любопытно, что придумал Жан на этот раз, — азартно заявила Пандора. — И я не отступлюсь, пока не узнаю это наверняка.

— Вот поэтому я и сказала, что это плохо кончится. Кто-то из вас выдаст себя, и тогда полетят все головы. Неужели вы думаете, что нас оставят в покое, когда узнают, кто наш истинный донор? Мы все разделим участь этой несчастной девочки, за которой по пятам следуют Гончие, и остаток жизни будем жить под неусыпным контролем. Лично мне это никак не подходит. — Писательница нервно оттянула ворот блузки, поддела пальцем серебряную цепочку и затеребила подвеску.

— Что это у тебя? — Дарла перегнулась через стол и дотронулась до подвески. — У меня есть похожая.

— Мне ее подарил Жан, когда... — в удивлении начала писательница.

— ...когда инициировал меня, — продолжила Эрика, расстегивая верхнюю пуговицу кофточки и демонстрируя свою подвеску.

— Невероятно! — зашумели вампириши. — У меня такая же!

— И у меня!

— И у меня!

Затрещали застежки курток, полетели на стол шелковые платки и воздушные шарфики. Вампириши, все это время кутавшиеся в одежду и пытавшиеся согреться, обнажали шеи, демонстрируя свои подвески.

Я машинально коснулась своей шеи и грустно усмехнулась. Глупый жест! Подвеска была подарком Жана каждой его новой избраннице, которую он выбрал сам. А я была случайной прохожей, которая разбила ему нос и вошла в Клуб вампиров вопреки его воле.

В комнате тем временем громко совещались. Подвески оказались у всех. Жан делал подарок в день инициации и просил не расставаться с ним. Удивительно, но почти все, кроме Дарлы, оставившей украшение дома, исполнили его наказ. Кто-то, как Кобра, носил его как память, для кого-то, как для Орнеллы, подвеска служила знаком избранности, кому-то, как Ванессе и Фабиоле, просто нравилось красивое украшение работы ювелира с мировым именем. Все подвески были выполнены в форме кусочка пазла, украшенного бриллиантами и насечками на металле с лицевой стороны и содержащего изображение латинской буквы с внутренней стороны. Только у двух девушек эти буквы не вызвали вопросов, так как совпадали с первой буквой их имен, — это были Ванесса и Орнелла. Для других вампирш буквы на кулоне так и остались загадкой. Прежде девушки были уверены, что украшение из белого золота или платины, но теперь завязался спор: уж не символичное ли это серебро?

— А вам не кажется, что это — ключ? — неожиданно сказала Ингрид. — Что, если наши подвески складываются в пазл, который содержит ответ на все?

Двенадцать светлых, темных, рыжих голов склонились над столом, пытаясь совместить подвески. Мне страшно хотелось заглянуть им через плечо, но оставалось только сверлить взглядом их спины.

Наконец возня и перешукивания прекратились и раздался возглас Орнеллы:

— Есть!

— Смотрите, да это карта!

— Похоже на то!

— Бриллианты легли в линии и соединились в знаки...

— И что все это значит?

— Черт, не хватает одного фрагмента.

— Дарла, чтоб тебя!

— А я знала?! Я такое не ношу, это вообще не мой стиль!

— Без последнего фрагмента мы не сможем разгадать, что здесь зашифровано.

— А что вы все на меня уставились? Щас я прям полечу через океан и вернусь с подвеской в зубах. Ждите!

— Похоже, нам придется еще раз собраться вместе.

— Только давайте, в каком-нибудь более теплом месте!

— Тише, девчонки, давайте все-таки попробуем угадать, что все это значит.

— Это похоже на очертания города.

— Или страны.

— Или района.

— А может, это вообще море!

— Или пустыня Сахара. А что? Это вполне в духе Жана.

— Смотрите, фрагмента не хватает, но вот это изображение, внутри границы, похоже на корону — туда-то нам и нужно.

— Корона? Весьма символично. Осталось только найти, где она спрятана, и будем править всем миром.

— Интересно, что там?

— Да какая разница? Ищите ветра в поле. Где эта улица, где этот дом? Тут нет ни названий, ни широт, ни каких-нибудь указателей.

— Погодите, этот контур... похоже на очертания Корсики!

— Фабиола, ты уверена?

— Конечно, мы там познакомились с Жаном.

— Значит, это Корсика? А дальше... ты знаешь, что здесь зашифровано?

Долгая пауза.

— Нет, понятия не имею, что это.

— Да все она знает! Просто говорить нам не хочет. Зачем ей делиться со всеми нами, если можно заграбастать все себе одной?

— Да как ты!!!

— Девочки, перестаньте! Да что же это такое! Разнимите этих кошек.

— С таким же успехом это могут быть очертания какого-нибудь моря в Ледовитом океане или поместья в английской глубинке.

— Ой, и правда! Похоже на остров на Канарах. Я там отдыхала, еще до того как...

— Жан тебе что-то говорил о нем?

— Нет, но...

— Так мы никогда ничего не узнаем!

— Давайте пойдем от короны. Видите, внутри нее буквы? Часть их пропущена, здесь должен быть кулон Дарлы, но это слово может послужить указанием на место. Возможно, здесь зашифровано название города или квартала.

— Кто-нибудь видит что-нибудь знакомое? Вот здесь, например, цифры 3-12. Кто-нибудь знает, что это такое?

— Это номер машины моего отца.

— Это день моего рождения.

— Это дом (номер дома? — Ред.), в котором я раньше жила.

— Понятно, оставим пока это. Вот тут какой-то непонятный знак...

— Похоже на китайский иероглиф!

— Дайте взглянуть. — Это Ингрид.

— Ты знаешь китайский?!

— Я два года провела в Пекине. Ну-ка... Нет, не прочитать. Это лишь часть иероглифа, продолжение на отсутствующем кулоне Дарлы.

— Дарла!!!

— Да что вы все на меня набросились?! Привезу я вам этот дурацкий кулон, привезу.

За окном послышался какой-то шорох и промелькнули тени. Через щель в раме до меня донеслись едва различимые голоса на английском:

— Что-нибудь видишь?

— Нет. Подсади меня!

Я насторожилась: что там происходит?

— И что все это значит? — донеслось из комнаты.

— Это значит, что эта карта состоит из знаков, каждый из которых разгадать может только одна из нас, — подвела итог мудрая Ингрид. — А всю карту целиком мы расшифруем только в том случае, если объединим наши усилия.

— И что потом?

— Полагаю, карта ведет к тайнику, где Жан оставил что-то для всех нас, — предположила Ингрид.

— И сдается мне, что этот тайник нам не открыть без помощи Фабиолы, — предсказала Оливия.

— Дьявол! Там кто-то есть. — Кобра вскочила с места и пронеслась к окну. — Это репортеры! — обернулась она и задернула шторы.

— Черт! Как они меня нашли? — хором воскликнули Ванесса, Дарла и Орнелла.

— Издатели меня убьют, если это появится в газетах, — простонала писательница.

Ингрид побледнела, Рэйчел достала мобильный телефон и принялась звонить охране, допустившей промах. Но Кобра среагировала раньше. Быстрее молнии она пронеслась мимо

меня и выбежала наружу.

— Все, — озабоченно скомандовала Рэйчел. — Пора расходиться. Нельзя, чтобы кто-то видел нас вместе.

Фабиола скользнула к окну, заглянула за штору:

— Никого, можно идти.

— В замке есть черный ход, — сказала Пандора. — Лучше выйти через него.

— Все быстро записывайте мой мобильный, скинете потом свои номера, — велела Рэйчел, торопливо застегивая пальто, и продиктовала телефон, который я до конца не расслышала. — Будем держать связь через меня.

— А как же подвески? — Писательница кивнула на собранную на столе головоломку.

— Разбираем, быстро. — Рэйчел шагнула к столу и, на мгновение задержавшись, обвела всех взглядом. — Вы ведь не оставите мне их на хранение?

Вместо ответа Ингрид схватила в кулак подвеску с цепочкой.

— Так я и думала, — саркастически усмехнулась Рэйчел. — Разбирайте, разбирайте.

Ванесса в нерешительности застыла перед столом:

— Но они перемешались! Подвески почти одинаковые, я не знаю, которая из них моя.

— Бери любую! — Рэйчел, не глядя, схватила со стола подвеску и сунула в руки актрисы. — Какая нам теперь разница? Без остальных подвесок нам эту шараду все равно не разгадать, а сами по себе они все равно ничего не значат.

Ванесса быстро надела на шею подвеску. Другие вампиры разобрали оставшиеся. На столе осталась одна.

— А это чья? — нахмурилась Рэйчел.

Глория назвала имя Кобры, и я опять не расслышала его.

— Оставим ее здесь, — решила Рэйчел. — Заберет, когда вернется. Быстро, к черному ходу. Тушите свет.

В наступившей темноте вампиры быстро прошагали мимо меня и исчезли в глубине замка. Я бросилась в комнату. Кусочек серебра подмигнул мне в лунном свете, проникавшем сквозь щель занавески на окне. Я схватила подвеску Кобры, сунула ее в карман пальто и побежала к выходу из замка, моля: хоть бы вампирша не вернулась раньше времени. Ноги без сапог совсем заковенели за это время, и в ступни впивались сотни иголок. А вот и входная дверь. Где же сапоги?! Я едва успела натянуть их на одеревеневшие ноги, когда на крыльце послышались быстрые шаги. Я присела на корточки и вжалась в темный угол. Только бы она не заметила, только бы не заметила! Кобра пронеслась мимо меня, даже не глянув в мою сторону. Дождавшись, пока ее шаги удалятся на достаточное расстояние, я на цыпочках подкралась к двери, выскочила за дверь и помчалась прочь.

В парке было пусто, шел снег, погружая окрестности в туманную дымку. Похоже, Рэйчел передумала вызывать охрану, чтобы не светить остальных вампирш. Интересно, Кобра нагнала репортеров и уничтожила снимки?

Когда до забора оставалось с десятков метров, я наткнулась на какую-то свалку и полетела лицом на снег. Больно! Протерла глаза и чуть не закричала от ужаса.

...Кобра их нашла. Двое репортеров — полноватый мужчина лет сорока и худой парень лет двадцати лежали на снегу с перерезанным горлом. Но крови вокруг тел не было...

Меня затошнило, и я отвернулась. Пока вампиры разбирали амулеты, Кобра успела утолить голод. В стороне валялся профессиональный фотоаппарат. Я схватила его с земли — разбит! Попыталась отыскать пленку или карту памяти, но пальцы не слушались. Возьму с собой, потом разберусь.

Уже по отработанной схеме сумка полетела за ограду. Фотоаппарат такой встряски не переживет, беру его с собой. Я оглянулась на крыльцо замка, темнеющего в глубине парка. Отсюда, из-за завесы падающего снега, его почти не было видно. Значит, и я надежно укрыта от Кобры, которая, наверное, уже ищет бросивших ее вампирш. Прыжок — и я уже на стене. Сапог со сломанным каблучком соскальзывает с камня, и, пытаясь удержаться на двухметровой высоте, я цепляюсь руками за стену, сдвигая ладони до крови. Шнурок

фотоаппарата выскальзывает из пальцев, и камера разбивается вдребезги по ту сторону ограды, оставаясь вместе со своим мертвым хозяином. Возвращаться не буду. Прочь отсюда, прочь!

Отбежав подальше от замка к лесу, я вынула из сумки мобильник. Надо звонить Вероник, пусть пришлет за мной машину. И разбирается с этой Коброй, ни за что ни про что укокошившей двух мирных людей. Телефон не отзывается на клавиши, экран темный, как небо над головой. Только этого не хватало, я чуть не плачу от отчаяния. Ну и как мне выбираться из этой дыры глухой ночью с разряженным мобильным? Может, попроситься в машину Рэйчел? Или в лимузин Ванессы? Или на чем там прикатила наша суперзвезда? Безо всякой надежды пальцы нащупывают клавишу включения и нажимают ее. О чудо! Экранчик полыхнул голубым светом и продемонстрировал полный заряд батарейки. Вот же я дурында! Совсем забыла, что сама отключила мобильник, чтобы никто не мешал моей прогулке по Парижу. Вероник, наверное, уже мне обзвонилась. Надеюсь, здесь есть связь.

Внезапно мобильный разразился мелодией, такой оглушительной, что, казалось, ее слышно на весь лес. Я вздрогнула и чуть не выронила трубку из рук. Незнакомый номер. Но я торопливо ответила на вызов, чтобы прекратить эту громоподобную трель, которая могла выдать мое местонахождение, и приглушенно сказала:

— Алло!

— Где ты? — без приветствия заорал Андрей.

— Так сильно соскучился? — нервно пошутила я.

— Где ты? — уже тише, голосом, от которого у меня мурашки пробежали по телу, повторил он.

— Я у Замка Сов, в Ш**.

Андрей ошарашенно замолчал. Сейчас спросит, что я там делаю и как меня туда занесло на ночь глядя. Но Гончий меня удивил.

— Я буду через час, — отрывисто сказал он. — Никуда не уходи. С места не двигайся. Жди меня. Поняла?

— Да поняла я, поняла.

Из трубки полились громкие гудки. Я нажала на отбой, погладила экранчик и улыбнулась. Приятно, когда о тебе заботятся. Приятно, когда за тебя волнуются. Приятно, когда за тобой обещают приехать через час, тогда как дорога занимает как минимум два. Я подняла лицо и поймала сухими губами падающие снежинки. Снегопад усиливался.

Глава 7

Беги, вампир, беги!

Андрей примчался через час, как и обещал. К тому времени я успела доковылять до указателя с названием Ш** и почти превратилась в сосульку. зуб на зуб не попадал, нога в сапоге со сломанным каблуком прихрамывала, а я с тоской думала, что Андрей наверняка прикатит за мной на своем мотоцикле, тогда как я бы душу отдала, лишь бы оказаться в теплом салоне его джипа.

Он приехал на джипе. Пронесся мимо указателя. В последний момент заметил, дал обратный ход. Сравнялся со мной, выскочил из машины. Посмотрел так, что у меня сердце ухнуло вниз. Бросил:

— Залезай.

Его тон мне не понравился, но выбора у меня не было. Я торопливо топнула, стряхивая налипший снег, запрыгнула на переднее сиденье и попросила:

— Включи обогреватель!

Он бросил на меня странный взгляд:

— А что, кровь тебя не греет?

— Т-ты же знаешь, она у меня холод-дная, как у всех н-нас, — отстучала зубами я.

Андрей вывернул руль, разворачивая машину в сторону Парижа, и дал по газам. Меня

вжало в сиденье. Если он на такой скорости ехал сюда, неудивительно, что он добрался так быстро.

— Как я понимаю, спрашивать, как ты здесь оказалась, бессмысленно? — процедил Андрей.

— Почему? — Начиная отогреваться, я сделалась совсем шелковой. — Я хотела посмотреть свой замок.

— Свой замок? — воскликнул он.

Я пожала плечами. Мол, что такого? Имею право.

— Почему, — Андрей заскрежетал зубами, — почему ты сбежала из-под охраны? Почему отключила телефон?

— Если бы я знала, что ты будешь так волноваться, то сбежала бы еще раньше, — промурлыкала я, совершенно разомлев от тепла.

— Ты уехала в Ш** сразу после того, как обдурила охрану и водителя? — холодно осведомился Андрей.

— Нет. — Я, в отличие от него, была настроена благодушно. — Сначала я погуляла по городу.

Дворники на переднем стекле быстро расчищали падающий снег, и в их движении было что-то завораживающее.

— Где? — тихо спросил Гончий.

— Что? — не поняла я.

— Где. Ты. Была? — отрывисто повторил он.

— В Париже? Гуляла. Мне так нравится этот город, он такой галантный.

Я попробовала объяснить Андрею свою теорию о мужчине-Париже и женщине-Москве. Он же тоже знает Москву и должен понять, о чем я говорю, но он грубо перебил меня:

— Скажи, где ты была.

— Это что, — рассмеялась я, — допрос? — Но наткнулась на его мрачный взгляд и прилежно отчиталась: — Ну, я побродила там в округе, прогулялась по Елисейским полям, посидела в кафе. Потом взяла такси и поехала в Ш**. Ты не представляешь, что там было! Даже хорошо, что за мной приехал ты, а не Вероник. Тебе это тоже важно знать. Я не единственная наследница Жана, у него есть еще двенадцать кровных наследниц, которых он инициировал тайно.

— Хватит врать! — в сердцах бросил Андрей. — Тебе это уже не поможет.

— Да ладно тебе, — обиделась я. — Что я такого страшного натворила? Подумаешь, сбежала из-под надзора, чтобы погулять. Да если бы я этого не сделала, никто бы никогда не узнал, что у Жана есть другие наследницы, кроме меня. Можно сказать, сама судьба меня сюда привела! Ради таких известий даже сапожек «Гуччи» не жалко. Хотя каблука, наверное, мне уже не восстановить, и придется их выбросить. Жаль, классные были сапожки... Ой! — Я подпрыгнула на сиденье. — Мы уже далеко уехали?

— Мы на полпути к Парижу.

— Да что же я! Совсем забыла — там в парке два мертвых репортера. Их убила Кобра.

Андрей резко ударил по тормозам, машину занесло к обочине, засыпанной снегом, я взвизгнула.

— Три убийства в одну ночь — это слишком даже для тебя, — медленно сказал он, не поднимая голову от руля.

— Ты меня, вообще, слушаешь? Их убила Кобра!

— Их убила тропическая змея? — смертельно усталым голосом спросил он. — В предместье Парижа? В начале января?

— Да нет же! — сбивчиво заговорила я. — Кобра — это девушка. Я просто имени ее не расслышала, вот и называю ее так. Кобра побежала за этими репортерами. А потом, когда я уходила из замка, я нашла их мертвыми в парке. И их камера была разбитой.

— Так это правда? — Андрей поднял на меня глаза. — Они мертвы?

Я кивнула и тихо добавила:

— А еще она выпила из них всю кровь.

— Три убийства в одну ночь — это слишком даже для тебя, — медленно повторил он.

— Что значит — три? — осеклась я.

— Ведь прежде чем уехать в Ш**, ты наведалась в парижскую квартиру Изабель и убила ее, — убежденно выдал он.

— Я убила Изабель? — Я затрясла головой. Что за бред он горюдит?

— Ты. Убила. Ее. Так, как и грозила ей при подругах.

— Да когда я ей грозила?! — заорала я, зверея от его тихого обвиняющего тона.

— Вчера на балу. Ее подруги были рядом. Все они слышали, как ты говорила про нож, который вонзится прямо в сердце, и как из вен капля за каплей вытечет вся кровь.

— Ну да, — растерянно признала я, — что-то подобное я говорила. Но только потому, что Изабель распиналась, что я недостойна «носить кровь Жана в своих жилах». — Я передразнила ее тонкий голосок.

— Нет, ты достойна. Ты еще как достойна, — с яростью проговорил он. — Все опасались, что ты начнешь убивать, не контролируя себя. Но ты прекрасно отдаешь отчет в своих действиях. Ты все заранее спланировала. Ты сбежала от охраны и прирезала Изабель, как ей и обещала — ножом в сердце.

Я, онемев, слушала его, не в силах даже возразить этим чудовищным по своей нелепости обвинением. Я понимала: Андрей не шутит. Изабель правда мертва. Ее на самом деле убили тем способом, о котором я говорила. Но это какое-то нелепое совпадение!

— Но и этого тебе показалось мало. — Глаза Андрея гневно сузились, рука больно вцепилась мне в плечо. — И ты отправилась резвиться за город, попутно зарезав двух человек, которым не повезло попасться тебе на глаза.

— Скажи, что ты шутишь, — наконец-то отмерла я. — Это не может быть правдой.

— Изабель мертва, ты сбежала, твой телефон выключен. А потом ты как ни в чем не бывало отвечаешь, что ты за городом, у замка Жана. Я вот только одного понять не могу: осознав, что ты натворила, ты решила сбежать из города? Или Жан что-то оставил тебе в своем замке? Отвечай!

Я ошеломленно замотала головой, а Андрей наклонился ко мне, выдрал у меня из рук сумку и вывалил ее содержимое себе на колени. Полетела на коврик под ногами моя помада, пудреница, расческа.

— Что ж ты делаешь, варвар? — возмутилась я.

— Это ты что творишь, мерзавка? Думаешь, теперь ты вне закона? Думаешь, теперь лучший адвокат отмажет тебя за любые деньги? Так вот, — Гончий ожесточенно потрошил мою сумку, — вынужден тебя огорчить. Никакого суда и следствия не будет. Я вот здесь, прямо сейчас, своими руками тебя...

Я не успела даже шелохнуться, когда Андрей молниеносным движением сомкнул ладони на моей шее и принялся меня душить.

— Таких, как ты, нужно уничтожать сразу, — шипел он. — И не дожидаться, пока они натворят новых дел.

Я захрипела, замолотила ногами по полу, но не могла освободиться. Андрей нависал надо мной, и его красивое лицо исказила гримаса ненависти. Сейчас в нем не осталось ничего от того вольнолюбивого мотоциклиста, которого я боготворила все эти годы. Видимо, отблески того солнечного дня отразились в моих глазах, потому что внезапно зрачки Андрея расширились, он разжал руки и воскликнул:

— Ты?

Я глухо закашлялась, нащупала дверную ручку и вывалилась на снег, ловя сухими губами снежные хлопья с металлическим привкусом. Черные ботинки застучали по обледеневшему асфальту, приближаясь ко мне. «Бежать!» — стучало в висках, но тело меня не слушалось, было вялым. И только на губах таяли снежинки с привкусом выхлопных газов. Похоже, это последнее, что я попробовала в своей короткой жизни.

— Ты та девчонка с Воробьевых, — сказал Андрей, глядя на меня с ошеломлением. — Вот почему твое лицо показалось мне знакомым. Вот уж не думал, что мы еще раз свидимся. Да еще при таких обстоятельствах.

— Аристарх тебе этого не простит, — прохрипела я.

Его лицо странно дернулось, и он наклонился ко мне. Я закрыла глаза.

— Вставай.

Открыла — он протягивал мне руку.

Я замотала головой и попятилась.

— Идем!

Гончий рывком поставил меня на ноги, втолкнул в салон и захлопнул дверцу. Мгновением позже машина сорвалась с места.

— Куда ты меня везешь? — безжизненно спросила я.

— Тебя будут судить по нашим законам. Но не надейся, что тебе удастся отмазаться. Есть свидетели, которые видели тебя у дома Изабель незадолго до убийства. А если ты не врешь и в Замке Сов лежат еще два трупа, то проживешь ты недолго. С убийцами у нас разговор короткий.

При виде меня на пороге дома Вероник достопочтенный Бернар разве что не осенил себя крестным знамением и исподлобья уставился на Андрея: мол, что за исчадие ада ты приволок в приличный дом? Значит, о том, что я первая подозреваемая в деле об убийстве Изабель, дворецкий уже осведомлен. Сейчас Гончий его еще и известием о двух трупах в замке порадует. Ох и веселенькая меня ждет ночка!

Заплаканная Вероник бросилась нам навстречу, крепко обняла меня и бессвязно забормотала:

— Жанна! Какой кошмар! Какая дикость! Я ни минуты не верю во все эти обвинения! Что за нелепость! Где ты была? Что все это значит? Почему ты сбежала? Андре, почему ты молчишь?!

— Жду новостей от своих ребят.

Гончий с невозмутимым видом отошел к окну в гостиной и повернулся к нам спиной. Почти сразу зазвонил его мобильный.

— Да, — ответил он.

Когда он повернулся, его лицо было таким же, как тогда в машине, когда он чуть не придушил меня. Даже Вероник испуганно вскрикнула:

— Андре, да в чем дело?!

— Дело в том, — зло отчеканил он, — что прогулка нашей московской гостьи обернулась гибелью одной из нас и двух ни в чем не повинных людей.

— Что?! — воскликнула Вероник. — Жанна, это правда?

— Ну, — Андрей с вызовом взглянул на меня, — скажи ей правду. Скажи, что их убила кобра. Скажи, что у тебя есть двенадцать сестричек по крови. Это ведь такой удобный повод, чтобы перевести стрелки с себя на других.

— Жанна, что он несет? — Вероник в недоумении переводила глаза с Гончего на меня.

— Кстати, — продолжил издеваться он, — может, назовешь их имена?

Я отвернулась к окну. Назвать их имена? Имена Ванессы Рейн, Орнеллы Дамиани, Дарлы, Глории Майлз, писательницы Оливии? Да Гончий же меня просто засмеет! И будет абсолютно прав, потому что на его месте я бы тоже не поверила. Слишком фантастично, слишком невероятно, чтобы быть правдой. Если кто мне и поверит, то это Аристарх, который верит мне как себе самому, и Вацлав, который знает, что я не могла совершить приписываемых мне преступлений, потому что я не расстаюсь со Слезой Милосердия.

— Ну, — ерничал Андрей, — что же ты молчишь?

— Если ты хочешь меня допросить, то для начала пригласи сюда Аристарха Алмазова и Вацлава Волкова, — сухо ответила я. — Без них я ничего говорить не буду.

— Думаешь, дед с любовником тебя спасут? — процедил он по-русски. Глаза Гончего

сузились, а я поймала себя на желании отвесить ему пощечину. Хлесткую, оглушительную, до грома в ушах, до крови на губах.

— Андре, — Вероник хоть и не поняла смысла последней фразы, но видела, что Гончий произнес что-то оскорбительное, — ты забываешься. Будь любезен...

— Не утруждайтесь, мадам старейшина, — он вновь перешел на французский, — я уже ухожу. Надо наведаться в Замок Сов, проверить, что там натворила наша наследница. Но завтра я вернусь. И тогда проведу допрос со всем пристрастием.

— Не забудь сперва заручиться согласием трех старейшин! — крикнула ему вслед Вероник. — Иначе даже на порог не пушу.

— Желаю спокойной ночи и приятных снов, — паяснически раскланялся Гончий. — Теперь вы, мадам, отвечаете за эту пташку головой. Хотя поручиться за нее было очень опрометчиво с вашей стороны.

— Пошел вон, — выдохнула Вероник ему вслед и обернулась ко мне: — Жанна, расскажи же мне, где ты... — Она внезапно всплеснула руками. — Да ты вся дрожишь! Бернар, горячую ванну, быстро!

Пожалуй, умереть от воспаления легких было бы лучшим выходом. Однако судьба-злодейка не дала мне легко отмучиться. Три дня я провалялась в бреду, и мне то слышался голос Аристарха, зовущий меня, то чудились руки Вацлава, поправляющие на мне плед. Они здесь, они прилетели, значит, все будет хорошо.

— Аристарх, — бормотала я, — их было двенадцать. Спроси Ванессу Рейн, спроси Дарлу... Они все подтвердят. Вацлав, я никого не трогала, их убила Кобра.

— Конечно, — целовал меня в лоб Аристарх. — Я все узнаю.

— Конечно, — гладил меня по плечу Вацлав. — Я во всем разберусь.

Когда на четвертый день я очнулась, в кресле возле моей постели дремала Вероник. На туалетном столике у изголовья стоял стакан с апельсиновым соком и пустой бокал с загустевшей кровью на доньшке. Меня поили этим?! Меня замутило, и я потянулась за стаканом с соком, но перевернула пустой бокал. Он со звоном упал набок, темная струйка крови тонкой ниткой разлилась по стенке. Вероник встрепенулась, открыла глаза, под которыми залегли темные тени то ли от переживаний, то ли от бессонных ночей:

— Жанна, как ты?

— Пить... — прошептала я.

Вероник вскочила с кресла, запахивая шелковый халат, поднесла апельсиновый сок.

— Или ты проголодалась всерьез?

Я категорично замотала головой, отчего в ней зазвенели колокола, и, влив в себя порцию сока, откинулась на подушку.

— Позови Вацлава.

— Кого? — удивилась Вероник.

От ее искреннего недоумения мне стало не по себе.

— Или моего деда. Ведь они здесь?

Вероник покачала головой, садясь обратно в кресло.

— Сколько дней я так валяюсь? — встревожилась я.

— Три дня, сегодня четвертый.

— Но почему они до сих пор не прилетели?!

— Жанна, успокойся. Я успела дозвониться Аристарху, он очень переживает. Он порывался вылететь в тот же вечер, но все рейсы на Париж были уже отменены.

— Почему?

Вместо ответа Вероник кивнула на окно. За стеклом было белым-бело от снега.

— Нелетная погода. Небывалый снегопад. Я вообще за три года в Париже снег вижу впервые. И старожилы уверяют, что он тут выпадает раз в десять лет. Но и такого они не припомнят. В новостях только об этом и говорят. Все дороги замело. Ни машины не ездят, ни поезда ни ходят. Даже телефон не работает. Мы отрезаны от мира, и мир отрезан от нас.

— Так, значит, они тоже никуда не улетели, — прошептала я.
— Кто — они? — не поняла Вероник.
— Двенадцать кровных наследниц Жана.
Хозяйка поднялась из кресла:
— Я позову доктора.
— Вероник, — я поймала ее за рукав шелкового халата, — ты мне не веришь?
— Жанна, ты бредишь. Ты постоянно твердишь о двенадцати наследницах, о Дарле, об Орнелле Дамиани, Ванессе Рейн...
— Вероник, — горячо зашептала я, — они все сейчас здесь, в Париже. Понимаешь, они не смогли никуда улететь!
— Жанна, если бы такие заметные персоны, как Ванесса или Орнелла, были бы здесь, уж я-то как старейшина об этом узнала в первую очередь!
— Как ты не понимаешь, они прибыли в Париж тайно! Так им велел Жан!
— Жанна, только успокойся. Жан умер. И все это совершенно исключено.
Вероник мягко, но решительно высвободила руку и скрылась за дверью. Я со стоном спрятала лицо в подушку. Если двенадцать вампирш по-прежнему во Франции, у них уже было достаточно времени для того, чтобы встретиться вновь и попробовать разгадать карту, оставленную им Жаном. Погода сыграла им на руку. Если бы они разъехались по разным странам, снова собраться все вместе они смогли бы не скоро.
Вероник вернулась с невысоким худощавым мужчиной, похожим на Джорджа Клуни. Добрый доктор вколол мне кубик успокоительного, и на какое-то время я забыла обо всем на свете.

Очнувшись, я уже не повторила своей ошибки — ни словом ни обмолвилась о двенадцати вампиршах. Видя это, Вероник повеселела и даже разрешила мне встать. Правда, прежде заставила меня выпить целый стакан крови, убеждая, что без него я протяну ноги.

То ли кровь на меня так подействовала, то ли к тому времени я уже активно пошла на поправку, только чувствовала я себя превосходно. Вероник даже согласилась на то, чтобы мы пообедали в столовой, а не у моей постели.

За обедом она рассказала мне последние новости. Аномальный снегопад не помешал Гончим заняться расследованием.

— Их эксперты пришли к выводу, что почерк у двух убийств разный, — осторожно сообщила Вероник. — Но в то же время физические возможности убийцы примерно одинаковы. То есть и то и другое преступление мог совершить один и тот же человек.

— Мужчина или женщина? — уточнила я, придвигая тарелку с овсянкой.

— Мужчина. Или очень сильная женщина. — Вероник стушевалась и отвела глаза.

Конечно, о моей силе ходят легенды! Вот только я видела в шаге от себя Кобру, и уж в чем, в чем, а в том, что она посильнее иных мужчин, я не сомневалась. Недаром Жан выбрал именно ее в качестве воплощения Слезы Силы. И все же заподозрить ее в убийстве Изабель было сложно. Кобры не было на балу, она не слышала, какой именно способ убийства я озвучила Изабель, а списать все на совпадение было бы слишком наивно. Кто-то хотел подставить меня с этим убийством. Вот только кто и зачем?

— А возле замка нашли какие-нибудь следы? — как можно более небрежно спросила я, стараясь не обнаружить своей заинтересованности. Не может же быть, чтобы двенадцать тайных посетительниц замка ничем не выдали своего визита!

— Когда Гончие приехали туда, следы были, но снег шел такой сильный, что они уже ничего не смогли установить.

— А отпечатки пальцев в замке, в гостиной?

— Жанна, — Вероник покачала головой, — твой наставник был большим любителем вечеринок. В Замке Сов часто проводились маскарады и балы. И поверь мне, на любой поверхности найдутся отпечатки почти каждого вампира, хоть раз да побывавшего в Париже.

Я приуныла окончательно. Значит, доказать присутствие двенадцати вампирш в тот день в замке не удастся.

— Но одни отпечатки, к несчастью, сохранились весьма отчетливо, — произнесла Вероник напряженным голосом, глядя куда-то в окно. — Это отпечатки на фотокамере одного из репортеров. — Она перевела взгляд на меня. — Твои отпечатки.

Овсянка Бернара встала комом в горле. Ну конечно, мои! Я же брала камеру в руки! Я же хотела унести ее с собой, чтобы сохранить разоблачительные снимки, а потом выронила из рук.

— Я и не отрицаю, что была в замке в тот вечер и что брала камеру, — стараясь, чтобы голос не дрогнул, сказала я. — Кстати, личности убитых установили?

— Да. — Во взгляде Вероник мелькнула растерянность. — Это американцы, они продавали свои снимки «ОК!» и «Hello».

— Вот ведь удивительно, — протянула я. — Что бы их могло привести за столько миль от Америки в Замок Сов? Жан ведь не мировая знаменитость, чтобы репортеры решили разузнать обстоятельства его смерти или захотели выяснить нюансы наследства.

— Да, все это очень странно, — обескураженно признала Вероник.

— А ведь если предположить, что они следовали по пятам за Дарлой, или Ванессой Рейн, или... Ладно-ладно, — я осеклась, наткнувшись на обеспокоенный моим душевным здоровьем взгляд Вероник, — я просто так сказала. Так, значит, оба обвинения по-прежнему висят на мне и других подозреваемых нет?

— В убийстве Изабель прямых улик против тебя не найдено, — обнадежила меня Вероник. — Правда, есть свидетель, видевший тебя у дома Изабель примерно во время убийства.

— Я даже не знаю, где она живет! — горячо возразила я.

— Она живет на той улице, куда ведет служебный вход бутика, из которого ты сбежала из-под охраны, — внимательно глядя на меня, пояснила Вероник. — Окна Изабель выходят прямоком на задворки магазина.

Вот черт! Разве бывают такие совпадения?!

— Дай-ка догадаюсь. — Я звякнула ложкой по дну тарелки. — Свидетельница — это дама с собачкой? С той рыжей колбасой-таксой в полосатом комбинезоне?

— Тебе виднее. Я ее не видела. А вот она в точности описала твою внешность и твое приметное красное пальто.

— И это все? Свидетельница, которая видела меня у дома? — уточнила я, чувствуя, как на сердце становится легче. Я-то, решив, что это настоящая подстава, опасалась, что убийца умудрился обзавестись ножом с отпечатками моих пальцев. Или подбросил на место преступления какую-нибудь из моих вещичек. Например, сапфировую сережку, подаренную мне Аристархом. Я машинально потрогала мочку, потом другую. К счастью, несмотря на все мои злоключения, сережек я не обронила.

— Орудия преступления не нашли, среди отпечатков пальцев в квартире Изабель твоих нет, — сообщила Вероник. — Зато косвенные улики тебе отнюдь не на руку: сбежала от водителя, выключила телефон, была рядом с местом преступления в то же время, убийство совершено тем способом, какой накануне ты при свидетелях описывала Изабель.

— И ты думаешь, я бы стала себя так тупо подставлять? — не выдержала я.

— Вот и я думаю, что это подстава, — помрачнела она. — Вот только кому это нужно? Сама подумай, ты в Париже впервые, никого здесь не знаешь. Кому бы ты могла так насолить за один день?

Ответа у меня не было. Но еще больше меня волновал другой вопрос.

— А что ты думаешь по поводу убийства репортеров?

Вилочка Вероник, нацелившаяся на кусочек сыра, звякнула по тарелке.

— Я понятия не имею, что произошло там той ночью, но искренне надеюсь, что ты к этому не имеешь никакого отношения.

— Что ж, надеюсь, что совсем скоро я буду полностью реабилитирована. А пока каково

мое положение сейчас? — решила выяснить я.

Скулы Вероник заалели, голос чуть дрогнул:

— Ты под домашним арестом, Жанна. — Она бросила на меня умоляющий взгляд. — Пожалуйста, пойми, это для твоей же пользы! Если убийства продолжатся, в твоих же интересах иметь железное алиби, которое я смогу подтвердить.

— Так ты тоже становишься затворницей на время моего домашнего ареста? — Я удивилась.

— А как иначе? Я отвечаю за тебя перед Гончими.

— Иначе, — я вздрогнула от внезапной догадки, — они бы посадили меня в тюрьму?

— Жанна, ну что ты такое говоришь! — слишком громко воскликнула Вероник, убедив меня в правоте домыслов, и стремительно сменила тему, затараторив: — Ты совсем ничего не ешь! Тебе надо набираться сил! Скушай сыра. На вот круассан! Вот попробуй ветчины!

Минутой позже на тарелке передо мной высилась целая гора вкусовностей, наложенных заботливой хозяйкой. От печальной участи Винни Пуха меня, как ни странно, спас Бернар. Дворецкий появился на пороге с похоронной миной (по случаю моего затянувшегося визита он пребывал в глубоком трауре) и с небывалым почтением сообщил:

— Месье Ипполит Сартр.

Вероник досадливо поморщилась и обреченно велела:

— Приглашай!

Выразив уверенность в том, что чудовищные по нелепости обвинения в самом скором времени с меня будут сняты, и пообещав, что он будет всячески этому содействовать, Ипполит светски поболтал об ужасной погоде и новой театральной премьере, которая состоялась всем снегам назло, после чего изящно спровадил Вероник восвояси и организовал нам тет-а-тет.

Когда за хозяйкой закрылась дверь, Ипполит уставился на меня проникновенным взглядом и многозначительно замолчал. Его рука при этом гладила набалдажник трости, а огромный бриллиант в кольце подрагивал, выдавая волнение вампира.

Пауза затянулась.

Наконец Ипполит подал голос:

— Возможно, Вероник несколько посвятила вас в курс наших дел?

— Не понимаю, о чем вы, — прикинулась я дурочкой.

Я могла бы сказать, что догадываюсь, о чем речь, избавив его от неловкости. Могла, но не хотела. Мне хотелось услышать, как этот напыщенный индюк станет просить у меня денег. Потому что никакой иной причины для того, чтобы выражать мне свои симпатии и обещать заступничество в Совете старейшин, у Ипполита быть не могло.

Услышав о моем неведении, Ипполит приободрился и расписал, какими добрыми друзьями были они с Жаном, как часто они проводили время за партией в гольф и как покойный вампир любил бывать в его клубе.

— Простите, — перебила я, когда он принялся рассказывать про какую-то интересную партию, — но я ничего не понимаю в гольфе.

— Это потому, что вы в него никогда не играли, — вкрадчиво улыбнулся Сартр. — Поверьте мне, эта игра затягивает.

— Возможно, — откровенно зевнула я, — но мне больше по душе шопинг. В жизни, знаете ли, всегда есть место шопингу...

— Вам непременно стоит побывать в моем клубе и попробовать! — не отставал Ипполит.

— Никогда! — воскликнула я. — Костюмы для гольфа такие уродливые. Взять хотя бы эти галифе! А шапочка для гольфа? Ни за что не надену подобное убожество, — поклялась я.

Лицо Ипполита на миг перекосилось, он даже выпустил из рук трость и прислонил ее к дивану, на котором сидел. (Йес! Один-ноль в мою пользу!) Но вампир быстро справился с собой и расплылся в улыбке:

— Ах, женщины! Чтобы заманить вас на поле для гольфа, придется уговорить Валентино создать коллекцию для игры в гольф, а умельцев Тиффани — изготовить клюшку, инкрустированную бриллиантами.

— Такие жертвы неоправданны, — не оценила его креативности я.

— Любой каприз... — с улыбкой начал Ипполит.

— ...за наши деньги, — подхватила я.

В комнате повисла тяжелая пауза.

— Вы ведь знаете, зачем я пришел, — уже без улыбки произнес Ипполит, глядя на меня своим затягивающим, как болото, взглядом.

— Знаю, — кивнула я.

— И? — Вампир вздернул брови в ожидании моего ответа.

— У меня нет для вас денег, месье Сартр, — спокойно сказала я.

На лбу Ипполита дрогнула лишь одна жилка. Но, учитывая степень его владения собой, это, должно быть, служило признаком сильнейшего гнева. Стоит отдать ему должное. Он не стал уговаривать меня, он не опустился до просьб или угроз. Он просто встал, смерил меня взглядом, от которого мне тут же захотелось вымыться, и вышел вон.

И только когда его шаги стихли в коридоре, я поняла, что Ипполит был не просто разгневан. Он пребывал в бешенстве до такой степени, что даже забыл свою трость.

— Ты ему отказала? — проводив гостя, спросила вернувшаяся Вероник.

— Без вариантов. Если я захочу заняться благотворительностью, то лучше облагодетельствую детский дом, который в этом по-настоящему нуждается. А скажи мне, Вероник, Жан любил гольф?

— Кажется, нет.

— Они не могли терпеть друг друга, и при этом Жан отстегивал Ипполиту почти миллион в год на содержание элитарного гольф-клуба? — задумчиво протянула я. — Что-то сомнительно.

— Ты думаешь? — настороженно откликнулась Вероник.

— Одно из двух. Или их неприязнь друг к другу напускная...

Хозяйка покачала головой:

— Такое сыграть невозможно.

— Значит, шантаж, — подвела итог я. — Уважаемый месье Сартр чем-то шантажировал Жана. Тот его ненавидел, но отстегивал ему деньги за молчание.

— Как думаешь, что бы это могло быть? — с любопытством спросила Вероник.

— А мне откуда знать? Это же ты живешь в Париже и знаешь все про всех.

— Но ведь ты его наследница, — возразила она.

— Вероник, я его видела два раза в жизни! — воскликнула я. — В первый раз он меня заразил, а во второй раз я...

Я чуть не выпалила: «Я его убила», но вовремя спохватилась и вывернулась:

— А во второй раз он похитил мою бабушку и мою лучшую подругу. Как думаешь, была у нас возможность поболтать с ним о том о сем, чтобы он поведал мне все свои секреты. Вроде того, чем именно его шантажирует distinguished Ипполит? Причем, — добавила я, поразмыслив, — это вряд ли тайна из прошлого Жана, так как Ипполит значительно младше его. Он же в Клубе всего около десяти лет? Скорее всего, речь идет о событии, случайным свидетелем которого стал Ипполит. Кстати, как он попал в старейшины?

— Как все, — не выдала удивления Вероник. — Старейшины избрали его голосованием из числа претендентов, рекомендованных участниками Клуба.

— А что, если к этому приложил руку Жан? — предположила я.

— Исключено, — твердо сказала Вероник. — Жан не имел никакого влияния на старейшин.

— Ты принимала участие в голосовании за Сартра? — уточнила я.

— Нет, — смутилась она, — я тогда еще сама не была избрана.

— Значит, утверждать с уверенностью ты не можешь, — заключила я. — И, возможно, место старейшины — еще одна плата за молчание Ипполита.

— Я попытаюсь что-нибудь выяснить, — пообещала Вероник. — Хотя какое это сейчас имеет значение?

— Может быть, и имеет, — возразила я, глядя в окно, — может быть, и имеет.

За окном по-прежнему сыпал снег. Казалось, Париж решила навестить Снежная королева, и сейчас, стоя на вершине заиндевевшей Эйфелевой башни, она машет своим ледяным жезлом, укутывая город в снежное кружево.

— Вероник, — попросила я, — расскажи мне об Изабель. Кто она такая? У нее были враги?

— Изабель из элиты. — Вероник скорчила гримаску. — Голубых кровей, родом из девятнадцатого века.

— Такая старая? — вырвалось у меня.

— Но-но, — оскорбилась она, — я ненамного-то ее и моложе.

— Прости, — смутилась я, — я совсем не хотела... Просто мне она показалась совсем незрелой.

— К кому-то ум приходит с годами, от кого-то уходит еще дальше, — усмехнулась Вероник. — Изабель была этого сорта. Вечная невеста, вечный ребенок. Всегда капризная, всегда вздорная, всегда самовлюбленная.

— Говорят, что к старости все плохие черты характера только усугубляются, — заметила я. — Ой, прости-прости, молчу!

— За что? — В глазах Вероник заплясали смешинки. — В моем характере изъянов нет, я же просто ангел!

— Так что, Изабель себе много врагов снискала своим вздорным нравом? — вернулась я к заданному вопросу.

— Как тебе сказать... — Вероник задумчиво накрутила локон на палец. — Ни одного.

— Как же так? — удивилась я.

— А как можно всерьез обижаться на ребенка? К Изабель в нашей тусовке давно все привыкли и прощали ей капризы. Как бы тебе объяснить... Изабель была абсолютно безобидна. Она не была ни стервой, ни сплетницей, ни интриганкой. Если она и портила кому-то жизнь, то скорее сама того не ведая. Она постоянно нуждалась в любви, восхищении, заботе. Особенно после того, как Жан бросил ее.

— А почему он ее бросил?

— Это же Жан! — фыркнула Вероник. — Девушки рядом с ним не задерживались дольше месяца. Два месяца для него — это уже почти вечная любовь.

— Но между ним и Изабель были же какие-то особые чувства? — в недоумении уточнила я. — Подруги втирали ей, что Жан должен был оставить свое состояние ей, что ее одну он только и любил.

— Подруги говорили то, что Изабель хотела слышать. А Изабель хотела слышать ложь, которую сама же и выдумала. Когда у них с Жаном случился роман, она рассказывала всем, что тот от нее без ума, что не за горами свадьба, что он совершенно переменялся и забыл про свои былые похождения. А Жан тем временем уже перемигивался с другой красоткой. Понимаешь, о чем я?

— Признаться, ничего не понимаю...

— Изабель была безобидна, как ребенок, — повторила Вероник. — Поверь, никто из наших никогда бы не поднял на нее руку. Ее убийство всех потрясло.

— И конечно же все уверены в том, что это сделала я? — уныло спросила я.

— Кому же захочется допустить, что убийца — один из старых знакомых? — рассудительно заметила Вероник. — Спокойнее списать все на человека со стороны.

— Стоп, стоп! — Я вдруг забеспокоилась. — Давай уточним: я сижу под домашним арестом или меня таким образом оберегают от разъяренной толпы мстителей?

— Да какие мстители! — принужденно рассмеялась Вероник. — В окно выгляни. Какому дураку придет в голову выйти на улицу в такую погоду?

— Мадемуазель Элен Громов, — церемонно доложил Бернар, появляясь на пороге.

— Элен? — удивилась Вероник. — Я ее не ждала.

Я хотела сказать, что это ко мне, но от радости увидеть Ленку поперхнулась соком и закашлялась. Вероник с беспокойством взглянула на меня и велела дворецкому:

— Зови!

Когда Лена, разгуманенная от морозца, со снежинками, тающими на волосах, появилась на пороге, я вскочила из кресла, собираясь ее обнять, но подруга только сухо кивнула мне, отвернулась и заворковала с Вероник по-французски, не обращая на меня ни малейшего внимания.

Оглушенная ее поведением, я съезжилась в кресле. Уж если Ленка, которая знает меня с детства, не желает больше иметь со мной дела, значит, поддержки мне ждать не от кого. Для всех я теперь монстр, хладнокровно прирезавший Изабель и убивший двух репортеров. Достойная преемница Жана.

Смысл разговора между Леной и Вероник ускользал от меня. Я поняла только, что Лена пришла передать Вероник какую-то информацию. А когда та удивилась, почему неведомый мне Василь не пришел сам, Лена сказала, что он очень занят, а она проходила мимо и решила заскочить.

Я с печальной усмешкой глядела в окно, за которым по-прежнему мела метель. Проходила мимо? В такую погоду?

— Жанна, — окликнула меня Вероник, — прости, что заговорились. Познакомься, это Элен Громов, — она сделала ударение на второй слог, — твоя соотечественница.

Я с обидой вскинула глаза на Лену. Ах, мы уже незнакомы? Ну конечно, Вероник же не знает, что мы учились в одной школе, а Лена предпочла вычеркнуть нашу прошлую дружбу из памяти. Вот только я не собираюсь. Я уже открыла рот, чтобы высказать Лене все, что думаю о друзьях, которые отворачиваются при первой же неприятности, но она меня опередила.

Лена шагнула ко мне, адресовала мне светскую, ничего не значащую улыбку, протянула руку для приветствия и на русском сказала:

— Жанна, не делай глупостей. Прикинься, что видишь меня впервые в жизни. Я все объясню потом. А сейчас улыбнись мне, балда, и скажи пару слов по-русски. Хозяйка не должна заподозрить, что мы знакомы.

Это «хозяйка» резануло слух. Лена не стала даже называть имени Вероник, чтобы та не поняла, что мы говорим о ней. Что тут, черт возьми, происходит? Но я нашла в себе силы растянуть губы в улыбке, пожала ей руку и самым любезным тоном проговорила:

— Надеюсь, мадемуазель Громов, у тебя есть достойное объяснение этому маскараду.

— Вполне. Я оставлю его в этом кресле. А теперь, — она шагнула к пустому креслу и перешла на французский, — не буду больше отнимать ваше время. Приятно было познакомиться, Жанна!

Вероник поднялась с места, чтобы ее проводить, и, когда она повернулась спиной, Лена быстро вытащила из сумочки белый конверт и опустила его между сиденьем и подушкой кресла.

Оставшись в гостиной одна, я метнулась к креслу, схватила конверт, в котором прощупывался лист бумаги, и спрятала его под одежду.

Когда вернулась Вероник, я сослалась на головную боль и сказала, что хочу прилечь. Вероник всполошилась и чуть не бросилась за доктором. Но я убедила ее, что волноваться не о чем, и вышла за дверь, намеренно едва-едва передвигая ноги. Хотя мне хотелось бежать вприпрыжку, чтобы скорее прочесть таинственное послание Лены, переданное мне с такой секретностью.

Знакомый Ленкин почерк, всегда круглый и аккуратный в школьной тетрадке, на этот

раз щетинился острыми углами и плясал от волнения или от спешки.

«Жанна, — писала она, — надеюсь, что ты не рассказывала Вероник о нашем знакомстве и не выдала себя при нашей встрече. Значит, шанс спастись еще есть. Мой отец — один из высокопоставленных вампиров, и от него я узнала, что тебе грозит большая опасность. Андрей резво взялся за твое дело, и сейчас он обивает пороги старейшин, чтобы получить согласие на ментальный допрос. Думаю, ты догадываешься, о чем речь. Но ты и понятия не имеешь, что это такое. Все твои мысли, все чувства, все страхи и все самые постыдные поступки станут всеобщим достоянием».

Страничка в моей руке задрожала как осиновый лист, в ушах застучала барабанная дробь, под которую приговоренных к казни ведут на эшафот. Стоит местным Гончим прошерстить мои воспоминания, как всплывут убийства Жана и его охранников, и никто уже не станет разбираться, виновата я в парижских убийствах или нет. Факты — вещь упрямая. А при наличии свидетеля в одном случае, отпечатков пальцев в другом и моего черного послужного списка вкатят мне обвинительный приговор — даже пикнуть не успею.

«Я убеждена в твоей невинности, но каждому человеку есть что скрывать, и ты не исключение, — писала Лена. — Оправданий после ментальных допросов — единицы. Смертельных приговоров — большинство. Для того чтобы получить вышку, необязательно быть убийцей, достаточно, чтобы при допросе обнаружилось несколько эпизодов применения агрессии, которые будут расценены как предрасположенность к преступлению. А против тебя еще свидетельница у дома Изабель и отпечатки пальцев на фотокамере журналистов. Поверь мне, тут осуждали и при меньшем наборе улик. Во Франции закон чтят превыше всего, и судей не подкупишь. В общем, Бессонова, дело труба. У Андрея уже две подписи старейшин. Еще одна — и делу дадут ход...»

Три, уже три. После того, как я отказала Ипполиту, рассчитывать на его поддержку больше не стоит. Значит, ментальный допрос — дело решенное. Я с тоской взглянула на окно, за которым выла вьюга. И ждать заступничества Вацлава и Аристарха в ближайшие сутки глупо. Пока они в Москве, здесь мне никто не поможет.

«Учитывая, как ретиво Андрей взялся за дело, медлить он не станет. И не будет дожидаться приезда москвичей, а тряхнет тебя по полной программе. И если там что выяснится... В общем, Жанка, я посоветовалась с отцом, и он говорит, что тебя нужно спрятать до приезда московской делегации. Хорошо, что о нашем знакомстве никто не догадывается. Поживешь пока у меня, никому и в голову не придет тебя тут разыскивать. Кроме того, у отца дипломатический иммунитет, который и на меня распространяется. Так что выиграем время до приезда твоих, а там уже дело за ними. Но, думаю, Аристарх тебя в обиду не даст. Решайся. Завтра может быть уже поздно. Я припарковалась у ворот соседнего особняка и жду тебя. Найди способ выбраться из дома незаметно».

Я перечитала послание Ленки несколько раз, с каждым новым прочтением убеждаясь, что я обречена. Еще Глеб рассказывал мне, что ментальный допрос — это не детектор лжи, и в ходе его не всегда можно получить четкие ответы на вопросы. Память — непредсказуемая штука, и какие свои страницы она откроет под гипнозом — неизвестно. Случаи, когда из памяти убийцы извлекали воспоминания непосредственно о моменте убийства, редки. Часто для обвинения хватало предшествующих или последующих мгновений — когда убийца отслеживает жертву, или уже стоит над телом, или смывает кровь с одежды. В моих воспоминаниях не было ничего такого, что могло бы меня оправдать. Зато было достаточно того, чтобы подписать мне смертный приговор. Никому из вампиров, кроме московских Гончих и Аристарха, не было известно, что я убила Жана, а незадолго до этого — двух из его охранников, напавших на нас с Вацлавом. Но если это всплывет, мне уже не отмыться и не оправдаться. Осудят меня по всем шести убийствам и приведут приговор в исполнение, не дожидаясь приезда Вацлава с Аристархом.

Но и сбегать из дома Вероник представлялось мне не лучшим вариантом. Мало того что своим уходом я подставляю хозяйку, которая поручилась за меня, так тем самым я фактически признаю себя виновной по всем пунктам и подтверждаю, что мне есть что

скрывать и чего опасаться.

В такой ситуации мне был жизненно необходим совет человека, которому я доверяла, как себе, и которому я сама была дороже всех вампиров на свете, и я бросилась искать мобильник. В моей растерзанной сумочке, сиротливо лежавшей на тумбочке у двери, его не оказалось. В карманах пальто — тоже, зато там я нашла цепочку с серебряным кулоном Кобры. Формально говоря, кулон мог быть вовсе не тем, который ей подарил Жан, ведь когда вампиры в спешке покидали Замок Сов, кулоны перемешались. Странно, что Андрей его не обнаружил. Впрочем, он был слишком увлечен потрошением моей сумочки, а до обыска карманов дело уже не дошло. Вернув кулон на место, я продолжила поиски. Но, перевернув почти всю комнату, вынуждена была признать свое поражение: телефона не было нигде. Наверное, Вероник убрала его куда-то, пока я валялась в бреду.

Без сил я рухнула в кресло, в котором три ночи подряд дежурила у моей постели Вероник, и забарабанила пальцами по подлокотнику. Телефона Аристарха наизусть я не помнила, так что в любом случае придется обращаться к Вероник и спрашивать про мобильный. Но это обязательно вызовет лишние вопросы, а они мне сейчас ни к чему. Шелковая подушка неудобно встопорщилась под боком, и я выместила на ней свой гнев: схватила за уголок с бахромой и бросила в стену. Ладонь опустилась на освобожденное пространство и наткнулась на что-то пластмассовое. Я схватила находку в руки, собираясь отправить ее по тому же адресу, но, к счастью, успела ее разглядеть. Мой мобильник!

Я быстро пролистала журнал входящих вызовов. Оказывается, Аристарх звонил мне в последние дни раз десять. А Вацлав — всего один. Еще звонили бабушка и мама. Странно, но последние звонки поступили два дня назад, а с тех пор обо мне никто не вспоминал. Тоже мне — родственники и друзья! Но сейчас дуться некогда, надо свою шкуру спасать. Я отыскала один из непринятых звонков Аристарха и нажала вызов, представляя, как дед обрадуется моему голосу, как начнет волноваться, засыпая меня вопросами, как станет обещать первым же рейсом, как только погода улучшится, вылететь в Париж, и примется убеждать, что все непременно будет хорошо... Но вместо родного голоса Аристарха телефон мурлыкнул механическим французским голосом о сбое в сети.

Я повторила вызов еще несколько раз с тем же результатом и с досадой отложила мобильный. Вот и объяснение, почему последние звонки приходили два дня назад. Тогда связь еще была, потом Францию окончательно замели метели, снег оборвал провода и заставил мобильники замолчать. Вероник же говорила, что телефоны не работают!

Со смутной надеждой на чудо я подняла трубку домашнего радиотелефона, но и та ответила мне молчанием. Значит, совета ждать неоткуда. Придется полагаться только на себя.

Я еще раз перечитала письмо Лены. Вспомнила нависающее надо мной перекошенное от ненависти лицо Андрея. Его руки на моей шее. Свет, меркнувший в глазах. Четыре дня назад он едва не убил меня. И я была уверена, что он сделает все возможное, чтобы добиться смертного приговора для меня, и лично приведет его в исполнение. Вспомнила его руки с побелевшими костяшками, яростно вышвыривающие вещи из моей сумочки. Точно так же Гончий станет копаться в моей памяти, вытаскивая на свет все самое сокровенное, интимное, потаенное... Виски пронзила дикая боль, и я со стоном схватилась за голову. Нет, не хочу, не позволю!

— Жанна, — деликатно поскреблась в дверь Вероник, — все в порядке? Можно я войду?

Я замерла. Стоит Вероник войти, как она поймет все и шанса спастись уже не будет.

— Все в порядке, просто я устала, — повысив голос, сказала я в закрытую дверь. — Ты не против, если я уже прилягу поспать?

— Тебе точно не нужен доктор? — с беспокойством уточнила она.

— Все, что мне нужно, — это крепкий сон, — твердо ответила я.

Вероник пожелала мне спокойной ночи, и ее шаги застучали по коридору, пока совсем не стихли.

Я заметалась по комнате, хватаясь то за сумку, то за бесполезный мобильный, то за сапоги со сломанным каблуком. К счастью, в чемодане была еще одна пара. Я влезла в джинсы и водолазку, надела сапоги, но тут же сняла — стук каблуков мог меня выдать. Спустилась пока в тапочках, а перед выходом из дома переобуюсь. С сомнением потопталась у пальто. А если меня при полном параде засекут Вероник или вездесущий Бернар? До машины Лены недалеко, замерзнуть не успею. Сейчас главное, чтобы меня не заметили. А если заметят, чтобы не поняли, что я наострила лыжи. Я сорвала с вешалки халат, накинула поверх одежды. Если вдруг наткнусь на Вероник или Бернара, скажу, что спустилась выпить молока с медом. Сумку я решила оставить, мобильный сунула в карман джинсов.

Прежде чем выйти за дверь, накидала на кровать подушек, которые нашла в шкафу, накрыла их одеялом, придавала форму спящего тела — на случай, если Вероник вздумает меня проведать среди ночи.

Взяла в руки сапоги, чтобы переобуться внизу. У самой двери остановилась, обернулась и обвела взглядом погруженную в сумрак комнату. Бросился в глаза белый прямоугольник на подоконнике. Правильно меня Ленка балдой назвала! Чуть ее письмо не забыла! Схватила в руки конверт, перегнула пополам, спрятала в карман. Кажется, все. Пора.

Прислушалась. Из-за двери не доносилось ни звука. Осторожно нажала на ручку и выскользнула в коридор.

Дальше было самое сложное. Выйти через главный вход я не рискнула, а где находится черный ход, не знала. Зато я прекрасно представляла, где размещалась гардеробная Вероник — в противоположной стороне от входа, почти в самом конце коридора. А к ней примыкала комната, в которой нас красил стилист Эжен, и в этой комнате было большое окно.

Спустившись на первый этаж, я быстро нырнула в нужную мне дверь. Сбросила халат, спрятала его за кресло, натянула сапоги, на цыпочках двинулась к окну. Проходя мимо зеркала во всю стену, задержалась. Из зазеркалья на меня взглянула бледная девушка с лихорадочно горящими глазами и растрепанными темными волосами, кое-как собранными в хвост. Да, укладка от Эжена мне бы не помешала. Но сейчас было не до красоты, надо было спасти собственную шкуру.

Прислушавшись и убедившись, что в коридоре тихо, я запрыгнула на подоконник и открыла раму. Ветер с заунывным воем бросил мне в лицо горсть снежинок, словно призывая опомниться, остановиться, и я невольно отпрянула. Куда я иду? Зачем? В такую метель? Из дома, хозяйка которого поручилась за меня головой? Ведь своим самовольным уходом я серьезно подставляю Вероник. Но перед глазами вспыхнули строчки, написанные пляшущим Лениным почерком: «Оправданий после ментальных допросов — единицы. Смертельных приговоров — большинство».

Безо всяких сомнений я раскрыла раму шире и спрыгнула в сугроб под окном.

Глава 8

Сообщество одноклассников-вампиров

Вампиры склонны помогать друг другу ровно настолько же, насколько к этому склонны акулы.

Терри Пратчетт. Carpe Jugulum. Хватай за горло!

Быть просто богатой и не мучиться при этом — ужасно неинтересно. И кто тогда обратит на меня внимание? Без своих проблем я просто перестану быть яркой личностью, потеряю индивидуальность.

Плам Сайкс. Блондинки от Bergdorf

Выбравшись за ограду, я в растерянности оглянулась. «У соседнего особняка» — где это? У обоих зданий по бокам от дома Вероник вдоль дороги выстроились десятки машин, многие из них были занесены снегом до самого капота. Пока я вертела головой, темнота

подмигнула мне светом фар. Черная, сливающаяся с ночью машина дала задний ход и затормозила передо мной.

— Садись скорей!

Я плюхнулась на сиденье рядом с Леной, и та порывисто обняла меня:

— Я уж думала, ты не придешь!

— Лен, — я отстранилась, глядя ей прямо в глаза, — я сама не понимаю, что творю. Может, мне сейчас лучше вернуться?

— Да ты что! — горячо воскликнула она. — Мне только что отец звонил...

— Как звонил? — удивилась я. — Я только что в Москву пыталась дозвониться, и связи не было.

— Наладили, — отмахнулась Лена. — Ты послушай, что он мне сказал! Ипполит дал согласие на ментальный допрос, так что это теперь дело решенное. Если бы не какие-то срочные дела, Андрей уже был бы здесь. И уж поверь мне, как только он их закончит, то сразу сюда примчится. Ты действительно хочешь пройти, — у нее сорвался голос, — через это?

— А что, — тихо спросила я, — это так страшно?

Лена отвела глаза.

— Как я тебе уже написала, долго после ментальных допросов не живут. Но те немногие вампиры, которых оправдывают, или с ума сходят, — она метнула на меня взгляд, подобный дроту, и я невольно отпрянула, — или всю оставшуюся жизнь мучаются кошмарами. — И добила меня выстрелом в упор: — У Вацлава спроси.

— Вацлав прошел через ментальный допрос? — оцепенела я.

— А ты думаешь, он всегда был с приветом? — Лена мрачно ухмыльнулась. — Так что решайся, подруга, — она сложила руки на руле, — едешь? Или остаешься ждать Андрея? Только думай быстрее. Андрей медлить не станет, возможно, он уже в пути.

— За что ж он так на меня взъелся-то? — поразила я.

— А ты не знаешь? — Лена взглянула на меня с удивлением и, наткнувшись на мой вопросительный взгляд, помотала головой. — Это долгая история, а у нас времени нет. Окажемся в безопасности, тогда все расскажу. Так что?

— Едем, — решила я и достала мобильный.

— Немедленно выключи! — нахмурилась Лена. — Ты что, тебя же запросто засекут по звонку!

— Но я хотела Аристарху позвонить...

— Позвонишь после, по моему телефону.

Свет фар разорвал ночную тьму, высветив кружево снегопада. Взвизгнули тормоза, машину занесло на заледеневшем асфальте, за окном замелькали дома и деревья, и вскоре особняк Вероник остался позади.

Дороги были пусты, а дома занесены снегом, как на площадке голливудских фильмов про Рождество. Мы свернули на улицу, где ни в одном из окон не горел свет.

— Провода оборвало, — прокомментировала Ленка, прильнув к боковому стеклу. — Бедолаги.

Она бросила взгляд в зеркало и выругалась.

— Только этого нам не хватало!

— Что такое? — Я в тревоге обернулась, но успела заметить только черную машину, свернувшую в боковой переулок.

— Кажется, зря переволновалась. Мне показалось, что за нами хвост, — с облегчением выдохнула Лена, но скорость все-таки прибавила. — Не поверишь, но мне почудилось, что за рулем был мим!

— Мим? — удивленно переспросила я.

— Ну да, мим. Это такие французские клоуны с разрисованными лицами. В туристических местах их столько же, сколько в Москве уличных музыкантов.

— Знаю, я даже видела одного.

— На Елисейских полях, наверное?

— Да нет, у одной кафешки. — Я назвала улицу.

— Странно, — хмыкнула Лена. — Что он там забыл? Не иначе как заблудился. Редкий турист туда забредет. Но ты-то у нас, как всегда, исключение из правил.

Я удивленно посмотрела на нее — в голосе подруги отчетливо слышались саркастические нотки. Но Лена непринужденно вела машину, а почувствовав мой взгляд, улыбнулась мне так тепло, что все мои сомнения тут же развеялись.

Ехали мы минут двадцать, но, похоже, ездили кругами во избежание слежки. Потому что вскоре в стороне опять возникла набережная Сены, показался силуэт Эйфелевой башни — мы вернулись в центр. Если ориентироваться по башне, Лена и Вероник жили по соседству, в шестнадцатом квартале. Дом Лены находился на ярко освещенной вывесками и огнями улице. В отличие от старинного особняка Вероник, это была современная шестизэтажка с броским ярким фасадом, неоновой вывеской на крыше и швейцаром у дверей.

Притормозив за углом, Ленка перегнулась, взяла с заднего сиденья бумажный пакет с покупками и протянула мне:

— На, надень!

Я в недоумении выудила оттуда платиновый парик под каре, как у Джулии Робертс в фильме «Красотка».

— Это мне?

— Искать тебя у меня не должны, но мало ли чего. Швейцар у нас глазастый, — с озабоченным видом пояснила Ленка, наматывая мне узлом на затылке мой хвост и нахлобучивая мне на голову парик. — Покажут ему твою фотку — вдруг опознает? Я его, конечно, сейчас отвлеку, но и ты уж подыграй. — Она отстранилась, оценивающе оглядывая меня, и кивнула: — Сойдет.

Затем Лена вышла из машины, сняла пальто, оставшись в тонком шерстяном платье, и кинула на заднее сиденье. Увидев мое недоумение, пояснила:

— Ты же в одной водолазке и джинсах. Если я буду рядом в пальто, швейцар тебя точно запомнит. А если мы обе налегке — то как будто нас кто-то подвез от подъезда до подъезда. Ну, вылезай скорей, — она поежилась на ветру, — а то я в сосульку превращусь.

Мимо бдительного швейцара мы проскользнули без приключений. Я с любопытством озиралась по сторонам. В фойе первого этажа в кадках громоздились настоящие пальмы. Между ними на изящных деревянных тумбочках стояли клетки с диковинными птицами, стрекотавшими на разный лад. Учтивый дворецкий за стойкой назвал Лену по имени и пожелал доброй ночи. Внутри лифта напротив цифр с указанием этажа поблескивали золотом таблички с названиями различных курортов — «Мальдивы», «Гавайи», «Багамы», «Доминикана».

— Рейс на «Карибы»! — объявила Ленка, нажимая на кнопку одноименного пятого этажа.

Я протянула руку, чтобы снять парик, но подруга меня остановила:

— Подожди до квартиры.

Выходя вслед за ней в коридор, я ахнула:

— У вас тут прям остров!

Справа от лифта за стеклянной витриной виднелся настоящий кусочек рая: среди тропической зелени с искусственным водопадиком порхали яркие бабочки и кружили экзотические птицы. Еще одна черная птичка с желтым клювом и любопытными глазами сидела в клетке на тумбе у лифта и приветствовала нас словом «welcome», сказанным на удивление нежным и мелодичным голосом.

— Ты еще не видела всего! — Ленка потащила меня в фойе, от которого по обе стороны расходились коридоры, ведущие к квартирам.

В самом фойе полукругом располагались аквариумы с тропическими рыбами и медузами, прозрачные тела которых загорались разными цветами, когда менялась подсветка.

В ближайшем ко мне аквариуме щетинился острыми черными иглами морской еж. Такого я видела только на картинке с рекламой местного океанариума на тайском острове Самуи. Но посетить достопримечательность так и не пришлось — за нами с Вацлавом нагрянули головорезы Жана. Тогда-то я и убила впервые в жизни...

В аквариуме плеснулась какая-то яркая крупная рыба, и я очнулась от своих мыслей и увидела, что Лена стоит рядом в ожидании восторгов.

— Красота, — искренне похвалила я.

— И попасть сюда можно только по спецпропускам! — Лена взмахнула перед моим носом голубой пластиковой картой с изображением пальмы и пояснила: — Суперсовременная система защиты. Взломать ее невозможно.

Мы прошли по коридору, и подруга остановилась у золотистой, как песок, двери, приложила к ней карточку-ключ и пригласила меня внутрь:

— Заходи!

Первое, что бросалось в глаза в квартире, — это огромный плоский аквариум, разделяющий гостиную и кухню. Стены были расписаны морскими пейзажами — такими реальными, что они казались порталами, ведущими на берег моря.

— Вероник бы здесь понравилось, — заметила я, с любопытством озираясь по сторонам и на некоторое время позабыв, по какому поводу я здесь оказалась.

— Она и жила в этом доме до того, как стала старейшиной, — сообщила Лена.

— А почему переехала?

— Ну как же, — Лена скривила нос, — статус не позволяет жить в кондоминиуме. Старейшине полагается отдельный особняк с вековой историей и несносным дворцом в придачу.

В голосе подруги прозвенела нотка зависти, и я внимательно взглянула на нее. Уж не соперничала ли Вероник за место старейшины с отцом Лены, по ее словам имеющим влияние среди вампиров? Вот только как давно он успел обзавестись этим влиянием? Готова поклясться, что, когда мы с Ленкой сидели за одной партой, ее папа был самым обычным человеком. Не считая того, что уже тогда он был довольно успешным дипломатом.

Похоже, догадка моя была верна. Заговорив о Вероник, Лена тут же вспомнила об отце и схватилась за мобильный.

— Черт, опять не работает! — с досадой сказала она, бросая золотой «Верту» на кремовый замшевый диван. Чтобы поддерживать такую марку обивку в идеальном порядке, надо регулярно раскошеливаться на химчистку. Однако, судя по роскошной обстановке внутри, бюджет семьи Громовых позволял любые траты. — Не понимаю! — Она надула губы. — Городской телефон не фурычит, потому что обесточена станция. Но мобильники-то почему молчат? Они же через спутниковую связь работают. Черт-те что! Сейчас бы позвонила отцу, сказала, что ты со мной, он бы мигом примчался, и мы бы продумали, как быть дальше. А теперь придется ждать, пока он закончит свои дела, и сам приедет. Впрочем, — она лукаво глянула на меня, — мы же больше никуда не торопимся?

— Если только на эшафот, — мрачно пошутила я, стаскивая с головы парик.

— Да, Бессонова, — посерьезнела Ленка, — вляпалась ты конкретно. Как же это тебя угораздило-то?

— Лен, я...

— Да молчи уж, Бессонова! Можешь не оправдываться. Что я, не знаю тебя, что ли? Ты ж и мухи обидеть неспособна.

Я отвела взгляд, сделав вид, что ищу, куда бы положить парик, а на самом деле — не в силах смотреть в доверчивые Ленкины глаза. Как много изменилось с тех пор, когда я не могла обидеть и мухи. Тогда еще в моих венах не текла кровь Жана, да и Ленка не была вампирской светской львицей. Прежняя Жанна была безобидной как овечка, а у новой Жанны, вампирши, руки по локоть в крови. Я убила двух охранников Жана, а потом и его самого. Только об этом, кроме Вацлава и его команды, никто знать не знает. Пока меня не подвергнут ментальному допросу.

Я положила парик на низкий стеклянный столик у дивана и повернулась к Лене.

— Что у вас с Ипполитом-то стряслось? — спросила она, грациозно опускаясь на кремовый диван. — Я на него сегодня чуть не наткнулась. Ну и видок у него был! Что вы там с ним сделали? Он аж зеленый от злости был, когда уходил. Ты отказала ему два раза?

— Всего один, но ему хватило, — ответила я, садясь в кресло сбоку от дивана.

— Ба! — ошалело воскликнула Ленка. — Я-то пальцем в небо ткнула и, гляди ж ты, попала! Как же ты отказала такому завидному жениху?

— Жениху? — Я потрясла головой.

— Он разве не с предложением руки, сердца и кровеносной системы к тебе подкатывал? — уточнила Лена.

— Тьфу на тебя, Громова. Ну и испорченная же ты тетка!

— Какая есть, — довольно хмыкнула она. — Так что у вас за тайны мадридского двора?

— Никаких тайн. Ипполит просил денег на гольф-клуб, в том же объеме, в каком выделял ему Жан, а я отказала.

— Ну и балда ты, Бессонова! — в сердцах высказалась Лена. — Давать-то — обойдется, но пообещать бы могла, от тебя бы не убыло. Он бы тогда на время следствия на твоей стороне был. Теперь понятно, с чего он так быстро согласие на ментальный допрос подписал. Ох, Жанка, Жанка! Не вовремя ты его к себе во враги записала. Теперь, кроме Вероник и моего отца, тебе и рассчитывать не на кого. Трое старейшин и глава Гончих против тебя.

— Раньше надо было предупреждать, — хмуро заметила я.

— Раньше ты без памяти валялась, к тебе никого не пускали, — возразила в свое оправдание Лена. — Сегодня-то чудом повезло, что удалось тебе записку передать! Ладно, что теперь горевать — поезд ушел. Главное, что ты здесь и тебе ничто не грозит. Временно, — увидев мой угрюмый взгляд, добавила она.

— Получается, что я теперь в бегах, — печально усмехнулась я. — Приехала за наследством, а вон как все обернулось!

— Да уж, наследство у тебя знатное, — вырвалось у Ленки, — за такое и пострадать можно.

Я с удивлением глянула на нее. Уж не в моем ли богатстве причина того, что Лена бросилась помогать мне с риском для своей репутации? Ведь если кто прознает о ее роли в моем побеге, ей не поздоровится, несмотря на заступничество высокопоставленного отца. Мы, конечно, дружили в школе, но последние семь лет связи не поддерживали. Лена уехала, не оставив адреса. Я время от времени предпринимала попытки ее разыскать, но безуспешно. А вот она за эти годы ни разу обо мне не вспомнила, хотя найти меня было несложно. Родители жили по тому же адресу, и телефон их не менялся. В случае если бы Лена захотела со мной пообщаться, они бы дали ей мои координаты. Однако же за все эти годы подобного желания у Лены не возникало... Зато теперь она бросается мне навстречу так самоотверженно, что это наводит на определенные мысли.

Сообразив, что сказала что-то не то, Лена спохватилась и, отводя глаза, зашебетала:

— Большое состояние — большие хлопоты. Не представляю, как ты будешь управляться со всеми этими заводами, фруктовыми плантациями и виллами.

— Фруктовыми плантациями? — удивилась я. Что-то я не помнила такого пункта в завещании Жана. Откуда Лена-то так хорошо осведомлена?

— Ну да, — пожала она плечами, — у Жана есть своя плантация в Бразилии с ананасами, бананами, манго и прочей экзотикой. Он же был повернут на здоровой пище и гордился тем, что его фрукты выращивают безо всякой химии.

Я усмехнулась. Да уж, с этим пунктиком Жана я была прекрасно знакома. При нашей первой встрече, прежде чем прокусить мне запястье, вампир долго выпытывал, что я ела на завтрак, обед и ужин, и уточнял, не употребляла ли я вредные полуфабрикаты и ядовитый фастфуд. Лучше бы я в тот день перекусила в «Макдональдсе», тогда бы вампир отвернул от

меня свой аристократичный нос и побрезговал моей кровью! Но, увы, мой ответ его тогда удовлетворил — и вот я сама вампир, и сижу здесь, скрываясь от правосудия. Надеюсь, мне не придется теперь всю жизнь бегать от Гончих, как многострадальным братьям Майклу Скоффилду и Линкольну Берроузу из сериала «Побег из тюрьмы» от полиции.

— Где бы Жан ни находился, ему каждую неделю присылали ящик фруктов оттуда, — продолжила Лена. — Как-то приходим к нему домой, а весь коридор ящиками заставлен — мама дорогая! Как на овощном складе!

— У него что, была вечеринка?

— Почему вечеринка? — удивилась она. — Просто чартер из Бразилии прилетел. Прикинь степень его мании, если ему фрукты с другого конца света чартером привозили!

— Лен, — я пристально взглянула на подругу, — а что ты делала дома у Жана?

Та вспыхнула и сконфуженно пробормотала:

— Бессонова, да не ревнуй ты! Это еще задолго до тебя было!

Я в ошеломлении округлила глаза. В голове не укладывается!

— Лена, ты и Жан?!

— Бессонова, — окончательно смутилась подруга, — ну я же тогда не знала, что он потом с тобой будет!

Я замотала головой:

— У нас с Жаном ничего не было.

— Да ладно! — Ленка с недоверием уставилась на меня.

Я кивнула.

— Ну знаешь, подруга, — она лукаво подмигнула, — ты многое потеряла.

— Теперь уже не узнаю, к счастью, — пробормотала я. И, пресекая ее дальнейшие откровения, добавила: — И избавь меня, пожалуйста, от этих подробностей.

— Как скажешь. — Лена лениво потянулась на диване. — Но должна сказать, что Жан был моим лучшим любовником.

— Лена!!!

— Ладно-ладно, молчу.

— Лен, — осторожно спросила я, — а тебе было жаль, когда он умер?

А ну как всплывет правда, что это я Жана приокнула, и все — конец старой дружбе.

Лена на минуту задумалась и тряхнула головой:

— Жан, конечно, был классным любовником... Но не до такой степени, чтобы его сильно оплакивать. Говорят, все вампиры старше ста лет в постели о-го-го! Правда, у меня не было другой возможности в этом убедиться, — разоткровенничалась она. — Моему нынешнему кавалеру всего девяносто два.

— Лена!!!

— Да что ты, Бессонова, как маленькая! Слушай меня, пока я жива, я тебе плохого не посоветую. Кстати, у тебя кто-то есть в Москве? А то у моего упыря есть одинокий друг. Всего восемьдесят восемь лет. Еще двенадцать лет до столетия — и ты проверишь мою теорию на практике. — Ленка уже явно потешалась надо мной.

— Я столько не проживу, — угрюмо сказала я, пресекая ее веселье.

Лена сразу посерьезнела и бросила взгляд на мобильный. Потом взяла его в руки и воскликнула:

— О, гляди-ка! — Она с удивлением нажала на кнопки. — Заработал! Сейчас отцу позвоню.

Лена отошла к окну, отодвинула прозрачную занавеску с бабочками.

— И снег стал тише, — радостно сообщила она. — Может, завтра уже и аэропорты откроют. Алло, папа? — воскликнула она в мобильный. — Да, заработал! Сама удивилась! В общем, все сделано. Да, она у меня.

Я обратила внимание, что Лена не стала называть моего имени. То ли опасалась, что телефон прослушивают, то ли боялась, что кто-то из тех, кто сейчас рядом с отцом, окажется невольным свидетелем разговора. Надо бы и мне позвонить Аристарху — вдруг дозвонюсь?

— Когда сможешь приехать? — донесся до меня голос Лены. — Пока занят? А, понятно. Ну ничего, нам есть чем заняться. Мы тебяждемся. Пока-пока!

Она повернулась ко мне и небрежно кинула золотой телефон на стеклянный столик. Да нет, глупо подозревать Лену в корысти. Она сама живет в элитном жилом комплексе, ее квартира обставлена если не на миллион евро, то немногим менее. Каждая вещичка здесь кричит о роскоши и, готова поклясться, отличается дизайнерским происхождением. Все здесь говорит о том, что хозяйка не нуждается в деньгах. Неужели наследство, свалившееся на меня как снег на голову, совсем затмило мой разум, раз заставляет усомниться в искренности чувств старинной подруги? Да, жизнь раскидала нас по разным городам и странам, но мы не чужие друг другу. Лена искренне обрадовалась мне тогда на балу. Ее восторг от нашей встречи был непритворным. И сейчас она помогает мне на свой страх и риск.

— Ну что, Бессонова, папашка задерживается по делам государственной важности. Так что у нас с тобой вся ночь впереди! Что желаешь выпить? Кровь, текила, маргарита?

— А поесть что-нибудь найдется? А то я, кроме овсянки, ничего не ела.

— Вон меню, — Лена кивнула на столик у телефона, — заказывай, что угодно.

— Кухня вампирская? — Я пролистала странички кожаной папки с оттиском летучей мыши.

— А то какая же!

— А как люди на это реагируют?

— Какие люди? — удивилась Лена.

— Другие жильцы.

— Наша «Лагуна» только для вампиров, — улыбнулась она с чувством превосходства. Было очевидно, что собственное положение Лене безумно нравится, и она не терзается ни угрызениями совести, ни необходимостью регулярно хранить в холодильнике пробирки с кровью.

— И как, — не удержалась я, — не перегрызлись друг с другом?

— Забавная ты, Бессонова, — протянула Лена. — Как и все новички. Я тоже такой была. Когда-то.

Тут настала мне пора удивляться.

— А ты давно вампир?

— Уже четыре года. — Она глянула на меня свысока. Так смотрят выпускники на наивных дошколят. — Мне было девятнадцать, когда меня посвятили.

Даже в этом слове — не «укусили», а «посвятили» — выражалось отношение Лены к своему особому положению.

— С ума сойти, — пробормотала я. — Лен, как же это все-таки получилось?

Она неожиданно вся подобралась на диване, как обиженная кошка, которую щелкнули по носу, и запальчиво бросила:

— Да уж получилось! Пришлось постараться, не всем же в Клуб с черного хода ломиться. Хотя, признаться, после твоего случая соблазн стал велик! Хорошо, что люди о нас не знают, а то бы повалили толпами носы вампирам разбивать.

Я оторопела от ее агрессивного тона.

— Лен, да что ты такое говоришь?

Она притихла и опустила глаза, тяжело дыша.

— Извини, Жанка, — наконец вымолвила она, — я же не знала тогда, что ты — это ты. Осенью вся тусовка обсуждала выскочку, обманом проникшую в Клуб. А я дико завидовала, что тебе все так легко досталось.

— Легко досталось? — поразила я. — Это ты о вампиризме? Лен, ты так говоришь, как будто мне незнамо какое счастье привалило!

— А разве нет? — Она метнула на меня сердитый, подобный дротуку взгляд. С годами она стала похожа на отца. Это он смотрел на других так, как будто обстреливал колючими взглядами. Поэтому я всегда побаивалась смотреть ему в глаза.

— Рада за тебя, если ты так думаешь, — сухо сказала я. — Значит, ты по-настоящему счастливый человек.

— Ой, да ладно из себя ханжу-то строить! — вспылила Лена. — Попала в самый элитарный во всем мире Клуб — и нос воротит! Думаешь, я не заметила, как ты скривилась, когда я предложила тебе кровь?

— Меня правда воротит от вкуса крови, — отрезала я. — Предпочитаю «Пина Коладу».

— Вот и закажи, в меню она есть, — пробурчала Ленка, вставая с дивана. — А я пока пойду переоденусь. Платье колется, зараза! — поделилась она, косясь на меня. И я поняла, что буря миновала, злость, которая внезапно напала на Лену, прошла и теперь она сама не рада вспышке гнева. — Тебе не подобрать какой-нибудь костюмчик? — примирительно спросила она.

— Спасибо, — сухо отозвалась я. — Мне и в своем удобно.

— Ну ладно. — Она неловко улыбнулась. — Ты пока выбери чего поесть, а я скоро.

Лена вернулась в алом шелковом кимоно, по виду безумно дорогое. Я к тому времени определилась с блюдами, остановившись на салате с креветками, стейке из семги и фирменном коктейле «Гранатовый браслет».

Услышав его название, Лена удивленно приподняла бровь:

— Неожиданный выбор.

— Это разве не гранатовый сок? — насторожилась я.

— Только наполовину, — усмехнулась она. — А на другую половину... сама понимаешь.

— Тогда я не буду, — категорически открестилась я.

— А я не откажусь. — Она с вызовом глянула на меня и сняла трубку перламутрового телефона в стиле ретро. — Черт, — с досадой произнесла она минутой позже, — не работает. До рецепции не дозвониться. Придется самой спускаться. — Она с сомнением расправила полы кимоно. — А, ладно! Пойду так. Все свои.

Прежде чем уйти, Лена сбегала в комнату и принесла большой фотоальбом в переплете под зебру.

— На, посмотри пока!

Когда за ней захлопнулась дверь, я с предубеждением взяла тяжелый альбом и провела ладонью по дороговому бархатистому переплету. Наверное, Ленка захотела похвастаться фотографиями с вампирских вечеринок и кадрами, где она в обнимку с особами королевской крови и знаменитостями. Может, увижу здесь и фотографии из Замка Сов.

Открыв переплет, я застыла над снимками. С двух на первой странице на меня смотрела я сама — такая, какой я была двенадцать лет назад, в один из тех дней, который навсегда запечатлелся в моей памяти как момент особенного счастья. У Лены тогда был день рождения, и она пригласила меня и еще несколько школьных приятельниц в луна-парк. Развлечения, по тем временам малодоступные мне и другим девочкам, оплачивал ее отец. И мы до одурения катались на американских горках, которые у американцев называются русскими, гонялись друг за другом на машинках, а в комнате ужаса визжали от страха, а больше от веселья. Один из снимков запечатлел наши совершенно счастливые физиономии, перепачканные сахарной ватой. Четыре девочки, чумазы мордашки, округленные от восторга глазищи, раскрытые от хохота рты. На другом мы с Леной сидели в одном вагончике, только что вернувшиеся из «Пещеры ужасов», и корчили в объектив рожицы. Помню, тогда нас здорово напугала фигура вампира в черном балахоне, который, когда мы проезжали мимо, неожиданно протянул к нам руку с длинными когтями и зловеще клацнул зубами. С ума сойти, тогда мы даже не подозревали, что спустя годы встретимся, уже сами будучи вампирами.

Я перевернула страницу, и прошлое побежало перед моими глазами яркими фотовспышками, уводя на несколько лет назад — казалось, на целую жизнь. Я, Ленка и большой розовый заяц — он до сих пор сидит у меня на шкафу, смешной и лопоухий, ее

подарок к моему дню рождения. Мы с Ленкой первый раз в «Макдональдсе» — тогда мы чувствовали себя жутко взрослыми и набрали полные подносы чизбургеров, картошки и мороженого... и не одолели даже половины. Школьный огонек — я в жуткой майке кислотного цвета с черным сердечком и надписью «I love you» и мешковатых джинсах, Лена в элегантной блузке и юбочке. Мы с Ленкой за школьной партой, увлеченно читаем «Cool girl» — кто-то из одноклассников украдкой снял нас. А вот уже фотография, где мы постарше: мини-юбки, тесные топики, боевая раскраска, налаченные козырьком челки и — высший шик — черные ногти. Такими мы были в тот год, когда Ленка уехала из Москвы, не оставив ни адреса, ни телефона.

— Даже не верится, что мы такими были, правда? — озвучила мои мысли Лена, бесшумно подкравшись.

Я вздрогнула.

— Не слышала, как ты вернулась.

— Да ты бы и гарнизон солдат не услышала, если бы они мимо прогарцевали, — хмыкнула она. — Совсем в прошлое провалилась.

— Да, — я с сожалением оторвалась от альбома и положила его на столик, — хорошее было время.

— Да и сейчас не хуже, — беззаботно отозвалась Лена. — В каждом времени есть своя прелесть.

— Особенно когда за тобой охотятся Гончие и мечтают устроить тебе ментальный допрос, — не разделила ее оптимизма я.

Лена с сочувствием взглянула на меня:

— Извини, Жан, я не подумала. Все это скоро закончится, вот увидишь! Скоро приедет отец, и мы что-нибудь придумаем.

Она несмело положила руку мне на плечо и замерла, будто ожидая, что я ее сброшу. Но я улыбнулась и накрыла рукой ее ладошку:

— Спасибо!

— Ты прости меня, — взволнованно забормотала она, — сама не пойму, что на меня нашло, когда я тебе такого наговорила...

— Все нормально, Лен, — остановила я ее. — Спишем это на стресс после организации побега.

— Стресс. — Ленка невесело усмехнулась, машинально убирая руку с моего плеча. — Я в этом стрессе уже четыре года пребываю. С того самого момента, как в Клуб попала.

Она обошла кресло и села на диван.

— Я ведь бесталанная, Бессонова, — горько усмехнулась она. — Нет у меня никаких заслуг, чтобы меня в Клуб приняли. Все благодаря папочке моему. Спасибо, постарался. Не бросил непутевую дочку, когда его в вампиры решили посвятить. Договорился как-то и обо мне. На меня поначалу все вампиры косились, что старые, что новые. Для старых у меня происхождение недостаточно аристократичное, а среди новичков я как последняя неудачница.

— Это мне знакомо, — вставила я, чтобы ее поддержать, но Ленка только еще больше завелась.

— Да ни черта тебе незнакомо! — вспылила она, метнув в меня очередной взгляд-дротик. На этот раз, похоже, ядовитый. Я даже отшатнулась от злости, полыхнувшей в ее глазах. — Ты хоть и попала в Клуб без голосования, зато простушкой тебя не назовешь. Всех заставила себя уважать, приложив Жана. Может, тебя и недолюбливают, но уж зато равнодушных к тебе нет. А я для всех пустое место, чтоб ты понимала. Все вокруг сплошь звезды да таланты. А я кто? Папина дочка. — Красивый рот Лены искривился, как будто она съела лимон.

— Лен, — мягко сказала я, — да ты же замечательная!

— Это я в школе замечательная была, — не согласилась она, чуть успокаиваясь. — Папа-дипломат, модные шмотки, смазливая мордашка. А здесь я никто, понимаешь? — Она

с болью взглянула на меня. — Из достижений похвастаться мне нечем. И даже рожей не вышла!

Я собралась было возразить, но Лена остановила меня властным жестом:

— Да-да, я знаю, что говорю. Почти все вампириши — красотки. А я среди них поначалу бледной молью казалась. Три операции пришлось сделать. Всю морду перекроила, чтобы хоть немного к ним приблизиться.

Я ахнула:

— Лен, да ты что!

— А ты не заметила? — Уголок ее губ дернулся в усмешке. — Что ж, значит, хороший доктор мне попался. Не зря папашка кучу бабок отвалил. Или просто ты меня долго не видела.

— И что же ты себе... кроила? — Я в недоумении вглядывалась в красивое лицо подруги, пытаюсь отыскать следы хирургического вмешательства.

— Уши, нос и вот это. — Она тряхнула пышным бюстом и саркастически усмехнулась: — А ты думала, само выросло? Ужас, что со мной после операции было, думала — умру. Но ничего, отошла. И не зря страдала. Как я в свет выходить стала, так на меня Жан сразу и запал. Что ни говори, а классный был мужик!

Ее глаза мечтательно затуманились, и я воспользовалась поводом, чтобы расспросить о Жане.

— Лен, расскажи мне про него. Я ведь ничегошеньки не знаю.

Подруга с изумлением взглянула на меня.

— Честно-честно, — подтвердила я. — Я его видела всего два раза в жизни. Первый раз, когда мы... — Я запнулась, не горя желанием вспоминать тот ненастный октябрьский вечер. — В общем, эту историю ты знаешь. А второй раз незадолго до его смерти.

— Да что рассказывать? — Ленка задумчиво повела плечами, и по ним заструился алый шелк. — Я тебе вот что скажу: Жан был самый противоречивый мужик, которого я встречала. Он мог быть полным отморозком, а мог быть и праведником.

— Жан — праведником? — Я недоверчиво фыркнула.

— Зря смеешься, Бессонова, — осадил меня. — Все плохие поступки по традиции становятся достоянием общественности и со вкусом обсуждаются, а о чужих добрых делах говорить не принято. Чтобы самим себе не казаться равнодушными и бессердечными. Когда Жан подрался в баре — это все знают и все злорадно сплетничают. А когда Жан продал яхту, чтобы помочь детской больнице, — что о том говорить?

— Да чтобы Жан... — начала я и запнулась, вспомнив о «благотворительнице» Эмили, которая тоже уверяла остальных в добром сердце Жана.

Я с тревогой взглянула в окно — снег падал все тише и тише. Значит, в ближайшее время не только помощь в лице Аристарха и Вацлава подоспеет, но и двенадцать вампирш разлетятся по разным концам света. И как их потом найти?

— Говорят, он последний год искал какие-то Серебряные Слезы, чтобы всех нас объединить и королем стать, — обронила тем временем Лена, воспользовавшись заминкой. — Так вот что я тебе скажу, Бессонова: если бы у него эта затея выгорела, я бы первая ему присягу принесла. Жан знал, что делает. И он явно не стал бы ни самым кровожадным, ни самым жестоким правителем в мире. Что бы там о нем ни говорили. Да и ты меньше слушай, что о нем судачат.

— Интересно, — язвительно заметила я, — отчего же тогда так перепугался таксист, который подвозил меня до Ш**, узнав, что я направляюсь в Замок Сов? Бедный водитель чуть руль не съел от страха и даже денег с меня не взял. Ты хоть мне объясни, в чем тут дело.

— Ах это! — Ленка махнула рукой. — Среди местных есть поверье, мол, если девственница в полночь переступит порог замка, сразится со злым духом и победит его, то поутру ее ждет драгоценный подарок, который запросто обеспечит хорошее замужество. Ты-то, поди, туда к полуночи заявлялась? — рассмеялась она. — Вот шофер тебя и принял за одну из этих бедняжек, которые судьбу свою испытать хотят.

И испытала — не то слово!

— Занятная история, — оценила я. — А если не победит?

— Что? — не поняла Ленка.

— Ты сказала: если девушка сразится со злым духом и победит его, то подарок получит. А если не победит?

Лена сделала страшные глаза и замогильным голосом провыла:

— То сгинет на веки вечные!

— И откуда же, мне интересно знать, такие слухи пошли? На пустом месте подобные легенды не возникают.

— Да это Жан развлекался, — призналась Лена. — Пустил такую байку в народ — девицы к нему со всей округи рванули. Как он потом, смеясь, говорил, хорошо, если одна из двадцати девственницей оказывалась. Они ему — кровь и любовь, он им поутру щедрый подарок и частичную амнезию. Девки толком потом ничего объяснить не могут, помнят только, что в замке побывали да с золотым браслетиком или бриллиантовым колечком вернулись. Вот народная молва и сочинила про злого духа.

— Надо думать, это был один из способов благотворительности в понимании Жана? — не разделяя ее веселья, рассердилась я. — И многие из них не вернулись?

Но ответить Лена не успела — пропиликал дверной звонок, и она вскочила с дивана, запахивая алый шелк на груди.

— А вот и наш ужин!

Поколдовав у электронного замка, она отперла дверь и приняла поднос у человека, который так и остался для меня невидимым.

Я помогла накрыть стол на уютной, покрашенной в желтые цвета, кухне. Лена водрузила в центр стола пузатый кувшин с темным напитком. Похоже, это и есть «Гранатовый браслет». Что ж, придется пить воду из-под крана. Надеюсь, она здесь не такая хлорированная, как в Москве.

— Да не куксись ты, — заметив мой взгляд, сказала Лена. — Неволить тебя не буду, и сама справлюсь. Гляди лучше, что у меня тут есть!

Она выдвинула один из ящичков стола, сделанный под мини-бар, и выудила из десятка бутылок разной степени наполненности шампанское со знакомой мне этикеткой на русском.

— «Надежда»? — Я с изумлением взяла бутылку в руки.

Это шампанское было самым первым, которое мы с Леной попробовали в нашей жизни. Родители разрешили нам пригубить по бокальчику на мое пятнадцатилетие. Тогда казалось, что на свете не может быть ничего вкуснее, чем эта сладковатая, бьющая в нос, игристая шипучка. Развезло нас тогда страшно — мы с другими приглашенными девчонками схватили записную книжку и принялись звонить мальчишкам из нашего класса, чтобы проникновенно подышать в трубку. Только Ленка отличилась оригинальностью и пьяно хихикнула в конце томительного молчания. На следующий день в школе мы свели мальчишек с ума загадочными улыбками Моны Лизы. А Лена обещала, что на свой день рождения три месяца спустя угостит нас настоящим французским шампанским. Да только вскоре уехала.

— Помнится, ты обещала меня угостить «Вдовой Клико», — ухмыльнулась я, ставя «привет из прошлого» на стол.

Сияющие лукавством глаза Лены разочарованно погасли.

— Я думала, это будет прикольно... — расстроено пробормотала она. — Привезла ее два года назад из Москвы. Мне все кажется, что стоит ее открыть, и я вновь вернусь в тот день и почувствую восторг того момента. Но одной напиваться глупо, а гостям предлагать как-то неудобно — ведь никто же не оценит. Никто, кроме тебя. Но если ты предпочитаешь «Клико»...

Она взялась за бутылку, чтобы убрать ее со стола, но я перехватила ее руку.

— Лен, лучшего напитка и представить сложно. Я с удовольствием составлю тебе компанию.

Она снова просияла:

— Тогда кто открывает?

Я беспомощно развела руками:

— Признаться, за прошедшие годы я так и не овладела этим тонким искусством.

Подруга уверенно взялась за бутылку.

— Лен, — спросила я, глядя, как ее тонкие пальцы с вишневыми ноготками умело освобождают стекло от фольги. — А почему ты не зашла ко мне, когда была в Москве?

Она вздрогнула. Крепкие ногти со скрежетом царапнули стекло. Она подняла на меня глаза и неловко улыбнулась:

— А как ты себе это представляешь, Бессонова? Я ведь тогда уже была вампиром. Я очень хотела тебя увидеть. Но так боялась, что ты что-то заподозришь... Да и что бы я могла рассказать о себе, когда ты стала бы меня расспрашивать? Ты бы сразу просекла, что я вру. Поэтому мне оставалось только разглядывать твои фотографии на «Одноклассниках» и радоваться, что, судя по ним, у тебя все тип-топ.

— Ты заходила на мою страницу на «Одноклассниках»? — поразилась я. — А я тебя там не нашла.

— Конечно, — усмехнулась Лена, продолжив манипуляции с бутылкой, и я удивилась, как у нее ловко получается. — Я ведь заходила туда под чужим именем.

Шампанское выстрелило пробкой. Пена, шипя, потекла в подставленные мной фужеры.

— А знаешь, где я его купила? — призналась она. — В том самом магазинчике рядом с вашим домом.

— В «Чебурашке»? — поразилась я. — Да ну?

— Точно, — кивнула Лена.

Я с улыбкой покачала головой:

— С ума сойти! Приехать в Париж, чтобы пить шампанское «Надежда», купленное в магазине рядом с домом родителей.

— Высший шик, правда? — довольно хихикнула Лена и подняла бокал: — Ну, за нас, красивых!

— Надо же, ты помнишь тот самый первый тост? — удивилась я.

— А как же, — она мне подмигнула, — за нас, красивых, будущих знаменитостей, миллионерш, супермоделей, певиц и актрис, жен Леонардо Ди Каприо и Брэда Питта...

— Ох, не напоминай! — расхохоталась я.

— Жалеешь, что так и не вышла замуж за Ди Каприо? — подколола она меня. — Еще не все потеряно!

— Кто бы говорил, — не осталась в долгу я, — ты, несостоявшаяся жена Брэда Питта?

— Да, Дженнифер с Анджелиной меня подсидели, — призналась Ленка и лукаво улыбнулась: — Но я не теряю надежды!

— А как на это смотрит твой девятиностдвухлетний бойфренд? — хмыкнула я.

Лена сделала испуганные глаза:

— Только не выдавай меня, он страшный ревнивец! Ну давай уже выпьем!

Мы отсалютовали бокалами и пригубили шампанского.

— Вроде ничего, — неуверенно сказала я.

— Редкостная гадость! — не стала деликатничать Лена. — Но ведь гадость из детства. Ты как хочешь, а я буду пить до доньшка.

— Не могу же я дать тебе спиться. Придется поддержать. Лен, — вспомнила я, — а что ты делала рядом с домом моих родителей?

С той мигом спало все веселье.

— Не бойся, — сухо сказала она, — я там не охотилась.

— Громова, ну что ты за глупости говоришь! — укорила я. — Если была, почему не зашла?

— Почему не зашла, я тебе уже объяснила. А что делала? Думала, может, увижу тебя издалека...

— Я уже там давно не живу, — заметила я.
— Получается, зря надеялась. — Она пожала плечами. — Я же об этом не знала.
— Ленка, даже не верится, что мы с тобой сейчас здесь вместе! Я по тебе скучала, — призналась я.

— Я по тебе тоже.
— А почему же ты тогда пропала, даже не попрощавшись?
— А с кем было прощаться-то? Это же летом было. Ты с родителями на Волгу отдыхать уехала, а папе дали срочное назначение, вот и пришлось быстро собирать манатки.
— Ну хоть записку в почтовый ящик бросить могла бы, — укорила я.
— Не догадалась, — повинулась подруга.
— А письмо написать с нового адреса?
— Ты смеешься, что ли? — Ленка фыркнула. — Мы знаешь, в какой попе мира оказались? Аж в самой Африке. Там и почтальонов-то нет — их сразу съедают, — мрачно пошутила она.

— А как вы в Париже очутились? — заинтересовалась я.
— Очередное папино назначение. Не представляешь, как я радовалась Парижу после Африки! Цивилизация, бутики, вечеринки...

«А что ж из Парижа-то мне не написала?» — в очередной раз хотела спросить я, но не стала. И так все было очевидно. Если в Африке, изнывая от тоски, Лена и скучала по мне, то уж, перебравшись в Париж, закрутилась в суете столичной жизни, обзавелась новыми друзьями и думать обо мне забыла. Однако что-то ведь заставило ее приехать в Москву, поблуждать вокруг дома моих родителей и вернуться в Париж с бутылкой дешевого шампанского в чемодане от Луи Виттона...

Я смотрела на раздумывающую Лену и думала, что судьба, отнявшая у меня дружбу соседки Насти и бывшей коллеги Саши, в качестве компенсации вернула мне старую школьную подругу. Кто, как не Ленка, выслушает мои нынешние радости и огорчения? Кому так, как ей, я смогу поведать обо всем без купюр? Кто поймет меня так, как она, вынужденная регулярно пополнять запасы донорской крови и прятаться от солнца за плотными шторами? С кем, как не с ней, я смогу перемыть косточки Ипполиту и посетовать на неприязнь ко мне Андрея? Прежние подруги остались в прошлом, где я была простой девушкой Жанной. У вампирши Жанны другая жизнь, другой круг общения, и старые подруги в него не вписываются. Настя оказалась по другую сторону баррикад с коллегами-магами и теперь со мной даже словом обмолвиться не желает, а с Сашей я уже никогда не смогу быть полностью откровенной — она уже почувствовала это, и наша дружба дала трещину. Возможно, нам удастся сохранить приятельские отношения. Мы будем встречаться время от времени, восклицать друг другу при встреч: «Как ты похорошела!», обсуждать кинопремьеры и моду. Но между нами уже никогда не будет прежней искренности. Саша примется рассказывать мне о себе, а что смогу рассказать в ответ я? Моя жизнь теперь целиком связана с Клубом, а о нем я не имею права говорить... Ну разве не подарок судьбы — встретить в Клубе свою старую школьную подругу? Уж если кто и сможет стать настоящим другом для вампира, так это другой вампир.

— За нашу дружбу! — подняла я тост, и Ленка с ликованием отсалютовала мне бокалом.

— За нашу дружбу на века! — подхватила она.
— Лен, — спросила я, отпив глоток, — тебе здесь нравится?
— Да уж всяко лучше, чем среди папуасов! — фыркнула она, подливая себе шампанского. — Тебе добавить?

— Пока не надо. Лен, а чем твой отец-то занимается? Чем он вампиров привлек?
— Если б я сама знала! Он мне не рассказывает, да и ладно. Знаю только, что предложение от вампиров поступило вскоре после того, как отца перевели в другой отдел и он получил доступ к каким-то важным документам. Потом мама умерла, а потом...

— Ой, — я поперхнулась шампанским и уставилась на Ленку во все глаза, — тетя

Зоя... она...

— Да. — Ленка залпом, как рюмку водки, опрокинула в себя бокал шипучки, закашлялась и хрипло сказала: — Машина сбила. За рулем был пьяный водитель. — Она немного помолчала и добавила: — Отец сам не свой был, надо мной трясся — все боялся, что со мной тоже что-нибудь случится. А потом, в общем, предложили ему...

Лена уставилась невидящим взглядом куда-то в стену с нарисованной пальмой. А я задумчиво повертела в руках фужер. Странное совпадение. Отец Лены, конечно, амбициозный и хваткий мужчина, иначе бы он таких вершин в дипломатической карьере, когда допускают к важным документам, не достиг. Но при этом он любящий семьянин. Тетю Зою он любил, относился к супруге с нежностью, и я никогда не видела, чтобы родители Лены ругались. В доме всегда были полные вазы свежих цветов, а как-то раз, будучи у Лены в гостях, я случайно застала ее родителей страстно целующимися в темном коридоре. Даже удивилась тогда: муж и жена, а такими глупостями занимаются! Если бы вампиры предложили Громову карьеру, власть и бессмертие, соблазн, конечно, был бы велик. Но не до такой степени, чтобы добровольно отказаться от любимой жены и дочери, в которых он души не чаял. А посвятить и обеих близких в вампиры ему наверняка никто не предлагал — слишком большой конкурс в ряды «избранных» и жена-домохозяйка да дочка без особых заслуг его бы никогда не прошли. А тут жена погибает, Громов, понимая, что жизнь может трагически оборваться в любой момент, начинает трястись над дочкой. И тут-то как раз и появляются вампиры со своим предложением и даже соглашаются сделать исключение для дочери...

Фужер в моей руке дрогнул. Могла ли информация, к которой Громов получил доступ по дипломатической службе, быть столь ценной для вампиров, чтобы они, не смирившись с отказом, стерли ему память об одной встрече, подстроили гибель жены и закинули удочку во второй раз? Мне вспомнилась Виктория Виноградова, талантливый ученый, которую завербовали для работы над вакциной от вампиризма и которая, так и не доведя исследований до конца, погибла от рук Инессы. Вацлав упоминал, что Виктория ненавидела свое новое состояние и всей душой мечтала найти вакцину и исцелиться самой. «Как же она вообще согласилась стать вампиром?» — удивилась тогда я. Вацлав как-то странно взглянул на меня и ответил: «Ей срочно понадобились деньги. Ее парень задолжал крупную сумму в казино, и ее вступление в Клуб решало все вопросы». Да, согласно правилам вступление в Клуб должно было быть добровольным. Но нигде в правилах не упоминалось, что оно не может быть вынужденным — под давлением обстоятельств, сфабрикованных самими вампирами. Что для них чужое человеческое счастье, если знания человека необходимы для достижения их секретных целей?

— А виновного, — спросила я у притихшей Лены, — нашли?

— Что? — встрепелась она и потянулась за бутылкой шампанского, чтобы наполнить пустой бокал. — Да, конечно. Отец выпил из него всю кровь.

Я приглушенно ахнула.

— Это было одним из условий его вступления в Клуб, — отрешенно добавила она.

Вот и еще один крючок, на который поймали дипломата. Первый — благополучие и долгая жизнь дочери, второй — месть за гибель жены.

— Ладно, — Лена тряхнула головой и принужденно улыбнулась, — не будем о грустном. Расскажи-ка лучше о себе! Как ты жила все это время? И, само собой, жду подробностей из первых рук о твоей фееричной встрече с Жаном.

К концу моего рассказа шампанское как-то само собой закончилось, у меня закружилась голова, а Ленка раскраснелась от удовольствия и то и дело принималась хохотать. Блюда с ужином тоже опустели, а разговор перешел на ту стадию откровенности, которая наступает только после совместно распитой бутылки алкоголя. Ленка ловко выудила из меня все подробности моих любовных романов, включая связь с кладоискателем Федором, которой я сейчас страшно стеснялась, и с упоением принялась расписывать свои.

— Все-все, хватит, — со смехом перебила ее я, — вижу, тебе есть чем похвастаться.

Скажи мне лучше, хоть кого-то из своих мужиков ты любила по-настоящему?

Лена ненадолго задумалась.

— Было, один раз.

— Расскажи! — подначила я.

— Каждая встреча с ним была неповторима, — интригующим тоном начала она. — То праздничный фейерверк, то стихийное бедствие. Если уж он был нежен, то я таяла в его руках, как шоколад. Если уж он злился, то это было подобно цунами, а я как будто оказывалась в его эпицентре. — Глаза Лены затуманили призраки прошлого счастья. — С ним я была то принцессой, то гейшей, то богиней, то служанкой. За время, пока мы были вместе, я пережила десятки жизней и десятки любовных историй — все с ним, но все разные. А еще он очень красиво ухаживал, когда хотел этого. Читал стихи Бодлера на французском и Блока на русском. Катал на карете, запряженной тройкой белых лошадей по Елисейским полям. Вozил на маскарад в Венецию...

— Да, завидую, — призналась я. — Хотела бы я встретить такого романтика!

Лена пригвоздила меня к креслу очередным взглядом-дротиком:

— Да ты его прекрасно знаешь!

— Неужели? Кто же это? Аристарх? Только не говори, что ты с моим дедом... — простонала я.

— Холодно, — успокоила Лена.

— Вацлав? — напрягшись, спросила я.

— Чуть теплее.

— Андрей? — насторожилась я.

— Опять холодно.

— Неужели Глеб? — нахохлилась я. — Меня он на карете не возил.

— Успокойся, с твоим Глебом я даже не была знакома.

— Тогда кто же это? Сдаюсь!

— А ты не поняла? Это был Жан.

— Жан? — Я даже закашлялась. — Ты меня просто поражаешь!

— Это не я поражаю, — грустно усмехнулась Лена. — Это он поражает своими поступками. Даже после смерти.

— А уж при жизни-то он как поражал, — саркастически отозвалась я, вспомнив, как Жан взял в заложники бабушку и Сашу, чтобы заманить меня на заброшенную фабрику и заполучить недостающие Серебряные Слезы.

— Ты совсем не знаешь Жана! — запальчиво бросила она.

— Конечно, не знаю! — вспыхнула я. — Во мне всего лишь течет его кровь. Она то делает меня зверем, то наполняет внезапной яростью. Ты хоть знаешь, каково это?

Видимо, что-то такое отразилось в моем взгляде, потому что Лена в оцепенении замерла и глаза ее округлились от ужаса.

— Жан, — сдавленно спросила она, — так это ты убила всех этих людей?

— Нет, — я пьяно мотнула головой, — но я убила... — У меня хватило ума преуменьшить свои заслуги. — Однажды.

Ленка, ахнув, закрыла рот ладошкой.

— Это был вампир из охраны Жана. Он напал на нас с Вацлавом, и... — Я подняла на Лену растерянный взгляд. — Я сама не понимаю, как это произошло.

Она по-прежнему с ужасом таращилась на меня.

— Никто об этом не знает, — добавила я. И взглянула на нее с кривой усмешкой: — А теперь, Громова, ты должна меня понять. Я не могу оставить в живых такого опасного свидетеля.

Лена на миг напряглась, но через секунду зашлась хриплым смехом. К счастью, у нее хватило соображения оценить мою шутку.

— Ну, Жанка, я ведь чуть не поверила. Ты так натурально на меня вызверилась.

Я грустно усмехнулась.

— Бессонова, — помолчав, продолжила она, — ты ведь понимаешь, что тебе никак нельзя проходить ментальный допрос? Если всплывет, что ты уже пристукнула кого-то раньше и скрыла это, — все, тебе секир-башка. Никакое высокое заступничество не поможет. — Она кинула взгляд на телефон на столике и заметила: — Что-то отца долго нет. Сколько же можно там ковыряться? У нас тут вопрос жизни и смерти решается!

Лена потянулась к кувшину с «Гранатовым браслетом» и, пресекая мои возражения, категорично заявила:

— За успешное завершение твоего дела!

Фужеры наполнились красным до самых краев. Лена поднесла свой к губам и принялась пить маленькими глоточками.

Я с отвращением пригубила фирменный напиток и вынуждена была признать: вкусно!

— Я же говорила — тебе понравится, — довольно прокомментировала Лена, подливая еще напитка в мой опустевший бокал. — Пей, пей. Тебе понадобятся силы.

Я зачарованно посмотрела на капельку крови в уголке ее рта и позволила себя уговорить.

— Ох, Жанка! — разругалась Лена. — Как же я рада, что ты сейчас здесь! Ты не дрейфь, все обвинения с тебя снимут, и вот тогда мы с тобой такое веселье закатим! Всем снобам нос утрем!

Я видела, как блестят предвкушением торжества ее глаза, и вдруг меня осенило. Я поняла то, что не давало мне покоя все это время. Вся суть крылась вовсе не в нашей старинной дружбе, а в желании Лены выделиться, засветиться, отличиться в каком-то громком деле, о котором будут судачить все. Мое имя было у всех на устах, и, помогая мне, она сама попадала в центр внимания. Ее помощь мне — на самом деле попытка самоутвердиться, доказать всем, что она способна на смелые и благородные поступки, переломить то тяготившее ее положение вещей, при котором остальные вампиры смотрели на нее как на пустое место. Интересно, отец знает об истинных мотивах дочки? Или у него есть свои причины помочь мне?

Это была последняя связная мысль в моей стремительно пьянеющей голове.

— Ну и развезло же тебя, подруга, — иронически заметила Лена, наклоняясь ко мне. — Пойдем, я отведу тебя на...

Глава 9 Особо опасная вампирша

В тебе заключено не одно, а сразу несколько существ. Ты одновременно и обычный человек, и убийца.

Энн Райс. Вампир Лестат

Быть честной с самой собой — тоже мужество.

Арина Ларина. Дюймовочка крупного калибра

Утро было красным.

Красное солнце заливало красным рассветным сиянием комнату. Красными были бабочки на занавесках, пропускающих солнечный свет. Красными были пальмы и море на нарисованных стенах. Красной была вода в аквариуме, отделяющем гостиную от кухни. Красным и отчего-то влажным был ковер, на котором я проснулась. Красным был залитый солнцем замшевый диван, на котором затылком ко мне спала Ленка. Ее голова лежала на высоком валике, а блестящие светлые волосы доставали до пола, и в них запутались красные нити. словно перед тем, как уснуть, Лена запачкала волосы вином.

— Лен, — хрипло позвала я и, не почувствовав никакой реакции, повысила голос: — Лена!

Горло саднило так, будто я проглотила морского ежа из аквариума в фойе. На

мгновение мне даже захотелось выйти в коридор и проверить свою догадку. Но вместо этого я охнула, когда раскаленный солнечный луч коснулся моего плеча, откатилась в тень, поднялась на ноги и, пошатываясь, добрела до окна, чтобы задернуть штору. У окна я замерла, глядя на ясное небо, на котором сбоку от Эйфелевой башни наливался жаром огненный шар. Потом опустила глаза — улица была полна людей. Дворники весело раскидывали искрящийся на солнце снег, автолюбители откапывали из сугробов драгоценные машины, а черно-белый мим, приплясывая в тени дома на другой стороне улицы, передразнивал и тех и других. Двое ребятишек затеяли игру в снежки, а черный пудель их задорно облаивал. Снегопад прекратился. Значит, аэропорты вот-вот заработают, значит, скоро прилетят Аристарх с Вацлавом, спасут меня от этого кошмара и докажут мою невиновность. В груди словно надули воздушный шарик, и стало так легко и радостно, что мне захотелось обнять весь мир.

— Ленка, — воскликнула я, поворачиваясь к спящей подруге, и невольно зажмурилась.

Странно, свет от окна падает прямо на диван, у меня даже слезы на глазах выступили, а Ленке хоть бы хны. Вот счастливая! Получается, она одна из тех редких вампиров, чья кожа не реагирует на солнце ожогами.

— Ленка, — позвала я, — снег кончился!

Подруга даже не пошевелилась. Надо же, как меняет людей вампиризм! Дрыхнет мертвым сном, и нипочем ей ни свет, ни мой ор. А ведь в школьные годы Лена отличалась очень чутким сном. Тогда, насмотревшись по видеку фильмов и узнав про пижамные вечеринки, популярные у американских девчонок, мы как-то ходили друг к другу с ночевкой — один раз она ко мне, потом я к ней. Но обе ночевки получились до того беспокойными, что мы были вынуждены оставить эту затею. Я долго ворочалась, засыпая. А Ленка отрубалась моментально, но спала очень чутко, реагировала на каждое мое движение. Мы даже поругались, когда среди ночи я снова заворочалась, а разбуженная Ленка зло бросила, что у меня, наверное, глисты. А теперь, поглядите-ка, дрыхнет и хоть чечетку вокруг нее пляши!

Солнечный луч обжег плечо и, повернувшись к окну, я быстро задернула плотные шторы. Так-то лучше. Красный цвет перестал резать глаза, и нарисованные пальмы на стенах вновь стали зелеными.

Внезапно затрезвонил Ленкин мобильный, выдавая мелодию из «Секса в большом городе». Я выжидающе уставилась на подругу: уж такой трезвон и мертвого поднимет. Однако Лена даже не шелохнулась. Интересно, я теперь тоже так крепко сплю? Так и бабулю напугать недолго, когда она у меня на ночь останется. Вздумает старушка разбудить внучку среди ночи — а та в полной отключке!

Мобильный все звонил и звонил, вибрируя и танцуя на стеклянном столике, на котором его вчера оставила Лена. Он уже почти добрался до края. Я невольно шагнула к столу и поймала золотистый корпус прежде, чем он коснулся пола. Ронять легендарный «Верту» на пол — преступление, и я не могла остаться равнодушной. На экране светилась надпись «Папа». Я с любопытством взглянула на фотографию, сделанную мобильным. Ленин отец стал еще интереснее и импозантнее с тех пор, как я видела его в последний раз. Только взгляд, пронизывающий, колкий, остался прежним. Помню, в детстве я старалась не встречаться с высоким элегантным мужчиной глазами. А сейчас и Лена переняла этот взор и научилась вскидывать глаза так, словно метала в тебя дротики. Я вздрогнула и чуть не выронила голосащий телефон из рук. Пришлось схватить его покрепче. Звонок внезапно пропал, а в комнате зазвучал взволнованный голос:

— Лена, ты что, спишь? Почему не берешь трубку? Я уже начал беспокоиться!

Я растерянно покосилась на Лену — та по-прежнему спала.

— Елена! — настойчиво повторил Громов, повышая голос. — Почему ты молчишь? Ты что, опять напилась до невменяемости?

Так вот почему Ленка дрыхнет без задних ног! Видимо, алкогольный сон для нее не редкость. Раз уж даже отец про то знает. Не зря мне показалось, что Лена весьма уверенно

открыла бутылку шампанского, — видно, опыт у нее в этом имеется существенный. Решившись, я поднесла трубку к уху. Как же его зовут-то? То ли Василий Владимирович, то ли Владимир Васильевич. Столько лет прошло, я уже и не помню точно. Зато помню, он жутко бесится, когда его отчество путают.

— Владимир Васильевич, — сказала я, — это Жанна.

— Вообще-то Василий Владимирович, — холодно поправил он. — Здравствуй, Жанна.

— Ой, простите, — запнулась я.

— Что там с Еленой?

— Спит, — доложила я.

— Понятно, — хмыкнул он. — Я к вам сейчас приеду. Ты уж постарайся ее привести в чувство к моему появлению.

Громов отключился, я вернула телефон на столик и заметила на ладонях бурые пятна, будто перед тем, как провалиться в сон, я испачкалась в гранатовом коктейле.

— Лена, — громко окликнула я, шагнув к дивану, — вставай. Твой отец сюда едет.

Еще шаг, и нога ступила во что-то мокрое, носок насквозь пропитался влагой. Я поскользнулась и рухнула на пол. Руки, выставленные от падения, проехали по влажному полу, и в нос ударил запах крови. Я развернула дрожащие ладони — они были красными. Как и мои джинсы, как водолазка, как промокшие насквозь носки.

Я закричала, но голоса не было. В горле снова заворочался морской еж, и, казалось, его иглы мгновенно увеличились до такой длины, что пронзили и виски, и живот, и самое сердце. Стоя на коленях на полу, я нащупала рукой чистое место и попыталась встать на ноги.

Мне надо было увидеть своими глазами. Убедиться в том, что...

Лена была мертва.

Я не видела ее запрокинутого лица, но не могла отвести взгляда от страшной, во всю шею, раны на горле. Кожа разошлась в стороны, но крови не было. Потому что вся кровь была вокруг — на алом шелковом Ленином халате, покрытом багровыми пятнами, на когда-то кремовой обивке дивана, на мокром от крови ковре, на котором я спала, на полу, на стенах, даже в аквариуме. А еще на мне. На моих руках, на моей одежде, на моих спутанных волосах. И отвратительнее всего было то, что кровь на одежде уже высохла. Все выглядело так, словно я сама, своими руками, прирезала Ленку, а потом спокойно завалилась спать на влажный от крови ковер.

Словно невидимый боксер ударил меня в живот, я согнулась пополам, и меня вывернуло наизнанку. Кровью.

Не может быть... Я же выпила вчера только бокал этого злополучного «Гранатового браслета»! А кровищи столько, как будто я опорожнила весь кувшин.

Но не могла же я сама...

Трясущимися пальцами я задрала водолазку и нащупала замочек пирсинга со Слезой Милосердия. Вот же она, на месте. И я ее не снимала. Я точно знаю!

Тогда что же здесь произошло, пока я спала? И кто сюда приходил? Кто взломал дверь, пока мы спали? Или кого Лена могла сама впустить без опасений?

Никого. Я вздрогнула. Если бы кто-то увидел меня здесь, то Ленка стала бы моей сообщницей. Она и так многим рисковала, решившись мне помочь. Единственный, кого она ждала, это отец. А он задержался с делами и приедет только сейчас...

Я схватилась за голову, забыв, что руки в крови. Громов же скоро будет здесь. Что он со мной сделает, обнаружив рядом с телом единственной дочери?! Особенно учитывая, как жестоко он обошелся с убийцей жены?

Я невольно кинулась к двери, подталкиваемая мыслью: бежать! И остановилась на пороге, чувствуя, как пол уходит из-под ног и прямо подо мной разверзается бездна ада, где я буду вечно гореть в огне. Потому что не было никакого взлома. Лена твердо дала понять, что электронный ключ к ее квартире взломать невозможно. И не было никакого гостя, Лена не стала бы себя так глупо выдавать. В квартире не было никого, кроме нас двоих. И никто

ее не покидал. Потому что карта-ключ по-прежнему была вставлена в электронный замок изнутри, что исключало вариант с приходящим убийцей.

Все было предельно ясно.

Все было абсолютно очевидно.

Все было чудовищно нереально.

Я достала свой мобильный. Минуту невидящим взглядом смотрела на потухший экран, потом включила сеть, отыскивала в журнале входящих вызовов звонок, который застал меня в лесу у Замка Сов, и нажала повтор.

— Андрей, — безжизненно сказала я в трубку, — я в квартире Лены Громовой. Она мертва.

И, чтобы не слышать ругательств, которые донеслись из динамика, нажала отбой.

Все. Теперь мне не страшен ментальный допрос. Он — моя единственная надежда на спасение. На то, что найдутся доказательства, что я не убивала Лену. Если же подтвердится обратное, я больше не хочу жить на свете. Я уже умерла сегодня ночью. Вместе с подругой, которую я убила.

Дверь пришлось взламывать. Второго электронного ключа не было ни у кого — ни у портье, ни у отца Лены. А микросхема карты, вставленной в ячейку, оказалась залитой кровью — будто бы ночью в беспамятстве, поняв, что я натворила, я пыталась сбежать из квартиры, но безнадежно испортила ключ вымазанными в крови руками. Не сомневаюсь, что четкий отпечаток пальца, который остался на голубой пластиковой поверхности, принадлежит мне. А кому же еще?

Когда бронированная сталь обрушилась на пол, первым в квартиру ворвался Громов. Следом за ним по металлу загрохотали ботинки Андрея и других Гончих. А потом раздался страшный крик — такой нечеловеческий, такой горестный, как только может кричать бессмертный отец над телом своей единственной дочери. От этого крика я оглохла. Тишина окутала меня плотным ватным саваном, и я больше не слышала ни звука, хотя люди вокруг то и дело раскрывали рты и заходились в безмолвном крике. Гончие взяли меня в кольцо и оттеснили к стене. Это меня и спасло от озверевшего от горя Громова, который легко смел в стороны двух Гончих, чтобы подобраться ко мне.

Он кричал мне в лицо «убийца!» — я не слышала, но прочитала это по его губам — и расстреливал колкими взглядами. Но это уже были даже не дротики, а арбалетные болты, от которых скручивалось судорогой сердце, тяжелели руки и ноги, а голова наполнялась невыносимой болью.

На то, как меня выводили из здания, казалось, сбежались смотреть все живущие здесь вампиры. Столько полыхающей во взглядах ненависти и столько животного страха прежде я не вызывала никогда. Показалось, что я не выйду из здания живой — обезумевшая толпа раздерет меня в клочья. Но с Гончими никто связываться не рисковал, и я получила отсрочку на несколько дней. До оглашения результатов ментального допроса.

Пока меня везли, несколько раз меняли машины. Видимо, чтобы сбить со следа народных мстителей, если таковые бы вздумали за нами отправиться. Наконец микроавтобус остановился на окраине Парижа у мрачного серого особняка, который располагался на отдалении от других домов. Меня провели по пустым необжитым комнатам к двери в самом конце коридора, и Андрей, не произнесший за все это время ни слова, тряхнул меня за плечо так, что оторвал рукав водолазки и с силой толкнул меня в спину, отправляя в стылое нутро подвала. Я пересчитала ребрами ступеньки, но не почувствовала боли. Ведь я уже была мертва.

Не знаю, сколько я просидела там в полной темноте, в зябкой, пробирающей до костей сырости, в оглушительном безмолвии тишины. Может, час, может, ночь, может, неделю. А потом вдруг тишину разбил родной голос Аристарха, который срывался от волнения. Затрещали половицы под быстрыми шагами, заскрежетали ржавые засовы на дверях моей

темницы.

— Вы держите ее здесь? Как последнюю преступницу? — яростно прогремел голос Аристарха, и он вихрем скатился по ступеням и бросился ко мне.

— Жанна, — прижимая меня к себе, успокаивающе бормотал он, — девочка моя, сколько ты всего натерпелась. Это все страшное недоразумение. Мы тебя обязательно вытащим. Ведь уму непостижимо, в чем тебя обвиняют. Ах, скоты!

А я смотрела поверх его плеча в черные, как лунное затмение, немигающие глаза Вацлава, спустившегося следом, и не могла вымолвить ни слова.

— Ну что же ты молчишь? Жанна, скажи хоть что-нибудь! — затряс меня обеспокоенный Аристарх.

— Возможно, — выговорила я, переводя взгляд с Вацлава на деда, — что все это правда.

— Нет, нет и нет! — Аристарх ожесточенно замотал головой. — Этого не может быть...

— Потому что не может быть никогда, — эхом отозвалась я. — И тем не менее это так.

— Аристарх, — тихо, но твердо окликнул его Вацлав, — оставь нас. Пожалуйста, — с нажимом добавил он, когда тот собрался возразить.

Дед с сомнением посмотрел на меня, и я кивнула.

Мы остались наедине.

Вацлав молча смотрел на меня, не трогаясь с места. От его взгляда, одновременно строгого, гневного и горестного, хотелось провалиться сквозь пол, но я была не в силах отвести глаза.

Я ждала от него десятка вопросов: зачем я сбежала от Вероник, зачем пошла к Лене, убила ли я ее, как тех других, в смерти которых меня обвиняют. Но он просто стоял и смотрел, и от его взгляда сердце так бешено колотилось в груди, что казалось, оно не выдержит этого сумасшедшего ритма и разорвется бомбой, превратив в руины весь старый дом.

— Тебя били? — хриплым голосом спросил он.

— Что? — Я растерялась.

— У тебя все лицо в крови.

Я невольно дотронулась до щеки и потерла кожу:

— Это кровь Лены.

— И синяки на плече. — Он кивнул на оторванный рукав водолазки.

— До похорон заживет, — нашла сил мрачно пошутить я.

Вацлав дернул щекой, порывисто шагнул ко мне и оказался так близко, что я почувствовала его дыхание — обжигающее, как ветер в пустыне.

— Ты снимала Слезу?

Его глаза были такими темными, как выжженное дотла пепелище. Мне показалось, что у меня даже губы потрескались от этого жара.

— Ты ее снимала?

Его руки обхватили меня чуть выше локтей и нетерпеливо тряхнули, выжимая из меня ответ.

— Нет, — тихо выговорила я.

— Да или нет?! — Он яростно навис надо мной. — Отвечай!

— Нет! — вскрикнула я. — Я ее не снимала.

— Может, снимала в ванной? — допытывался он. — Или чтобы кому-то показать поближе? Вспомни, это очень важно!

— Да не снимала я ее!! — закричала я так, что мой голос эхом отразился от сырых каменных стен и завибрировал в воздухе, слепо ударяясь в стены и не в силах выбраться наружу.

— Хорошо. — Вацлав с облегчением прикрыл глаза и рывком привлек меня к себе, прижавшись губами к виску. — Тогда я тебя вытащу.

На мгновение я оцепенела от этой внезапной близости, от этой затопившей голос нежности. Мое тело прижалось к Вацлаву, желая слиться с ним в единое целое. Мои ноздри жадно глотали его запах, как умирающий от жажды — воду, и никак не могли напиться досыта. Мои губы запылали пожаром, который может погасить только поцелуй.

И Вацлав как будто понял это. Шумно вдохнул, словно собираясь погрузиться под воду, и накрыл меня влажным теплом губ. Но пожар разгорелся еще сильнее. С губ он хлынул на щеки, перекинулся на шею — и вот уже запылала я вся целиком. Сгорая дотла, понимая, что погибаю, но не в силах оторваться от этих сжигающих губ и спастись.

Вацлав сделал это за меня. Отстранился и неловко отвел глаза, словно стыдясь своего порыва. Не хватало еще, чтобы он извиняться принялся!

— Нет, — он дернул щекой и вскинул глаза-угли, — извиняться я не стану.

— Ты не можешь читать мои мысли, — вспыхнула я.

— Не надо читать твои мысли, чтобы узнать, о чем ты думаешь.

В его голосе не было и тени насмешки, но это разозлило меня еще больше.

— Я думаю, что ты прилетел за столько километров не для того, чтобы целоваться с узницей в подземелье, — сердито бросила я.

— Я прилетел потому, что не мог не прилететь, — просто сказал Вацлав.

И почему-то мне страстно захотелось, чтобы он добавил тем же спокойным тоном: «Потому что люблю тебя». Но он, конечно, ничего не добавил, и теперь настала моя очередь в растерянности отводить глаза.

К счастью, неловкий момент прервал Аристарх, спустившийся в подвал.

— Я договорился, чтобы тебя перевели в более человеческие условия, — сообщил он.

— Ты думаешь, что я их заслужила? — криво усмехнулась я.

— Жанна, — твердо сказал он, — скоро все это закончится. И мы вернемся домой.

Я опустила глаза, не в силах вынести этой лжи. Аристарх убеждал в этом меня. Но еще больше он убеждал в этом себя. И видеть это было невыносимо.

Комната на втором этаже, в которую меня привели, была с бронированной дверью. Первое, что я увидела, войдя внутрь, это решетки на окнах.

Аристарх виновато взглянул на меня:

— Прости. Пока только так.

— Ну что ты. После подвала это просто королевский дворец.

Двое французских Гончих, приставленных охранять меня, остановились за порогом. Один из них, угрюмый чернявый крепыш, тот самый, который следил за мной в Париже и которого я провела, скрывшись через служебный вход магазина, кольнул меня враждебным взглядом и процедил:

— Вынужден донести до вашего сведения, что если только...

— Не утруждайся, — перебила я его, — я не стану убегать.

— Хорошо бы вам сдержать слово, мамзель, — пробурчал он. — У нас приказ стрелять на поражение.

Аристарх побелел лицом и шагнул к Гончему, стиснув кулаки.

— Не надо. — Я удержала его за рукав. — Они просто делают свою работу.

Аристарх кивнул и захлопнул дверь так, что у меня в ушах зазвенело.

— А теперь поговорим, — сказал Вацлав.

Спустя несколько часов Вацлав с Аристархом были вынуждены признать: дело плохо. Алиби у меня нет. Зато улики против моей персоны предостаточно — меня арестовали рядом с трупом, мои отпечатки пальцев были повсюду, моя одежда была в крови. Хуже того, та кровь, которой меня вырвало рядом с телом Лены, оказалась кровью Лены. Эта новость меня подкосила окончательно. Я и прежде-то не была уверена в своей невиновности, а теперь и подавно.

Аристарх склонялся к версии, что меня хотят подставить. Вацлав с выводами не

спешил, но когда распалившийся Аристарх назвал в качестве возможных подозреваемых Ипполита, которого я раздраконила как раз накануне гибели Лены, веско заметил, что на момент убийства Изабель Ипполит еще не получил от меня отказа и был настроен лояльно. Аристарх, сгорбившись, вынужден был признать его правоту.

Я припомнила, что Лена говорила о своем ревнивом девятидесятилетнем любовнике, но это мне не помогло. Вацлав сказал, что тот месье ездил по делам в Ниццу и из-за снегопада не мог вернуться в Париж. А его нахождение в Ницце подтверждают десяток местных вампиров, так что алиби у потенциального Отелло железное.

Оба, и Вацлав и Аристарх, с надеждой ухватились за версию о причастности к убийству одной из двенадцати вампирш, в жилах которых течет кровь Жана. Поскольку одним из главных пунктов обвинения в мой адрес были именно кровные узы с Жаном, запятнавшим себя подозрениями во многих преступлениях, но все время уходившим от правосудия, то появление других подозреваемых в этом вопросе могло бы значительно мне помочь. Однако, составив по моим словам список, мои защитники весьма приуныли. Точно я смогла назвать только четырех женщин — это были Ванесса Рейн, Орнелла Дамиани, Глория Майлз и певица Дарла. Фамилий, точного рода деятельности и места жительства других вампирш я назвать не могла, а это чертовски затрудняло поиски. Найти вампирш по одному лишь имени и описанию внешности было практически невыполнимой задачей. Еще больше осложняло ситуацию то, что вампиры многократно меняли имена при переезде в другие страны. А значит, на их поиски могли уйти месяцы, а то и годы — время, которого у нас не было.

Что же касается четверки, которую я назвала, Вацлав тоже не был оптимистичен. Он обещал запросить досье вампирш и проверить, не уличали ли их в каких-либо противозаконных делах. Но, учитывая их публичность, он сразу сказал, что вряд ли там найдется что-то такое, что может меня спасти. Потому что в противном случае любой их проступок попал бы на страницы газет раньше, чем вампирская служба безопасности успела бы перехватить утечку информации. Проверить кровь вампирш и установить связь с Жаном тоже непросто. Раз по бумагам у всех них есть другие официальные наставники, подвергнуть их истинность сомнению грозит большим международным скандалом. И чтобы это осуществить, понадобятся очень веские основания. А мои свидетельства к таковым не относятся — кто поверит словам смертницы, которая из последних сил пытается выгородить себя, пороча честное имя уважаемых персон? Вацлав, конечно, выразился более деликатно, но легче мне от этого не сделалось.

Единственное, в чем мы достигли согласия, так это в том, что убийцу следует искать среди вампиров. Только вампир мог слышать нашу перепалку с Изабель на балу, только вампир мог проникнуть в хорошо охраняемый жилой комплекс и только вампиру было по силам выпить из Изабель и Лены столько крови...

— Шерше ля вамп, — невесело пошутил Вацлав, резюмируя наши рассуждения.

Задерживаться у меня они не стали. Вацлав собирался переговорить с Андреем, а Аристарх — заручиться поддержкой старейшин и потянуть время до ментального допроса. Он искренне надеялся, что Вацлав по горячим следам раскроет убийство Лены и найдет настоящего преступника, и тогда мне удастся избежать болезненной и небезопасной экзекуции. Я была менее оптимистична на этот счет. А Вацлав и вовсе выглядел мрачнее грозовой тучи. Тем не менее, когда Аристарх ступил за порог, Вацлав, прежде чем выйти следом, обернулся и сказал:

— Верь мне. Я тебя отсюда вытащу.

И я поверила.

...Какая же я была дура!

Вацлав вернулся следующей ночью. Один, без Аристарха. Злой, бледный, уставший.

Я стояла у зарешеченного окна, глядя, как луна рисует серебристые тени на снегу. Обернувшись, обрадовалась, потянувшись к нему. Но напоролась на его потемневший взгляд и

застыла, где стояла.

Его молчание было невыносимо. Я отвернулась к окну, но стало еще хуже. Теперь его острый взгляд лезвием кинжала танцевал по моей спине.

Когда Вацлав нарушил молчание, его голос был сух и холоден.

— Ментальный допрос для тебя назначен на завтра.

Я оцепенела, не в силах отвести взгляда от лунного кружева за окном. Возможно, это одна из последних ночей в моей жизни. Ведь после ментального допроса путь один — на эшафот.

— Аристарх сейчас пытается добиться отсрочки, — добавил он, — но не буду тебя обнадеживать — маловероятно, что у него получится.

Не дождавшись от меня реакции, Вацлав продолжил подчеркнуто официально:

— Ментальный допрос для объективности проводится двумя дознавателями. Одним, как ты догадываешься, будет Андрей, вторым, — его голос дрогнул, — вызвался я.

Я, застыв, смотрела в окно. Прежде мне казалось, что хуже быть уже не может. Может, еще как может! Вацлав будет копаться в моих мыслях, перебирать по песчинке мое прошлое, рассматривать под лупой мои комплексы и мои страхи, мои влюбленности и мои симпатии. Вацлав, которому я так доверяла и на помощь которого так рассчитывала, станет моим инквизитором и палачом.

— Надеюсь, ты понимаешь, почему я на это пошел, — надтреснуто сказал он за моей спиной. — Я прошел через ментальный допрос, и я как никто другой знаю, что это такое.

— Можешь не оправдываться, — безжизненно отозвалась я. — Искушение было слишком велико.

— Искушение? — проскрежетал он, и я невольно обернулась.

На скулах Вацлава играли желваки, в глазах полыхал пожар, готовый стереть с лица земли весь Париж.

— Ты что, думаешь, мне это приятно?! Я знаю, каково это, когда тебе лезут в самую душу, и согласился на это только потому, что...

— Чтобы облегчить мне экзекуцию? — холодно перебила я. — Что ж, я оценила твое благородство.

Вацлав волком смотрел на меня.

— Нет, ты не понимаешь! Андрей сделает все, чтобы тебя засудить. Он вытащит из твоей памяти всю грязь, которую ты хоть однажды пережила, и закроет глаза на все хорошее.

— А ты, значит, будешь моим адвокатом? — Я нашла в себе силы вздернуть подбородок, хотя мне казалось, что на плечи давит мраморная надгробная плита.

— Я сделаю все от меня зависящее, чтобы доказать твою невиновность, — горячо поклялся он.

— А если ты ошибаешься? — стараясь, чтобы голос не дрожал, спросила я. — Если я виновна?

Вацлав посмотрел на меня так, что я почувствовала себя ведьмой на инквизиторском костре. Еще миг — и хворост под моими босыми ногами запылает. Но он отвел взгляд и глухо сказал:

— Тогда тебе уже ничто и никто не поможет.

Аристарх пришел уже под утро, когда мне удалось задремать. Я проснулась от его взгляда и, увидев его потухшее, осунувшееся лицо, поняла: отсрочки он не получил.

— Дед, — пробормотала я, поднимаясь на диване, — не кори себя. Ты сделал все, что мог.

Он замотал головой и надтреснутым голосом произнес:

— Если бы я только мог поехать с тобой... Если бы я только знал! Ничего бы этого не случилось...

Он отвернулся, избегая смотреть мне в глаза, и отошел к окну.

— Перестань. Ты же не знал. Ты был нужен в Москве.

Он затряс головой:

— Эдику я был уже не нужен. Он был мертв. А тебя я еще мог спасти. Если бы только не эта проклятая снежная буря! — в сердцах воскликнул он. — Я бы успел прилететь за тобой, пока ничего не случилось.

— А что произошло с Эдиком? — спросила я, вспомнив о несчастном случае с кровным воспитанником Аристарха, который и задержал деда в Москве.

— Трагическая нелепость. Упал на машине с моста в реку.

— А это точно не убийство? — почувствовав смутную тревогу, уточнила я.

— Несчастный случай, — безжизненно отозвался Аристарх. — Дело уже закрыли.

И вдруг взорвался, обращаясь ко мне:

— Да о чем мы вообще говорим! Ведь завтра они тебя... Подумать только! Найти тебя спустя столько долгих лет, чтобы вот так потерять...

Он снова отвернулся к окну, и я заметила, что его плечи вздрагивают. Подошла сзади, обняла за плечи и вдруг с удивлением поняла: он плачет. Заглянула деду в лицо и оцепенела: его глаза были сухими и красными, но тело сотрясилось от рыданий, а из плотно сжатых губ со свистом вылетал воздух. Аристарх плакал без слез. И это было по-настоящему больно.

Под вечер заглянула Вероник. Несмотря на ее бодрое «бон суар», выглядела она уставшей, осунувшейся и постаревшей лет на пять. Для вампира это приличный срок. Она крепко обняла меня и тотчас же принялась пылко извиняться, что не навестила раньше. Я остановила ее, уже зная от Аристарха, что Вероник все эти дни проводила в чрезвычайных заседаниях старейшин и Гончих, пытаюсь выгородить меня и добиться поблажек и отсрочек. Неудачи были написаны на ее лице тенями под глазами, но, судя по боевому блеску в глазах, сдаваться мексиканка не собиралась.

Я была ей рада. С появлением Вероник комната, служившая мне камерой, наполнилась ароматом духов, дыханием жизни, звоном голосов. Даже Аристарх приободрился и охотно поддержал разговор о том, в каком из ресторанов Парижа мы отметим благополучное окончание этой жуткой истории.

Бумажные пакеты, которые Вероник притащила с собой, оказались полны флакончиков с туалетной водой и коробочек с тушью, тенями и пудрой. С целью поднятия моего боевого духа Вероник скупил все новинки косметических магазинов.

— А то ты бледная какая-то! — пояснила она, выдвигая из золотистого футляра красную помаду и намереваясь исправить мою блеклость. Я покорно подставила губы.

Когда сеанс макияжа от Вероник был завершен, настала очередь последнего пакета. Вероник выудила оттуда бутылку бордо, при одном взгляде на которую сведущий в винах Аристарх восхищенно присвистнул. Мексиканке все давалось легко, и даже отсутствие бокалов не стало для нее проблемой. Она на минутку выглянула в коридор, шепнула что-то моим тюремщикам, и скоро мы уже разливали вино по трем хрустальным фужерам. Надеюсь, что это не те фужеры, в которых смешивают яд для приговоренных к смерти...

— За тебя, Жанна! — провозгласила Вероник. — За то, чтобы уже завтра все это кошмарное недоразумение закончилось! И мы с тобой сразу же отправимся опустошать парижские бутики!

— Так и быть, я готов принять на себя тяжесть ваших покупок, миледи, и следовать за вами подобно пажу, — шутливо поддержал ее Аристарх.

— И за вас. — Я подняла бокал. — Я очень рада, что вы сегодня со мной.

Вино я лишь пригубила, так и не оценив в полной мере его вкуса. Назавтра мне была нужна трезвая голова. А вот Аристарх опустошал бокал за бокалом, словно стремился запить горечь воспоминаний, которые он сегодня оживил по моей просьбе.

Вероник задержалась недолго: ей позвонили, и она срочно сорвалась с места. По взгляду, которым она на прощанье обменялась с Аристархом, было件нятно, что речь о моей судьбе. Аристарх вышел ее проводить, вернулся и вскоре заснул в кресле — бордо оказалось отличным снотворным. Я была даже рада тому, что сегодня он остался со мной, а не ушел на ночь.

Кто знает, может, эта ночь — последнее, что у меня есть?

За мной пришли, когда луна вновь посеребрила землю, нарисовав ажурное светящееся кружево на впитавшем ночь снегу. Я заворуженно смотрела на эту красоту и отрешенно думала, что ни одно творение дизайнера, ни одно кружево от кутюр не сравнится по красоте с этим изысканным лунным плетением, которое создала сама природа.

Андрей ворвался в комнату первым. Следом за ним, опустив голову, вошел Вацлав. Аристарх, проводивший весь день со мной, вскинулся и заслонил меня спиной.

Андрей угрожающе вздернул подбородок:

— Господин Алмазов, не заставляйте меня применять силу.

— Остынь, парень. — Вацлав с неприязнью покосился на Андрея и обернулся ко мне: — Ты готова?

Я кивнула. Аристарх побелел и заявил:

— Я поеду с вами!

— Это невозможно, — отрезал Андрей. — Вы не можете присутствовать при ментальном допросе.

— Но никто не запретит мне присутствовать за дверью, — зло возразил Аристарх и шагнул следом за мной.

Дороги я почти не запомнила, но когда меня привезли на место, я узнала знакомую ограду и тонущие в ночном мраке скелеты вековых деревьев.

Жану бы это понравилось. Для нашей с ним последней встречи он выбрал заброшенное здание фабрики на окраине Москвы — с которого все и началось. Не задержись я там по поручению шефа, которому вздумалось меня проучить, я бы не напоролась на обратном пути на вампира Жана и вся моя жизнь не полетела бы под откос. Я бы по-прежнему трудилась в риелторском агентстве, по вечерам читала «Космополитан» и грезилась о новых туфлях. Самое ужасное потрясение, которое могло случиться со мной в той жизни, то, что эти туфли увела бы из-под моего носа какая-нибудь пронырливая модница. Или, еще хуже, если бы я пришла на работу в обновке и обнаружила точно такие же туфли на секретарше Ангелине, которую я прозвала Дьяволиной за характер, совершенно противоположный ее имени.

Но встреча с Жаном состоялась, и моя жизнь превратилась в череду опасностей и катастроф, ближайшая из которых уже поджидала меня в стальных стенах Замка Сов, во владение которым я так и не успела толком вступить.

Ничего не изменилось со времени моего последнего визита сюда. Все тот же холод встречал гостей за порогом, все так же шептались по углам сквозняки, все тот же непроницаемый мрак царствовал внутри, чувствуя себя полноправным хозяином старинного замка. Вот только запах духов — пряных, сладких, нежных, цитрусовых, цветочных — совершенно выветрился, вместе со своими хозяйками, поспешно покинувшими замок несколько ночей тому назад.

Но на этот раз меня повели в другую половину замка. Внутри не было света, и шедший впереди Андрей светил фонариком. Четверо других Гончих окружали меня кольцом, не давая ни малейшей попытки бежать. Но Аристарх прорвал это оцепление и шел рядом, держа меня за руку. Его ладонь была такой холодной, что мне казалось, будто мою руку окунули в прорубь. Замыкал процессию Вацлав.

Наконец Андрей остановился перед высокой темной дверью, из-под которой пробивалась полоска света.

— Пора. — Он обернулся ко мне и выразительно взглянул на Аристарха.

Мой дед, совершенно потерянный, обернулся ко мне.

— Я вернусь, — сказала ему я, и мой голос почти не дрогнул.

Он поспешно кивнул и рывком прижал меня к груди, пробормотав пепельными губами:

— Я буду ждать.

Я кивнула своим конвоирам:

— Ведите.

Андрей открыл дверь, и вдоль стены я увидела длинный стол, за которым, как на экзамене, восседали трое старейшин — Ипполит, Пьер и Эмиль.

На пороге я обернулась. На щеках Аристарха блестели бриллиантовые росинки. Он плакал моими слезами. Слезами, на которые у меня уже не осталось сил.

Глава 10

Вампир, ты вспомнишь все!

Мы вошли. Дверь захлопнулась, как гильотина, отрезая меня от прошлого, от жизни, от Аристарха. Андрей и Вацлав встали по бокам от меня. Старейшины за столом не шелохнулись. Лишь три взгляда одновременно ударили по мне, едва не сбив с ног. Ипполит как плетью хлестнул. Пьер прицелился, как снайпер. Его палец уже лежал на спусковом крючке, и было видно, что вся эта процедура для него — занятие совершенно бесполезное, потому что он совершенно уверен в моей виновности. От прежнего добродушного Эмиля не осталось и следа. Сейчас он смотрел на меня через стекла очков так, как будто изучал смертельно опасный микроб. В глазах всех троих отчетливо читался смертный приговор. Меня это не удивило. В Москве вампиры казнили и за меньшие прегрешения. Месяц тому назад блондинку Нэнси, подругу Аристарха, по глупости приревновавшую меня к нему и хотевшую убить, приговорили всего лишь за неудачное покушение. На мне же висело столько подозрений, что в глазах парижских старейшин сквозило непомерное удивление: как, эта преступница еще жива?

Меня же удивило другое: отсутствие за столом Вероник.

— Итак, — нарушил молчание Пьер, сидевший в центре стола. На столешнице стояли три двурогих подсвечника с зажженными свечами, и их пламя, танцуя на сквозняке, складывалось в причудливые тени на стене. — Мы собрались здесь для того, чтобы осуществить процедуру ментального допроса. Согласно правилам допрос проводится двумя дознавателями. Со стороны обвинения выступает Андре Буше. Защиту представляет Вацлав Волков. Процедура проходит под контролем Совета старейшин пострадавшей стороны. В данном деле мы представляем интересы Парижского Клуба.

Я выдержала второй залп взглядов, ударивших по мне, и выше вздернула нос. К чему все эти церемонии? Скорей бы уже начали.

— Вы даете согласие на проведение ментального допроса? — обратился ко мне Ипполит.

Я с удивлением взглянула в глаза цвета плесени. А что, у меня есть выбор?

— Вы можете избежать процедуры, подписав признание в предъявленных вам обвинениях, — вкрадчиво пояснил он и кивнул на лист бумаги на краю стола.

— Нет, я согласна.

В глазах Ипполита явственно отразилось разочарование.

— В таком случае, — скучным голосом сказал он, — мы вынуждены зачитать вам список рисков, связанных с проведением ментального допроса.

Он взял верхний лист бумаги со стопки, которая лежала на столе перед ним, и начал:

— Ментальный допрос — воздействие высокого риска. В ходе ментального допроса возможно развитие психических расстройств, неврозов, психозов, неврастении, панических атак, фобий...

Если говорить коротко, самыми безобидными из списка были депрессия и бессонница. Я, пожившись, скосила глаза на Вацлава. Тот с непроницаемым видом смотрел на тени на стене, и на лице его не дрогнул ни один мускул. Не сбрендил же он, приободрилась я, и меня, надеюсь, эта беда обойдет. В конце концов, с тех пор как я приехала в Париж, у меня было столько шансов тронуться умом, что мое психическое здоровье все-таки внушает оптимизм на будущее. Которого у меня нет. Потому что если я не тронусь рассудком, то, с большой вероятностью, получу смертный приговор в результате выяснения некоторых

подробностей моего недавнего прошлого.

Ипполит многозначительно кашлянул и задал вопрос, который, судя по всему, произносил не впервые:

— Вы по-прежнему согласны на процедуру?

— Да, — кивнула я. — Не терпится начать.

— Что ж, — Ипполит неприязненно взглянул на меня, — присаживайтесь.

И указал на три кресла перед столом. Центральное из них, предназначавшееся для меня, было повернуто лицом к старейшинам. Два других стояли перпендикулярно по бокам, так, чтобы сидевшим в них Вацлаву и Андрею был виден мой изящный профиль.

Кресло, которому отводилась роль пыточного, оказалось на удивление мягким и удобным. Век бы сидела. Но затянувшаяся пауза начинала меня раздражать. Старейшины сурово таращились на меня, но допрос все не начинался. Я уже исподтишка косилась то на Вацлава, то на Андрея. А вдруг допрос уже идет, они всю копаются в моих мозгах, а я ничего не чувствую? Но нет. Они просто ждали. Вацлав — напряженно стиснув подлокотник кресла, так что побелели костяшки. Андрей — нетерпеливо барабанил пальцами по колену.

— Ну и чего мы ждем? — не выдержала я.

— Мы ждем четвертого старейшину, — сухо пояснил Эмиль.

Я невольно укорила Вероник. Могла бы в такой день быть пунктуальнее. Ожидание ужаса страшнее, чем сам ужас. А мне уже с трудом удастся сдерживать нервную дрожь. Хотя что взять с Вероник? Наверняка она пытается выбрать платье, соответствующее случаю, или зависла перед зеркалом, не зная, помаде какого цвета отдать предпочтение. А может, у «Шанель» сегодня началась распродажа?

— Вероник что, решила прошвырнуться по бутикам? — нервно вырвалось у меня.

— А при чем здесь Вероник? — надменно спросил Ипполит.

— Но ведь мы ждем четвертого старейшину, — растерялась я.

— Именно так, — повел подбородком Ипполит. — Но Вероник Нуар ею больше не является.

Я пораженно взглянула на него. Что он такое говорит?

— Вероник Нуар отстранена от дел, так как ее легкомысленное поручительство за вас обернулось трагической гибелью Элен Громов.

Оглушенная этим известием, я поникла. Щеки запылали от чувства вины. Я подвела Вероник, ее исключили из старейшин. Но если не ее, тогда кого же мы ждем?

Дверь распахнулась с таким грохотом, что чуть не слетела с петель. В комнату ворвался отец Лены.

— Прошу простить меня за опоздание, — прерывисто сказал он, на ходу расстегивая пальто. — Я отдавал распоряжения по поводу похорон дочери.

Он рванул шарф на шее с такой силой, как будто тот душил его.

— Мы понимаем, Василь, — с сочувствием кивнул Эмиль и указал на свободный стул рядом с собой. — Садитесь.

— На каком основании... — начал Вацлав, поднимаясь из кресла, но ответ Пьера упал ему на плечи, усадив обратно.

— Василь Громов избран в Совет старейшин согласно правилам нашего Клуба минувшей ночью.

Отец Лены занял свое место среди старейшин и поднял глаза на меня. Его потемневший от ненависти и горя взгляд впился в меня уколом общего наркоза, от которого мигом онемели руки и ноги.

— Не бойся, — успокаивающе шепнул Вацлав, — он всего лишь наблюдатель.

— Что ж, раз все в сборе, — Пьер обвел взором присутствующих, — приступим.

Он поднялся с места, взял в руки графин с водой, стоявший в центре стола, и до краев наполнил хрустальный бокал. Только сейчас я заметила, что других бокалов на столе нет. Значи, это не вода, а что-то другое?

Пьер поставил бокал на край стола и велел мне:

— Выпейте.

Я растерянно оглянулась на Вацлава. Он, бледный и вытянувшийся, как стрела, коротко кивнул.

— Это часть процедуры, — снизошел до пояснения Пьер. — Это для того, чтобы вы не сопротивлялись и не закрывали свои мысли.

Я поднялась с места, взяла бокал и поднесла его к губам. В нос ударил запах спирта.

— Но это же... водка? — в изумлении спросила я.

— У нас нет времени, чтобы поить вас шампанским, — ядовито процедил Ипполит. — К тому же можете считать это знаком уважения к вашей стране.

Ага, значит, никакой магии и сыворотки правды. Что у трезвого в голове, то у пьяного на языке. А что у пьяного на языке, то и при ментальном допросе обнаружить легко. К тому же учитывая, что за свои двадцать три года водки я не удосужилась отведать ни разу, развезти меня должно капитально.

Мое замешательство Ипполит расценил по-своему.

— Быть может, желаете сделать чистосердечное признание? — Он с гадкой улыбкой придвинул ко мне листок на краю стола.

Я отчаянно мотнула головой и влила в себя содержимое бокала. Желудок скрутило судорогой, как в первый раз, когда Вацлав заставил меня попробовать кровь. Перед глазами поплыло. Тени от свечей, стелившиеся по полу, внезапно оскателились страшной пастью химеры, я пошатнулась и рухнула в кресло. Хрустальный бокал выскользнул из руки и рассыпался колокольчиками по полу. Не сомневаюсь, химера жадно поглотила его звон.

— Жанна, — колоколом прогудел в ушах голос Пьера, — посмотрите на меня.

Противиться ему было невозможно, я подняла голову, встретила взглядом со старейшиной, и перед глазами как будто выключили свет.

— Она ваша, — пропел колокол, — приступайте.

Кресло подо мной исчезло, и я рухнула в пропасть.

Чернота была повсюду. Она черноземом стелилась под ноги, чернилами заливала глаза, шершавым саваном пеленала руки, вулканическим песком забивала губы, беззвездной бездной разверзалась вокруг.

Это было странно, непонятно, но совсем не больно. До тех пор, пока чернота не закружилась черным смерчем, захватив меня в самый эпицентр, и паника не нахлынула на меня девятибалльной волной, не давая выплыть, погружая в пучину ужаса. Я закричала — громко, страшно, отчаянно. И в тот же миг смерч рассыпался черным песком, а вокруг меня повсюду с хлопками, прорывая темноту, стали открываться многочисленные двери. Я метнулась к первой, желая укрыться за ней, но даже не успела ступить за порог — ко мне с заливающим лаем кинулась дворовая собака, та самая, с разорванным ухом и злобно горящими глазами, которая так сильно напугала меня в детстве. Я бросилась наутек мимо распахнутых дверей, за которыми что-то зловеще ухало, злобно вопило и пугающе стонало, а собака неслась за мной по пятам, продолжая лаять. Я вбегала в раскрытые двери, и сердце еще больше заходило от ужаса: там меня поджидали то чудовища из фильмов ужасов, то ожившие персонажи моих кошмаров. За одной из дверей оказалось кладбище с ожившими мертвецами, за другой — тупик в центре Москвы, куда меня загнала одетая в черный плащ и маску Нэнси, за третьей — туалетная комната в клубе «Аперитив» с телом несчастной циркачки Мэй, которую я обнаружила первой, за четвертой — Инесса, замахвающаяся на меня шприцем со смертельной инъекцией, за пятой — непроглядная ночь в парке Замка Сов, и я бегу по проваливающемуся снегу, падаю и вижу мертвое лицо незнакомого мужчины и разбитый фотоаппарат... И сердце колотится от страха точно так же, как тогда, когда я нашла мертвую Мэй.

Казалось, все когда-то пережитые мною страхи, наяву ли или у киноэкрана, собрались в одном месте и преследуют меня. И не спрятаться, и не скрыться, и не спастись. Обрушатся все разом, набросятся беспощадно, так что сердце разорвется от ужаса, выпрыгнет из груди и

разобьется глиняными черепками по грязному полу.

И вдруг кто-то большой и теплый выдернул меня из этого кошмара, загородил собой, и я расплакалась от облегчения. А когда вытерла слезы, то в глаза ударил яркий свет солнечного дня и сердце до краев наполнилось радостью. Мы с Ленкой, держась за руки, летели вниз с американских горок и вопили от восторга. Но насладиться этим упоительным воспоминанием я не успела: вокруг меня, как на киноплёнке, замелькали самые счастливые моменты жизни. Радость первой пятерки, восторг от поездки на море, упоение победой от удачно сданных экзаменов в институт, опьянение первым поцелуем, счастье от моих первых в жизни «Маноло Бланик»...

Реальность вокруг изменилась, и я очутилась в гардеробной Вероник. Только теперь на вешалках висела моя одежда, а на полочках стояли мои туфли и сапожки. Я подошла к вешалке, с нежностью перебирая наряды. Мое первое вечернее платье — купленное для выпускного, сейчас оно кажется таким смешным и нелепым, а тогда я чувствовала себя в нем принцессой. Мое первое дизайнерское платье «Кавалли», с которого и началась моя любовь к именитым вещичкам. А эти топ и юбка — в них я была в тот вечер, когда встретила Жана. А вот и пальто — то самое нежно любимое «Поллини», которое Жан неосторожно запачкал моей кровью, и за это я разбила ему нос, не подозревая, что из-за случайного смешения наших кровей я стану вампиром...

Злость нахлынула так внезапно, что едва не сбила с ног, увлекла в черную пучину гнева, заклекотала в груди Ниагарским водопадом. И вот уже весь мир вокруг — черная дыра, и вот уже все вокруг — враги. Время будто сошло с ума — то откидывает меня в далекое прошлое, то возвращает к событиям последних месяцев. То я десятилетняя девочка, сжимающая кулачки и выкрикивающая проклятия школьному обидчику, то я недавняя Жанна, яростно наносящая удары Гончей Лаки — спасшей меня от смертельной инъекции Инессы только для того, чтобы прикончить самой. Ненавижу, ненавижу, убила бы...

Время делает мертвую петлю, отбрасывая меня на виллу на тропическом пляже, и вот уже я с ненавистью отбиваюсь от охранника Жана и погружаю ногти-лезвия в открытое плечо вампира. Парень воет дурным голосом и отшатывается. На его плече зияет рваная рана, и из нее хлещет кровь. У меня в глазах темнеет, я припадаю губами к плечу, а когда прихожу в себя, на кровати подо мной лежит безвольное тело вампира. Его горло словно перерезано бритвой, а правое плечо как будто рвала на части свора собак. Под ним по белой простыне растекается кровавое пятно. Я вытираю рукой мокрые губы, и на ладони остается кровь. Не моя, чужая... «Дьявол! — оглушает меня голос другого охранника, врывающегося в комнату. — Говорил же — девчонку не трогать!» Пораженное лицо, недоумение в глазах, а еще я вижу в них смерть — не свою, Вацлава. И этого достаточно, чтобы ненависть вновь захлестнула меня. Я задыхаюсь от гнева, хватаю первое попавшееся под руку — флакон духов, и пробиваю им голову вампира. Насмерть. Терпкий аромат розы, амбры и пачули смешивается с запахом крови и смерти. Я задыхаюсь, мне просто нечем дышать...

Опять кто-то спасает меня, выдергивая из страшных воспоминаний, ласково гладит по голове, наполняет сердце светом и добротой, и вот я уже вспыхиваю ярким фонариком, горя любовью ко всему миру. К маме, которая читает мне сказку на ночь. К отцу, который отвел в зоопарк. К бабушке, которая разрешает стаскивать с подушек кружевные накидки и играть в невесту... Любовь захлестывает меня, извергается из сердца солнечным сиянием. «Бабулечка, я тебя люблю!» — целую милые бабушкины глаза, стирая с них растроганные слезинки. «Сашка, я тебя люблю!» — восторженно кричу я подруге, получая в подарок вожделенный серебряный браслетик от Тиффани. «Я люблю тебя, жизнь!» — кричу во всю глотку, стоя на обрыве над морем, и мой крик разносится по безлюдному пляжу, лежащему у ног, и улетает в бескрайнюю даль. «Я люблю тебя, Глеб», — шепчу в ответ на признания Глеба, тая в его объятиях и впервые чувствуя, что земля под ногами и впрямь кружится...

Счастье оборвалось в один миг — и вот я уже держу в ладони остывающую руку Глеба, и вот уже слезы застилают глаза, а сердце сжимается от боли. И снова черным-черно вокруг, и снова раздирают душу отчаяние и горе и разрушительным пожаром разгорается ненависть

к неизвестному убийце, ко всему миру, отобравшему у меня счастье. И вот уже полыхает бездна вокруг, грозя спалить всю вселенную, и я бегу по адову пеклу, шарахаясь от тягостных воспоминаний. Но какая-то злая, непреодолимая сила втягивает меня внутрь полыхающих до неба костров, заставляя заново пережить те моменты моей жизни, о которых я бы предпочла навсегда забыть. И снова я задыхаюсь от гнева и злости, и снова, раз за разом, раздираю горло и расшибаю голову вампирам, подосланным Жаном, и снова ожесточенно вдавливаю раскаленную Слезу Ненависти в сердце самого Жана. И опять мои враги оживают, и опять мне приходится повторить смертельный ритуал. Пальцы уже обожжены до самого мяса, с них лохмотьями слезает кожа, но я все упрямо срываю с шеи кулон со Слезой и бегу к Жану, чтобы нанести смертельный удар...

— Перестаньте! — доносится до меня откуда-то из другой вселенной голос Аристарха. — Прекратите это! Вы же убиваете ее!

Пожар, окруживший меня, с хлопком сжимается, как сигнал сломавшегося телевизора, и мир вокруг сужается до размеров зала в Замке Сов.

— Как вы смее прерывать ментальный допрос? — шипит Василий Громов, бросаясь к Аристарху, прорвавшемуся в комнату сквозь оцепление Гончих.

Но Аристарх уже склоняется надо мной, трясет за плечи, в страшном волнении вглядывается мне в лицо:

— Жанна, очнись, очнись!

Никак не могу сфокусировать взгляд, меня как пылесосом затягивает назад бездна, полыхающая пожаром.

— Что с ней? Жанна, очнись! Смотри на меня!

— Так бывает, — звучит злорадный голос Ипполита. — Она знала, на что шла, давая согласие.

— Нет, Жанна, нет! Вернись, слышишь!

Лицо Аристарха расплывается белой кляксой, бездна вновь обступает меня, и я лечу спиной в пропасть. Но на полпути меня сдавливают жаркие оковы сильных пальцев и рывком тянут назад.

— Вернись, — повторяет голос Вацлава, — вернись, тебе туда не нужно.

На мгновение его лицо падает на мое, и ухо обжигает шепотом:

— Ты нужна мне.

И в тот же миг бездна разлетается миллиардами звезд, и лишь две из них остаются на земле — в глазах Вацлава.

— Очнулась, — с облегчением выдыхает Аристарх и отпихивает Вацлава в сторону, чтобы обнять меня.

Пьер обращается к Андрею:

— Вы узнали все, что нужно? Или желаете продолжить допрос?

Аристарх гневно оборачивается к столу:

— О продолжении не может быть и речи! Вы и так ее чуть не убили. Что вы за наблюдатели такие? Я подам протест в Высший суд.

— Я узнал достаточно, — докладывает Андрей.

— В таком случае попрошу обоих дознавателей остаться здесь и сообщить нам результаты допроса. Вы, — Пьер, не глядя, кивает в нашу сторону, — ждите за дверью.

Аристарх бережно обнимает меня за плечи и влечет к выходу. В коридоре нас тут же окружает кольцо Гончих. Аристарх, не замечая их, ведет меня в соседнюю комнату и усаживает на диван. Гончие занимают места у двери и у окна. Можно подумать, у меня сейчас есть силы бежать!

— Жанна, — спустя целую вечность решается спросить Аристарх. — Что там было?

Я медленно качаю головой. Такое передать невозможно. Аристарх понятиливо кивает и прижимает меня к себе. Я с трудом успокаиваюсь в его отеческих объятиях и пытаюсь вычеркнуть из памяти воспоминания, которые стаей потревоженных ворон проносятся у меня в голове. Я ожидала, что ментальный допрос оживит события последних дней, но все

оказалось совсем другим. Меня заставили заново пережить самые яркие эмоции в моей жизни. И я догадываюсь, кто за чем стоит. Страх, гнев, боль, злость, ярость, ненависть — это с дотошностью препаратора исследовал Андрей. Радость, счастье, доброта, любовь — это воскресил в моей памяти Вацлав. Выворачивающая наизнанку бездна — это Андрей. Слепящее до слез счастье — Вацлав. Один пытался меня осудить, второй — оправдать. Вот только у него ничего не вышло. Потому что Андрей сумел раскопать то, что я страстно желала забыть. Размозженный череп охранника Жана, удивленное лицо Вацлава и его слова: «Ты можешь стать хорошей Гончей». Скорчившееся у моих ног тело Жана. Кровь на моих руках, смерть на моей совести.

Я вздрагиваю как ужаленная от телефонного звонка. Аристарх, чертыхаясь, достает мобильный.

— А, Моника, привет... — устало отвечает он.

Я поднимаю голову, услышав имя московской старейшины, и только сейчас с дрожью замечаю, что за один вечер у деда полностью побелели виски. Сколько же он пережил за сегодня!

— Пока ничего, — говорит Аристарх и отчаянно пытается бодриться. — Только что закончился ментальный допрос. Да, к счастью, все обошлось. Она в порядке. Мы рассчитываем на оправдательный приговор. Готовьте вечеринку по случаю нашего возвращения!

Мне хочется закрыть уши руками. Кого он пытается обмануть? Меня? Моника? Или себя?

Приговор, который вынесут мне старейшины после рассказа Андрея, очевиден. Но у Аристарха есть еще несколько мгновений надежды, и я не буду их у него отнимать. Это самое меньшее, что я могу сделать для своего бессмертного деда.

Рассвет уже стучался в окна Замка Сов, когда нас с Аристархом пригласили в зал для оглашения итогов.

Судя по мрачному торжеству в глазах Василия Громова, плохо скрываемому злорадству Ипполита, удовлетворенности на лице Андрея и отрешенности Вацлава, в своих прогнозах в отношении приговора я не ошиблась.

Четверо Гончих встали у дверей, Андрей с Вацлавом заняли место у окна. Мне предложили присесть в пыточное кресло, а Аристарх остался стоять за моей спиной. Пьер на правах главы заседания поднялся из-за стола и принялся зачитывать бумагу, которую держал в руках:

— В результате ментального допроса дознавателем со стороны обвинения были зафиксированы три убийства, совершенные обвиняемой. Убийства двух охранников Жана Лакруа, совершенные в состоянии аффекта, и убийство самого Жана Лакруа, кровного наставника обвиняемой, осуществленное со всем хладнокровием. Обвинение в убийстве фотографов с обвиняемой снимается, так как дневник памяти показал ее непричастность к этому преступлению. Что же касается убийств Изабель Дюбуа и Элен Громов, при ментальном допросе не обнаружено воспоминаний о совершении преступлений, что могли бы послужить несомненным доказательством вины. Однако общая склонность обвиняемой к агрессии и совершенные ею ранее убийства позволяют нам сделать вывод о высокой вероятности ее причастности к этим убийствам. Учитывая все другие улики, указывающие на ее виновность в этих преступлениях, призываю каждого из старейшин и присутствующих здесь Гончих огласить свое решение по данному вопросу.

— Но вы не приняли во внимание сведений со стороны защитника, — вскинулся Аристарх.

— Сведения, предоставленные нам защитником со стороны обвиняемой Вацлавом Волковым, недостаточны для того, чтобы снять с обвиняемой обвинения или послужить смягчающими обстоятельствами для совершенных ею преступлений, — отрезал Пьер. — Итак, призываю всех объявить свое решение. Обращаю особое внимание, что в голосовании

принимают участие только члены парижского отделения Клуба. Итак, господа Гончие, начнем с вас...

— Виновна.

— Виновна.

— Виновна.

— Виновна.

— Виновна.

Пять слов — пять ступеней на эшафот, пять выстрелов в сердце, пять гвоздей в крышку гроба. Кто бы сомневался в отношении единогласного решения ищек во главе с Андреем.

— А теперь ваше слово, господа старейшины.

— Виновна, — процедил Ипполит.

— Виновна, — сердито буркнул Эмиль.

— Виновна, — отрывисто произнес Громов.

— Виновна, — последним огласил свое решение Пьер. — Итак, единогласным решением Совета старейшин и Ордена Гончих подданная Московского Клуба Жанна Бессонова приговаривается парижским судом к смертной казни.

— Приговор окончательный и обжалованию не подлежит, — добил меня Ипполит ударом топора по плече.

«Нет!» — завопило все во мне, но я крепко стиснула зубы, не давая крику вырваться наружу.

Но он все-таки вырвался — горестным воплем Аристарха:

— НЕТ!

Я уже слышала подобный крик — так кричал Громов над телом Лены. Я бросила взгляд на Василия и содрогнулась: на его лице было написано торжество. Моя смерть — единственный подарок, который может сделать ему судьба, отобрав дочь. И на этот подарок уже выписан чек за подписью старейшин. Осталось только обналичить его у самой Смерти.

— Обстоятельства расследования передаются в Высший суд для подтверждения приговора и назначения даты исполнения наказания, — добавил Пьер.

— Надежда еще есть, — сломленно шепнул Аристарх. — Я задействую все свои связи.

Ого, похоже, у меня появилась отсрочка.

— Но почему? — взвился Громов. — Ведь дело ясное, и ее вина подтверждена ментальным допросом.

— Такова процедура, Василь, — сдержанно ответил Пьер. — В деле задеты интересы двух отделений Клуба — московского и парижского. А такие вопросы всегда решаются Высшим судом.

Наверное, он хотел сказать, что Громову не стоит беспокоиться и меня рано или поздно прикончат, но вместо этого холодно посмотрел на меня и обронил:

— Однако не стоит обольщаться — это всего лишь формальность. Вина ваша доказана, и наказания вам не избежать. И последнее на сегодня, — он выразительно кашлянул, привлекая внимание. — В ходе открывшихся обстоятельств об участии Вацлава Волкова и Аристарха Алмазова в делах Жанны Бессоновой нами приняты следующие решения. Вацлав Волков за укрывательство Жанны Бессоновой отстраняется от руководства Московским Орденом Гончих. Аристарх Алмазов за укрывательство Жанны Бессоновой и передачу ей амулета особой ценности исключается из Совета старейшин Московского Клуба.

— Но вы не можете! — вырвалось у меня. — Как вы можете принимать такие решения за граждан другой страны?

— Все по правилам, Жанна, — остановил меня Вацлав. — При открывшихся обстоятельствах это допускается.

— Попрошу вас передать нам Серебряную Слезу, — обратился ко мне Пьер.

Не отводя от него взгляда, я задрала водолазку, на ощупь расстегнула застёжку пирсинга-замочка и с хлопком положила его на стол перед старейшинами.

В машине по пути обратно Аристарх объяснил мне, что Высший суд — это тринадцать старейшин со всего мира, которых произвольно выбирает компьютер. Они должны ознакомиться с материалами дела и подтвердить или обжаловать приговор.

— Нам еще повезло, — повторял он, нервно теребя край перчатки. — Высший суд привлекают только для решения международных вопросов, когда затронуты интересы разных отделений Клуба. Если бы решение принималось одним Клубом...

Он не договорил, но все было понятно без слов. У меня перед глазами стояло бледное лицо Нэнси, которую осудили за один вечер, и приговор тогда привели в исполнение незамедлительно. Все улики были против нее, ее вина не вызывала сомнений, а Нэнси призналась во всем и без ментального допроса. Правда, она до последнего верила, что ее спасет заступничество Аристарха. Ведь ее вина была не такой сильной — всего лишь неудачное покушение, не убийство. Но в тот вечер я убедилась, что законы Клуба очень суровы к преступникам. Второго шанса Нэнси никто не дал. И я сама удивлялась, что до сих пор жива.

— Я добьюсь отсрочки, — как заведенный повторял Аристарх. — Вацлав найдет настоящего убийцу, и с тебя снимут эти чудовищные обвинения.

Я отрешенно смотрела в окно на полную луну. Я была еще жива, а головы уже полетели. Вероник исключили из старейшин за то, что не уследила за мной. Вацлава сняли с поста главы Гончих за то, что умолчал о совершенных мной преступлениях, записав их на свой счет. Аристарха временно отстранили от дел за то, что тайно передал мне Серебряную Слезу.

И хотя я, вопреки всем рискам, связанным с проведением ментального допроса, все еще была жива и даже не тронулась умом, оптимизма это не прибавляло. Какая мне теперь разница? Ночью раньше, ночью позже.

Правда, луна рисует такие восхитительные кружева на темной кромке сугробов, что ради этого стоит задержаться на свете одну лишнюю ночь.

Их было пять. Пять лун, не похожих одна на другую. Символично, что ментальный допрос и вынесение приговора пришлось на полнолуние. А уже со следующей ночи луна принялась таять. Каждую ночь голодная бездна жадно вгрызалась в серебряный диск, откусывая от него все большие и большие куски. Луна стремительно убывала, и чем меньше ее становилось, тем быстрее приближалась к бездне я.

Аристарху ничего не удалось добиться, несмотря на все свои связи. Пять дней после приговора я его почти не видела — он все время где-то пропадал, а когда появлялся, его телефон разрывался от звонков и он, нахмутив брови, то умолял, то ругался на всех языках мира. Вацлав тоже не радовал меня своими визитами — Аристарх обмолвился, что Гончий бросил все силы на расследование в надежде отыскать настоящего убийцу и оправдать меня.

Когда на небе появилась шестая луна, в мою темницу без стука вошел Андрей. Остановился у порога, смерил меня долгим, пронизывающим взглядом. Я выжидающе подняла глаза и, не выдержав его молчания, спросила:

— Чем обязана?

— Пришел ответ от Высшего суда.

И замолчал.

У меня хватило сил не сорваться, не подскочить к нему, не опуститься до мольбы сообщить мне решение.

Андрей молчал целую вечность, пока не понял, что я не пророню ни слова.

— Они одобрили решение Парижского суда, — скупое сообщил он. — Приговор будет приведен в исполнение через три дня.

Всем своим видом являя торжество правосудия, он повернулся, чтобы уйти.

Я окликнула его на пороге:

— Андрей, может, скажешь, почему ты меня так люто ненавидишь?

В лунном свете лицо Гончего было бледным, как маска Пьеро, а губы сложились в

трагическую гримасу, которая совершенно не соответствовала сарказму ответной реплики:

— А чем ты заслужила мою любовь?

— Я ее и не добивалась, — будучи задетой, возразила я. — Но и подобной ненависти к себе я не заслуживаю.

— Ошибаешься, — в запальчивости бросил он. — Только ее ты и заслуживаешь.

Он отвернулся и рванул на себя дверь, словно не желая больше ни минуты находиться рядом со мной.

— Андрей, — окликнула я его, — что стало с той девушкой? Рыжей, которая водила мотоцикл?

Это был выстрел в спину. Его плечи сгорбились, рука, занесенная к двери, повисла безвольной плетью. Глаза Гончего, когда он обернулся, были глазами столетнего старика, пережившего все беды мира.

— То же, что с Изабель. То же, что с Леной Громовой, — надтреснуто произнес он. — Многочисленные ножевые ранения. Живого места не осталось. Только преступника так и не нашли.

Его взгляд ударил по мне автоматной очередью, и я невольно отшатнулась. Такой же взгляд у него был тогда, когда он кинулся душить меня в машине, и я испугалась повторения. Но опасаться мне было нечего: Андрей еще не испил свою чашу возмездия до дна. Теперь становились понятными и его резкая перемена в отношении ко мне в тот вечер, когда он приехал за мной в Замок Сов, и та его внезапная вспышка ненависти, когда руки тиски сомкнулись на моей шее, и его страстное желание осудить меня. Виновник гибели рыжей мотоциклистки остался безнаказанным. Уверена, Андрей предпринял все возможное, чтобы выйти на след преступника, но потерпел фиаско. Ненависть, переполнявшая его к убийце все это время, не находила выхода, пожирала его изнутри. И вот — похожее преступление и подозреваемая, на которую указывают все улики. У зла наконец-то появилось лицо, а у ненависти — объект. И Андрей бросил все свои силы на то, чтобы виновный понес наказание. Его участие в моем деле — своеобразный реванш. Для Гончего я стала олицетворением убийцы, отнявшего у него любимую. Это не меня он тогда душил в машине — его, неизвестного, душил. Не меня он тащит на эшафот — его, ненавистного, тащит. И теперь он смотрел на меня победителем. Он, принеший мне весть о казни, смаковал мое отчаяние, и неотвратимость расплаты впервые за долгие годы согревала его сердце. Как когда-то в другой жизни, когда он был беззаботным мотоциклистом с Воробьевых гор, его сердце грела любовь рыжей подруги.

Испив моей обреченности досыта, он вышел, чуть не сбив с ног Аристарха.

— Стервятник, — донеслось до меня из коридора. — Поторопился донести!

О решении Высшего суда я узнала из уст моего главного обвинителя. И Аристарх не мог ему этого простить.

— Жанна... — Дед появился на пороге, постаревший лет на двести.

— Ничего не говори, — остановила я его. — Ни слова о плохом. У меня впереди целых три бесценных дня, и я хочу провести их так, чтобы их ничто не омрачало. Ты побудешь со мной?

Он порывисто кивнул, пересек комнату и прижал меня к груди.

— Я и так потерял целых пять ночей вдали от тебя, — пробормотал он, целуя меня в висок, — и не собираюсь растратить оставшиеся три.

О чем думают люди перед смертью? Об ошибках, которые совершили? О победах, которые достигли? Перебирают в памяти драгоценные мгновения жизни? Каются в грехах? Не знаю, могу сказать только за себя. Я жалела о том, что жила одними шмотками. И вспомнить-то нечего: все сплошь погони за новыми туфельками, накопления на новое платье, радость от обладания долгожданной вещью. Все это теперь казалось таким мелким и ничтожным. Теперь я укоряла себя, что мало времени проводила с бабушкой и могла легко променять встречу с ней на прогулку по магазинам. Жалела, что в моей жизни не было

великой любви. И что не успела всласть нацеловаться с Вацлавом. А еще было горько оттого, как пусто и скучно я жила.

— Знаешь, — делилась я с Аристархом, — я ведь во время ментального допроса многое поняла для себя. Вацлав пытался отыскать во мне что-то хорошее, доброе, но почти ничего не нашел. Что я в своей жизни сделала для других? Ничего. Я всегда думала только о себе. О шмотках. О моде. Я врала бабушке, что не могу ее навестить из-за завала на работе, а сама бежала в магазин примерять туфли. Я отворачивалась от нищих, оправдывая себя тем, что их занятие — всего лишь бизнес и на самом деле они не бедствуют, а их жалкий вид — просто форма одежды. Когда на работе собирали деньги для фонда сирот, я дала только жалкую сотню, потому что мне важнее было накопить на сумочку «Прада». Я покупала сосиску для бездомной собаки и бежала дальше, чувствуя себя благодетельницей. Но я ни разу, ни разу не принесла домой бездомного щенка или котенка, не попыталась найти им хозяина...

— А как же Маркиза? — возразил Аристарх.

— Моя отважная Маркиза... — Я улыбнулась, вспомнив черную кошку, приблудившуюся к ресторану «Подземелье». Она героически набросилась на Инессу, дав мне несколько минут передышки в схватке с вампиршей, хотевшей меня убить. Я забрала кошку к себе домой, но это был не столько жест милосердия, сколько знак благодарности. Уезжая в Париж, я хотела отдать Маркизу бабушке Лизе. Но кошка, стоило поднести ее к порогу, принималась вырываться и царапаться. Пришлось оставить ее дома, а ключи вручить бабуле. Хорошо, жила она поблизости и могла навещать кошку каждый день. — Как она там?

— В порядке. Я заходил к Лиз перед отъездом. — Аристарх побелел как полотно и дрогнувшим голосом сказал: — Я обещал ей скоро привезти тебя.

Я отвела глаза. Интересно, как мои родные узнают о случившемся? Пора задать этот вопрос, пора назвать вещи своими именами.

— Что ты ей скажешь? Что я попала под машину? Отравилась лягушачьими лапками? Утонула в Сене? Упала с Эйфелевой башни?

— Она этого не переживет... — глухо произнес он. — Я не дам тебе уйти, Жанна. Я не дам тебе уйти. Я пообещал Лиз. Она верит мне.

— Тогда сделай так, чтобы она поверила, что я пропала, — предложила я. — Так у моей семьи будет хоть какая-то надежда... А знаешь, что самое печальное во всей этой истории? Когда я умру, никто обо мне не пожалеет, кроме тебя и моих родных. Потому что я совершенно никчемное эгоистичное существо.

— Не говори так, — вмешался он.

— Почему? Ведь это правда. И знаешь, сейчас мне очень хочется выжить. Потому что теперь я знаю, как распорядиться миллионами Жана. Я не буду бездумно скупать шмотки чемоданами, не буду заказывать себе гардеробную размером с самолетный ангар или покупать лимузин. Я отдам их тем, кто в них по-настоящему нуждается. Открою приют для бездомных собак, помогу детским домам и больницам. Впервые в жизни я сделаю что-то для других, а не для себя одной.

— Это остаточный эффект Слезы Милосердия? Смотри, еще немного — и заделаешься миссионеркой, как Ева Фиери, — мужественно попытался пошутить Аристарх, назвав имя прежней владелицы амулета, кинозвезды, оставившей карьеру и жениха и уехавшей в Африку, чтобы помогать бедным. Ева погибла во время нападения террористов на деревню, а потом Слеза попала к Жану.

А ведь я об этом даже не задумывалась. Мне было достаточно того, что Слеза умиряет вспышки гнева, которым я стала подвержена, заразившись кровью Жана. Казалось, что на большее ее силы не хватит. Неужели все дело в остаточном действии Слезы, а я сама ничуть не изменилась и ничего не вынесла из пережитого мной за последние месяцы?

— Жаль, что у тебя ее отобрали, — заметил Аристарх, поправляя черную перчатку на обожженной руке. — Хотя... — Он так и подпрыгнул на месте, осененный мыслью. — Слезу ведь передали на хранение Андрею? Что, если она на него подействует? Он смягчится и

засомневается, а там, может, и пересмотра дела добьемся!

Я покачала головой:

— Ты ведь знаешь, почему Андрей меня так ненавидит, правда?

Аристарх осекся.

— Его ничто на свете неспособно смягчить. Кстати... — Я вспомнила, как Вацлав на правах главы Гончих наливал яд для приговоренной Нэнси. — Это будет он?

Аристарх понял мой вопрос и, дернув щекой, коротко кивнул.

— Яд или гильотина? — почти небрежно поинтересовалась я. Казнь уже завтра, а я до сих пор не выяснила, что именно мне уготовано. Аристарх в разговоре всегда уклонялся от этой темы, да и я раньше боялась задать вопрос вслух.

— Героин, — глухо сказал он.

— Что? — Мне показалось, что я ослышалась.

— Все будет обставлено, как передозировка, — мертвым голосом произнес Аристарх. — Чтобы не возникло проблем с транспортировкой...

Он снова осекся, не находя в себе сил выговорить слово «тело», и на этот раз онемел надолго, пока телефонный звонок не вынудил его нарушить молчание.

— Моника! — Он с надеждой прижал трубку к уху. — Какие-нибудь новости? Тебе удалось с кем-нибудь переговорить? Что? Нет? — Его глаза потухли, плечи опустились, и он уныло закивал в ответ на эмоциональную речь Моники, доносящуюся из динамика, забыв о том, что собеседница его не видит. — Да-да, — равнодушно ответил он в завершение разговора. — Надеюсь, с ним все будет хорошо.

Лицо его было совершенно серо, глаза полны тоски. Видеть это было невыносимо.

— Что-то случилось? — окликнула я его, чтобы хоть как-то отвлечь.

— Пустяки, — Аристарх пожал плечами. — Моника все принимает чересчур близко к сердцу.

— Так что случилось? — настойчиво повторила я.

— Влад Карасик попал под машину, — рассеянно ответил он.

— О боже! Он жив? — с беспокойством спросила я, вспоминая худенькую фигуру юного хакера.

— Да конечно, жив, — отмахнулся Аристарх. — Всего лишь перелом руки. Не о чем волноваться. Но ты же знаешь, у Моники с ним роман, вот она и переживает.

— А водитель? — Почему-то кажется очень важным задать этот вопрос.

— Скрылся. Это-то больше всего и разъярило Моника. У нее пунктик: преступник должен быть наказан. — Он запнулся и отвернулся к окну.

Но мне и так все понятно. Моника не верит в мою невиновность. И Аристарху не стоит надеяться на ее заступничество в моем деле.

— Как хреново год начинается, — вырывается у Аристарха. — Сначала Эдик, потом ты, сейчас еще Карасик. У всех, кто ко мне близок, сплошные неприятности...

Ну да, вспоминаю я, Влад, как и погибший Эдик, посвящен Аристархом, он его наследник по крови.

Я подхожу к Аристарху сзади и обнимаю его, шепчу, сама не веря в свои слова:

— Все будет хорошо.

Он порывисто прижимает меня к себе и повторяет, как молитву:

— Конечно, иначе просто быть не может.

Глава 11

Последняя ночь моей вампирской жизни

Ночь, когда мое сердце остановилось, началась с круассанов, тирамису, кофе латте и большой подарочной коробки, перевязанной алой лентой.

— У меня такое впечатление, будто настал мой день рождения, — пробормотала я, глядя на Аристарха, вошедшего в комнату с подносом в одной руке и подарком в другой.

Еще более удивительным было то, что на нем был смокинг с розочкой в лацкане.

— Это еще не все! — Поставив поднос на столик, он вышел в коридор и принес еще одну коробку — поменьше размером.

Я потянула за ленточку первого подарка.

— Э нет! — Аристрах шутливо хлопнул меня по руке. — Сначала кофе и круассаны. А то остынут!

— Только не говори, что сам варил и пек. — Сгорая от любопытства, я отвернулась от подарков и взяла в руки теплый круассан.

— Не я. Лучший повар Парижа.

— М-м-м, — я проглотила кусочек, — охотно верю!

Пока я опустошала поднос, украдкой наблюдала за Аристархом. Вопреки моим опасениям, вид у него был не траурный, а скорее торжественный. Смокинг, роза в лацкане, до блеска начищенные туфли, тонкий аромат парфюма — он выглядел как жених в день свадьбы. При этом в его жестах и речи не было и тени волнения или намека на суетливость. Аристарх держался с большим достоинством, как и подобает старейшине. Пусть даже и разжалованному. Вот только глаза, запавшие, лихорадочно блестящие, выдавали его истинное состояние.

— А теперь — открывай!

Стоило отодвинуть в сторону поднос, как Аристарх уже протягивает мне коробки. Как будто ему еще больше, чем мне, не терпится, чтобы я их скорее открыла.

— Сначала большую, — командует он.

Я развязываю бант, снимаю крышку и замираю от восторга, выпуская на волю волну алого, как роза в кармане Аристарха, шелка. Пена кружева выплескивается наружу, растекается по моим коленям, льнет к пальцам.

— Какое великолепие! — зачарованно шепчу я, вынимая из коробки платье принцессы. С тугим корсетом, открытыми плечами и пышной юбкой, оно создано для сказочных балов, головокружительных вальсов, признаний в любви и поцелуев на летней террасе. Оно само совершенство. Чудо, созданное руками...

— Оскар де ла Рента? — не веря своим глазам, шепчу я, глядя на ярлычок. Эти платья носят арабские принцессы, самые богатые невесты мира надевают их на свадьбу, а кинозвезды блистают в них на церемонии вручения премии «Оскар».

— Тебе нравится? — с волнением спрашивает Аристарх.

Нравится ли оно мне? Платье от Оскара де ла Рента было моим самым заветным из самых несбыточных желаний. И вот мечта осуществилась — да только я не восточная принцесса, не счастливая невеста, ни кинозвезда на красной ковровой дорожке, а заключенная, которая ждет своей казни. Платье, которое обычно сопутствует самым счастливым моментам в жизни, станет свидетелем моих последних минут...

— Спасибо, — проглотив горечь, шепчу я Аристарху, благодарная за его щедрый порыв. — Это лучший подарок, который мне делали в жизни.

— Там еще туфли. — Он кивает на коробку поменьше.

Я замираю, держа платье на вытянутых руках — не в силах расстаться с ним ни на минуту, не в праве положить его на продавленный диван, и выворачиваю шею: что там, в другой коробке?

Аристарх понимает мои мучения и снимает крышку. Алые туфли, ослепительный лак, умопомрачительная шпилька, фирменная красная подметка. «Кристиан Лабутен»! Еще один символ роскоши и красивой жизни, о котором я всегда мечтала. И вот мечта сбылась, да только жить уже некогда...

С трудом отрываю взгляд от туфельного совершенства. Невыносимо расстаться с платьем — но кладу его в нутро коробки.

— Пожалуйста, верни их в магазин. А деньги отдай в первый детский дом, какой попадется на глаза.

— Тебе не нравится? — оторопело спрашивает Аристарх.

— Они стоят целое состояние! Я как-нибудь проживу и без этого. Тем более и жить-то осталось всего ничего. А кого-то эти деньги могут спасти.

— Ты сейчас же наденешь это, — твердо говорит Аристарх и добавляет, предупреждая мои возражения: — Это не обсуждается. Они только для тебя. И я обещаю, что детский дом до конца моих дней будет регулярно получать пожертвования от твоего имени.

Что ж, на такой компромисс нельзя не пойти.

— Ты не оставляешь мне выбора, — ворчу я, а пальцы уже тянутся к волшебному платью. — Выйди вон, мне надо переодеться.

Платье сказочное. Алое... Что ж, я рассматриваю себя в зеркале: в алом я ворвалась в Парижский Клуб, поправ вековой дресс-код, в алом все и закончится. Что ни говори, а цвет мне к лицу. Все портит только пожелтевший синяк от пальцев Андрея на открытом плече. Клеймо, низвергающее меня с пьедестала принцессы и выдающее во мне преступницу.

Я надеваю лодочки-«лабутены» и зову Аристарха. Он появляется на пороге с бутылкой шампанского «Вдова Клико» и двумя фужерами — как любовник, пришедший на романтическое свидание. Он доволен, засыпает меня комплиментами, чтобы скрыть свое смятение. Смятение отца, сделавшего подарок смертельно больному ребенку. Его руки дрожат, пытаюсь открыть шампанское, а я отворачиваюсь, делая вид, что любуюсь собой в зеркале, а на самом деле не в силах смотреть в глаза самому родному вампиру на свете. Смерть — это не страшно. Самое страшное — это вот эти минуты, когда уже ничего нельзя изменить, когда с каждым мигom смерть подкрадывается все ближе. Мне легче, для меня скоро все закончится. У Аристарха самое мучительное впереди. На целую вечность. Не знаю, сколько веков понадобится, пока поблекнет перед его взором алый шелк моего платья, пока память сжалится над ним и сотрет из памяти этот день.

Распахивается дверь, впуская в комнату сквозняк, и в зеркале за моей спиной возникает Андрей. Его появление сопровождается выстрелом пробки от шампанского. Я с надеждой смотрю на Гончего — собранного, серьезного, строгого и немного обескураженного моим нарядным видом. Похоже, мои молитвы услышаны. Не будет томительных минут ожидания и мучительных взглядов. Все случится быстрее, чем я думала.

— Пора, — говорит его отражение в зеркале, и я поворачиваюсь.

— Но до полуночи еще несколько часов! — восклицает Аристарх, инстинктивно закрывая меня спиной.

— Все уже собрались, — равнодушно отвечает мой палач. — Нет смысла тянуть.

И я вижу нетерпение в его глазах.

— Но время еще есть! — Аристарх готов отстаивать эти драгоценные часы насмерть, но я перебиваю его, обращаясь к Гончему:

— Я готова.

Он коротко кивает и выходит в коридор, придерживая дверь.

За моей спиной Аристарх наполняет фужеры шампанским и протягивает мне.

В его взгляде столько отчаяния, но он находит в себе силы ободряюще улыбнуться и сказать тост:

— За тебя!

Меньше всего мне сейчас хочется шампанского, но, не в силах отказать деду, я делаю глоток. Изысканное игристое вино, которое я всегда мечтала попробовать, кажется отравленным смертью, гниением и тленом, и, преодолевая тошноту, я залпом опрокидываю в себя бокал.

Под неусыпным надзором главного Гончего Аристарх галантно протягивает мне руку, я беру его под локоть, и мы выходим из комнаты навстречу моей гибели.

В зале на первом этаже, куда проводил нас Андрей, за дубовым столом сидят Василий Громов и Ипполит. Я оглядываюсь по сторонам и все еще не могу поверить: Вацлава нет. Он даже не пришел со мной проститься! Но мои телодвижения истолковывают неверно. Двое Гончих, чьих имен я так и не узнаю, остаются за дверью. Еще двое становятся у окон с

зелеными бархатными шторами, всем своим видом демонстрируя, что живой я отсюда не выйду.

Ипполит окутывает меня своим плесневелым взглядом. Громов впивается в меня глазами, желая досыта испытать моего страха, отчаяния, растерянности, и рассерженно хмурит брови, наталкиваясь на мое равнодушие. Мне теперь все равно. Вацлав не пришел. А все остальное неважно.

Аристарх стоит рядом, сжимая мою руку, как жених перед алтарем.

— Что ж, — нарушает молчание Ипполит, в отсутствие Пьера беря на себя главенство, и придвигает к себе пачку бумаг. — Согласно протоколу ментального допроса и показаниям...

— Давайте ближе к делу, — перебиваю его я, испугавшись, что он решит зачитывать всю пачку.

Ипполит с изумлением поднимает глаза.

— Вина моя доказана, наказание известно. Начинайте. — Я не прошу, а приказываю. Платье, достойное королевы, придает мне поистине королевской выдержки и добавляет в голос повелительные нотки.

И Ипполит не смеет ослушаться. Да и не хочет. Он подвигает к краю стола резной ларец и кивает Андрею.

Аристарх сжимает мою руку так, что я едва не вскрикиваю от боли. Двое Гончих отделяются от окна и подходят к нам с намерением оттеснить от меня деда.

— Господин Алмазов, — звучит голос Ипполита, — если вы не отойдете, я буду вынужден выставить вас вон и отказать в вашей просьбе присутствовать во время, хм, процедуры ликвидации.

Аристарх разжимает пальцы, порывисто обнимает меня и отступает назад, споткнувшись на ровном месте. Гончие встают по бокам от меня, как стражи. Голыми плечами чувствую взгляд Аристарха, полный смертельного отчаяния, но платье не дает сгорбиться. Я расправляю плечи и, вздернув подбородок, наблюдаю за Андреем.

Он открывает ларец и вынимает оттуда шприц и смертельную ампулу. Медленно, очень медленно наполняет шприц наркотическим ядом и поворачивается ко мне.

Гончие, как по команде, хватают меня за локти, но я ожесточенно стряхиваю их пальцы и приказываю Андрею:

— Пусть уберут руки.

И, предупреждая его возражения, добровольноставляю для укола плечо, на котором клеймом темнеет синяк.

Андрей делает шаг ко мне, и время замедляется. Мрачное торжество в его глазах — этой минуты он ждал несколько лет с гибели своей рыжей. Сурово сжатые губы — даже не верится, что в другой жизни я мечтала о его поцелуе. Напряженно сжатые пальцы — кажется, они сейчас сомнут шприц и смертельная влага потечет по ладони. Пальцы другой руки касаются моего плеча, обходят синяк, деловито выискивая место для укола. На лбу Гончего выступают капельки пота, ноздри хищно раздуваются в предвкушении свежей крови.

— Готова? — Он смотрит на меня, впитывая выражение моих глаз и желая запечатлеть в памяти последние мгновения моей жизни.

Я киваю.

Его рука поднимается, острие иглы подрагивает в сантиметре от моей кожи, примеряясь.

— Только осторожней, платье не запачкай, — добавляю я. — А то я от этого зверею.

Он хищно ухмыляется, оценив мою шутку, и чуть отводит руку, чтобы в следующий миг пронзить вену. Но не успевает. Откуда-то сбоку сорванной пружиной вылетает черный силуэт и раскидывает стоящих по бокам Гончих.

Рука Андрея даже не дрогнула. Игла по-прежнему в сантиметре от моей кожи. Вот только Аристарха волокут к двери, скрутив за руки, а на полу у моих ног лежит растоптанная

алая роза, сорванная с его лацкана. Он ругается по-французски и выворачивает голову, до последнего не отрывая от меня взгляда. Двери захлопываются, навеки отсекая от меня деда, и из-за них доносится ругань и шум борьбы.

На лице Громова — ухмылка. Ипполит презрительно кривит рот и выплевывает:
— Продолжим.

Андрей наступает подошвой на розу, одной рукой обхватывает меня за локоть, фиксируя мою руку, в другой — шприц, которым он снова примеряется к моему плечу.

Голоса за дверью не умолкают, только усиливаются. Мне кажется, что я слышу голос Вацлава. Примерещилось, конечно. Это Аристарх разбушевался не на шутку, ввязавшись в яростную драку с четырьмя Гончими. Надеюсь, из уважения к его прежнему статусу они не сильно его помнут.

Укол в плечо заставляет меня опомниться и осознать: вот они, последние секунды моей ничемной жизни. Ненавидящий взгляд Андрея, шум борьбы и звон разбитого стекла из-за запертых дверей, перекрывающий все голос Вацлава:

— Остановите это!

Игла проколола кожу, но Андрей медлит, не торопясь пускать яд мне в вену и упиваясь своей властью над моей жизнью.

В следующий миг гремит гром — это дверь слетает с петель, и в зал, расшвыривая в стороны Гончих, врывается Вацлав.

Андрей оторопело замирает. Громов вскакивает с места:

— Что вы себе позволяете?

Ипполит поддерживает его срывающимся от крика голосом:

— По какому праву? — И командует поднимающимся Гончим. — Взять его!

Но Вацлав успевает оттолкнуть Андрея от меня, одной рукой привлекает меня к себе, а другой швыряет на стол перед старейшинами лист бумаги. Гончие замирают, готовые в любой момент наброситься на нас, но пока держатся в стороне.

— Что это? — Громов неприязненно косится на лист.

— Это — результаты вскрытия Изабель Дюбуа.

Я выжидающе скидываю глаза.

— Процедура задержалась из-за снегопада и сбоя в электричестве, — поясняет Вацлав. — Потом судмедэксперты непозволительно манкировали своими обязанностями и только час назад подписали заключение. — Он бросает яростный взгляд на Андрея. — С нарушениями в процедуре расследования я еще разберусь потом. А пока ознакомьтесь с заключением.

— И что это меняет? — шипит Ипполит.

— Изабель умерла не от потери крови вследствие многочисленных ударов ножом, — объясняет Вацлав. — Она скончалась от кровоизлияния в мозг.

— Как? — потрясенно восклицаю я.

— А затем некто вонзил нож в грудь уже мертвой Изабель и выцедил из нее всю кровь — в полном соответствии с твоими словами, брошенными ей в запальчивости. — Вацлав впервые за все время смотрит мне в глаза, и у меня подкашиваются колени. Как я могла подумать, что он бросил меня? — Кто-то хотел тебя подставить, Жанна.

— Но это просто немыслимо! — восклицает Громов, который уже мысленно закопал меня в землю. — И потом, это ничего не меняет! Моя дочь все равно мертва. — Он вскакивает с места, обходит стол и обвиняюще тычет в меня пальцем. — А ее гибель на совести этой девицы.

— А вы взгляните на вторую бумагу. — Вацлав кивает на стол.

— Это постановление об отсрочке приговора до выяснения обстоятельств, — с недовольным видом сообщает Ипполит, изучив ее. — Расследование будет продолжено.

— Это немыслимо! — повторяет Громов, разгневанно вышагивая перед столом, и оборачивается на нас с видом цепного пса, который и рад бы укусить незваных гостей, да цепь мешает. — Кем оно подписано?

— Высшим судом. — Ипполит кривит рот и вскидывает глаза на Вацлава. — Когда вы успели?

— Я едва не опоздал, — едва слышно говорит Вацлав, прижимая меня к себе. — Мне пришлось обзвонить их всех, чтобы получить эту бумагу.

— А вот это что? — Ипполит щурит глаза, разглядывая нижнюю строчку документа. — Не могу разобрать.

Вацлав неохотно отпускает меня и делает шаг к столу, чтобы взять в руки бумагу. А дальше начинается немыслимое.

Громов, все это время вышагивающий у стола, молниеносно бросается к Андрею, который по-прежнему держит шприц с наркотиком. Доля секунды, толчок — и вот уже шприц у него в руках. Громов в бешенстве. Он не может поверить, что убийца его дочери, уже стоя на плахе, избежит наказания. Он — сам правосудие, и его приговор мне окончателен, обжалованию не подлежит, не выдерживает никаких отсрочек и не нуждается ни в каких дополнительных расследованиях. В его глазах я вижу свою смерть. Она неумолимо приближается ко мне на острие иглы. И Громов не будет медлить, как Андрей, а вкатит мне в вену наркотик в один момент. Я уже не успеваю ни спрятаться, ни скрыться. Платье, такое роскошное, такое прекрасное, такое вдохновляющее, сковало мои движения, и я запуталась в юбке, как бабочка в паутине. А паук уже совсем близко... Вацлав не видит того, что происходит у него за спиной. Аристарх слишком далеко, чтобы успеть мне на выручку. Андрей то ли на самом деле ошеломлен, то ли просто делает вид, выдав несчастному отцу индульгенцию на месть. Игла уже совсем близко, соприкосновение неизбежно. Я беспомощно выставляю руку, чтобы оттолкнуть Громова, и хватаю рукав куртки Вацлава, который за секунду до неминуемого почуял, увидел, успел, бросился наперерез Громову, закрывая меня собой.

И в ту же минуту время, тянувшееся до этого так медленно, стремительно набирает ход. Я вижу молниеносные удары, которые наносят друг другу Вацлав и Громов, слышу звуки яростной борьбы, замечаю кинувшихся к ним отовсюду Гончих — и вдруг Громов отступает с перекошенным лицом, шприц с тоненьким звоном разбивается об пол, а Вацлав начинает оседать вниз. Я бросаюсь к нему, путаясь в юбке, спотыкаюсь, успеваю подхватить его голову до соприкосновения с полом и вижу розовое пятно от укола, которое набухает на его шее.

— Вацлав! — в панике бормочу я, глядя, как его зрачки расширяются, наливаясь чернотой. — Вацлав, нет, только не так, пожалуйста! Я же люблю тебя. Вернись, слышишь, вернись!

Жизнь стремительно уходит из его глаз, уступая место гибельной черноте. Руки, сжимающие мои, слабеют с каждой секундой.

— Ты нужен мне, — твержу я, как заклинание.

Именно эти слова, сказанные им, вытащили меня из пропасти безумия, и я цепляюсь за них, как за спасение, и повторяю — но он меня уже не слышит. Его пальцы отпускают мои, голова безвольно падает мне на колени, глаза закрываются, пряча полностью затопившую их черноту.

— Ну что, ты довольна? — кричит Громов, которого оттесняют к окну Гончие. — Он умер из-за тебя! Из-за тебя, гнусная тварь!!

Рядом опускается Аристарх, берет Вацлава за запястье, потерянно сообщает:

— Он мертв.

И в ту же секунду я умираю.

Вацлав

Если после новогодней ночи у него и оставалась надежда, то известие о наследстве одним росчерком пера на бумаге нотариуса стерло их с Жанной будущее. Богатая наследница и неприкаянный Гончий — ну не смешно ли? Теперь ее окружит свита из

принцев, арабских шейхов, нефтяных магнатов, голливудских идиолов. Ее жизнь станет чередой балов и светских раутов. Ему нет места ни на ее празднике жизни, ни в одном из принадлежащих ей замков. И его желание однажды увидеть ее среди своей команды так и останется несбыточной мечтой...

Он уже смирился с потерей Жанны, когда его разыскал убитый горем Аристарх. «Подозревается... в трех убийствах... суд». Он никак не мог понять, о чем тот толкует. А когда Аристарх сказал, что обвинением руководит Андрей, Вацлав понял, что дорога каждая минута. Если он не предъявит Андрею настоящего убийцу, тот Жанну не пощадит.

— Ты поедешь со мной? — сломленно проговорил Аристарх.

— Вылетаем первым же рейсом.

Он смирился с тем, что потерял Жанну из-за богатства. Но не мог допустить, что потеряет ее из-за судебной ошибки. Он вытащит ее, чего бы ему это не стоило, если только...

— Ты снимала Слезу?

Ее молчание было адом. Невозможно даже допустить, что Жанна могла совершить преступления, которые ей приписывают. Она не была убийцей, уж он-то знал. Ей приходилось убивать под влиянием обстоятельств, но то были совсем другие обстоятельства. Если только кровь Жана не оказалась сильнее, если только разрушительная сила француза не подчинила ее себе. Тогда уже он ничем не сможет помочь. Только проследить за тем, чтобы смерть ее была легкой.

Но пока еще есть надежда. Слеза Милосердия была спасительным алиби. И если Жанна не расставалась с ней, она спасена.

Он схватил ее за плечи, словно желая вытянуть из той пропасти, что под ней разверзлась.

— Ты ее снимала?

— Нет, — испуганно выдохнула она. И он едва не закричал от облегчения.

— Хорошо. — Он рывком притянул ее к себе, поцеловал в висок, чувствуя, как бьется под губами тонкая жилка. — Тогда я тебя вытащу.

Она доверчиво прильнула к нему всем телом, и сдерживаться уже не было сил. Этот поцелуй на краю пропасти вообрал в себя все несбывшиеся поцелуи, все произнесенные вслух признания, всю нерастраченную нежность. Встреча их губ — это прыжок в небо, это — парашют за спиной, это — восторг полета, это — передозировка счастья. Еще немного — и сердце кометой взорвется в груди, не выдержит этого нечаянного счастья... Он нашел силы отстраниться, отвел глаза — не в смятении, подальше от соблазна. Невозможно видеть ее покрасневшие от поцелуя губы и не припасть к ним снова.

«Не хватало еще, чтобы он извиняться принялся!» — донеслись до него сердитые мысли Жанны.

— Нет, — он встретился с ней взглядом, стараясь не смотреть на губы, вкус которых еще ощущал на своих губах, — извиняться я не буду.

— Я думаю, что ты прилетел за столько километров не для того, чтобы целоваться с узницей в подземелье, — запальчиво бросила она.

— Я прилетел потому, что не мог не прилететь, — вырвалось у него.

Она смотрела на него в ожидании. Но он не произнес ни слова — не потому, что не хотел. Потому что не время. Не сейчас, когда над ней дамокловым мечом висит приговор, и не здесь, не в этой сырой мрачной камере. Он обязательно ей скажет. Потом, когда все обвинения будут сняты, когда страх в ее глазах вновь уступит место радости жизни, когда она перестанет чувствовать себя зависимой от него, как сейчас, когда он — Гончий, а она — обвиняемая. Тогда он скажет и станет ждать ее ответа, как приговора. А пока надо заняться делом и как можно скорее выйти на след настоящего убийцы, чтобы отменить ментальный допрос...

— Отсрочки не будет. — Андрей стоял насмерть. — Все улики против нее. Допрос состоится завтра.

— Дай мне хотя бы два дня. Два дня — я не прошу больше. — Он просил отсрочки не

для нее, для себя.

— На это нет никаких оснований, — отрезал мальчишка.

— Андрей, я прошу тебя, в память о тех днях, когда мы работали вместе...

— Единственное, что я могу для тебя сделать, — с неохотой произнес тот, — так это утвердить тебя вторым наблюдателем.

Он что, издевается? Допрашивать ее, зная, какую боль ей при этом причиняет? Из защитника сделаться ее палачом? Вырывать из ее памяти воспоминания, понимая, что каждое такое вмешательство может помутить ее разум?

Ему хотелось набить мальчишке морду. Но вместо этого он, стиснув зубы, кивнул:

— Согласен.

Голова налилась свинцом, виски пронзило автоматной очередью — как тогда, когда допрашивали его самого. Он знает, каково это, когда посторонний человек роется в твоём сознании, выискивая самое тайное, самое сокровенное, обнажая самые дорогие воспоминания и самые постыдные секреты. Он постарается уберечь от этого Жанну, он не позволит Андрею причинить ей боль. На все факты, свидетельствующие против, он попытается найти доказательства ее невиновности. Пусть он не смог оградить ее от ментального допроса, у него еще есть шанс спасти ее от самого страшного...

— Вернись, — повторяет он, вытягивая разум Жанны из черного смерча безумия, — вернись, тебе туда не нужно.

Сердце замирает от отчаяния и чувства вины: не уследил, не уберег. Андрей коршуном накинудся на воспоминания об убийствах, которые Жанна стремилась вычеркнуть из своей памяти и спрятала так глубоко, что Гончему пришлось вырывать их из подсознания с корнем, как сорняки. Но этого Андрею показалось мало, он заставил ее переживать их снова и снова, с каждым разом повергая ее в безумие.

А теперь даже Вацлав не может выпепить ее обратно, этот смерч сильнее его. И только сама Жанна может его победить. Если захочет. Он наклоняется к ней и, боясь не успеть, шепчет:

— Ты нужна мне.

Успел. Услышала, захотела... Черный омут безумия в глазах сворачивается до точки зрачка.

— Очнулась, — с облегчением выдыхает Аристарх и отталкивает его в сторону, чтобы обнять внучку.

Аристарх посидел за этот вечер, ему пришлось еще хуже. Вацлав хотя бы был здесь, пытался помочь. Аристарху оставалось только ждать...

Он, пошатываясь, вышел из особняка, закрыл за собой входную дверь, прислонился к каменной стене, не в силах сделать ни шага. Как он будет жить теперь? Зная, что Жанна его ненавидит? Как ненавидел он тех двоих, которые бесцеремонно обыскивали его мысли, оживляли Эвелину, заставили его заново пережить боль и ужас ее гибели, упивались его тоской и отчаянием, разбили вдребезги хрустальные воспоминания о счастье и оставили после себя одни руины? После ментального допроса Вацлав собирал свою душу по кирпичикам. Остается только надеяться, что у Жанны тоже хватит на это сил. Сил, чтобы жить дальше. О том, что она простит его, он и не мечтает. Все вернулось на круги своя. Он снова превратился в чудовище, и единственное, чего он заслуживает, — это ненависть красавицы, которая считает себя преданной и обманутой.

Но сейчас не время опускать руки. Счет пошел на часы. Того, что узнал Андрей и что он вот-вот сообщит старейшинам, хватит, чтобы вынести обвинительный приговор. Значит, у него есть всего несколько ночей на поиски настоящего убийцы. Он не даст Жанне умереть. Он отобьет ее у смерти, чего бы ему это ни стоило...

Время будто сошло с ума, стрелки на часах крутились мельницей, приближая к развязке. Когда он стал вампиром, жизнь отпустила ему в кредит целую вечность. А сейчас стремительно собирала проценты, накопившиеся за долгие годы, отнимая минуты. Он не спал уже пять суток — не мог позволить себе роскоши потратить на отдых хотя бы час. Ведь

этот час мог стать решающим для жизни Жанны. Двойной эспрессо и кровь случайных прохожих были его энергетиком. Не было времени даже на то, чтобы выбрать донора. Чувствуя усталость, он подхватывал первого же голосующего у обочины и высаживал его через пару кварталов, наплевав на конспирацию. Если потребуется, он потом ответит по всей тяжести закона. Сейчас главное — спасти Жанну.

Нужных людей не оказывалось на месте, судмедэкспертов пришлось силой тащить в лабораторию и грозить трибуналом, чтобы они наконец занялись делом. К счастью, не напрасно. Появился шанс на отсрочку. Оставалось только дозвониться до представителей Высшего суда. Из-за разницы в часовых поясах ему пришлось выслушать ругательства на нескольких языках мира, а потом требовать, умолять, взывать к здравому рассудку или к доводам сердца. Одна рука на руле, в другой мобильный — он торопился к Жанне, на ходу собирая голоса судей. Время было беспощадно, парижские пробки сжигали драгоценные мгновения. А тут еще пришлось срочно искать Интернет-кафе, чтобы распечатать постановление Высшего суда с отсканированными печатями и подписями старейшин. Не будь хоть одной — Парижский совет ее не примет, а новоявленный старейшина Громов проследит, чтобы приговор привели в исполнение без промедлений.

Он успел в последний момент. Достаточно было одного взгляда на отрешенное лицо Аристарха, привалившегося к стене в коридоре, чтобы понять — процедура началась. Гончих, бросившихся к нему наперерез, он расшвырял, даже не замедлив шага. Сорванная с петель дверь полетела на пол, при виде иглы в Жаннинном плече невидимый кулак ударил в солнечное сплетение. Неужели опоздал?

Он бросился к ней, сметая всех на своем пути... Выдернул иглу из ее предплечья, прижал девушку к себе, все еще не веря своему везению — успел, обошлось! Безжалостное время смиростивилось в последний миг, дав спасительную минуту отсрочки.

— А вот это что? — Ипполит щурит глаза, изучая документы. — Не могу разобрать.

Невозможно выпустить Жанну из рук, но приходится разомкнуть объятия и сделать шаг. Движение за спиной он не увидел — почуял. Бросился наперерез Громову, уже понимая — не успеет. Каким-то чудом успел. Оттеснил его от Жанны, дал выход своему гневу: как он посмел поднять на нее руку? Из-за застилавшего глаза гнева и не заметил предательского удара...

Яд, предназначавшийся Жанне, хлынул в кровь стремительным фонтаном, ударил в солнечное сплетение и сбил с ног. Жанна с криком бросилась к нему, подхватила за плечи... В глазах — отчаяние и боль, каждая слезинка — концентрат горя, ни тени ненависти, которую он себе выдумал. Он хотел сказать ей: «Не плачь», но не смог даже шевельнуть губами.

— Вацлав, нет, только не так, пожалуйста! Вернись, слышишь, вернись!

Какое счастье отдать за нее жизнь, какая награда — увидеть, что он хоть чуть-чуть ей дорог...

— Ты мне нужен!

Как жаль, что он так и не успел сказать ей...

— Я же люблю тебя.

Не вынеся этого счастья, сердце взрывается в груди. Но света нет — только солнечное затмение, такое же, как в тот вечер, когда он впервые ее поцеловал...

* * *

Мое тело просто марионетка. Я киваю на реплику Аристарха, что-то отвечаю подошедшему к нам Андрею, краем глаза замечаю, как Гончие оттесняют Громову, но я больше не живу. В моем сердце — чернота, затопившая глаза Вацлава.

Я впервые глажу волосы Вацлава и осмеливаюсь коснуться пальцами его щеки, густо поросшей щетиной. В Париже ему было некогда бриться. Он искал возможность спасти меня.

Мне трудно плакать — грудная клетка стиснута корсетом. Я хочу сорвать с себя ненавистное платье, но не смею шевельнуться, чтобы не потревожить Вацлава. Кажется, что он просто уснул, и пока я сижу на немытом полу, вытирая подолом роскошного платья вековую грязь, оставленную сотнями казненных здесь вампиров, и держу голову Вацлава на коленях, кажется, что все это неправда. Что Вацлав откроет глаза и подмигнет мне. А я привычно огрызнусь и сделаю вид, что мне нет до него никакого дела. Хотя на самом деле — есть. Пора в этом признаться. Если не сейчас, то когда?

Мне дорога каждая его щетинка, и его родинка у глаза, и побелевший шрам на правой щеке, и губы, с которыми необходимо спорить, только бы не смотреть, не думать, не мечтать о поцелуе, потому что нельзя... Почему? Уж явно не из-за просьбы Глеба держаться от Вацлава подальше, которую он озвучил после того, как сам привел Гончего в мой дом. Глеба больше нет, и траура я не носила. Ничто не мешало смотреть, думать, мечтать. Ничто, кроме собственной гордости, которая не простила прежних насмешек, и напрасных обвинений, и секундных сомнений. А еще инстинкта сохранения, который предрекал, что эта любовь испепелит меня дотла. Ведь с Вацлавом нельзя по-другому — или держаться на расстоянии, или очертя голову шагнуть в огонь, отдаться на милость пожара, который бушует в его глазах. И я испугалась, и спряталась в бронежилет показного равнодушия, отгородилась колючей проволокой насмешек, только бы не выдать себя, только бы спастись. Дура, дура! Уж лучше однажды ощутить жар живого огня, чем всю жизнь мерзнуть у нарисованного камина.

Я наклоняюсь к его остывающим губам и бережно собираю с них последние крупинки жизни. Все равно, что он уже не может ответить на поцелуй, наплевать, что смотрят Ипполит, Громов и пятерка Гончих. Я не жду, что мой поцелуй воскресит Вацлава, я просто хочу вобрать в себя вкус его губ. Крепкий эспрессо и капелька крови. Неважно, сколько мне осталось прожить на свете, — я навсегда сохраню на губах этот кофейный привкус бессонных ночей, которые он провел в попытке спасти меня, и капельку крови в уголке рта — результат последней схватки с Громовым. А еще горячее дыхание его легких — слишком жаркое для вампира, который умер. И острые уколы щетины вокруг его губ, которые впиваются в кожу осиными укусами.

Сквозь дымку до меня доносятся голоса. Это Ипполит и Андрей спорят, как поступить с Громовым. Потом отца Лены уводят, и меня окликает Аристарх. Чтобы я его услышала, ему приходится опуститься на корточки и положить руку мне на плечо. Он хочет мне что-то сказать, судя по его глазам, что-то очень важное, наверное, ненужные мне сейчас слова утешения. К счастью, его зовет Андрей, заглядывая в зал, и Аристарх, бросая на меня беспомощные взгляды, вынужден выйти, оставляя меня наедине с Вацлавом.

Стрелки старинных часов у окна мерно отсчитывают время, все дальше уводя от тех минут счастья, когда Вацлав был жив, когда смотрел на меня, когда прижимал к себе, желая укрыть от всего мира. Тик-так. Все дальше от его прикосновений, обжигающих, как костер, все дальше от его жгучих взглядов, рождающих в душе целую бурю. Тик-так, тик-так...

Я оплакиваю нашу несостоявшуюся любовь, наше несбывшееся счастье. Я никогда не узнаю, каково это — быть его женщиной, ощущать его своим. Тик-так, тик-так.

Свечи, оставленные на столе, догорают, и теперь зал освещается только лунным сиянием. Кажется, что в нем вот-вот оживут призраки вампиров, которые умерли здесь, но даже призраки не смеют нарушить наше с Вацлавом последнее свидание. Только он и я. Его голова на моих коленях. Его холодная рука в моих окоченевших от горя пальцах. Мои отчаянные поцелуи на его колючих щеках. Мое дыхание на его губах. Мои слезы на его неподвижных ресницах.

Тик-так, тик-так...

Мои пальцы тянутся к сердцу Вацлава в отчаянной попытке разбудить его от смертельного сна, но натыкаются на внезапную преграду. Под подкладкой куртки я нащупываю кусочек картона. Я замираю — он носит его во внутреннем кармане под самым сердцем. Что же это? Листок слишком мал для документов, но крупноват для визитки. Это

фотография? Я бросаю взгляд на неподвижное лицо Вацлава и медлю, терзаемая соблазном. Чье изображение он носит под самым сердцем? А вдруг... сердце пропускает удар... мое? Искушение велико, но я неожиданно робею. Рука замирает на застегнутой до середины молнии куртки, не решаясь добраться до внутреннего кармана. Кажется, стоит только протянуть руку — как Вацлав перехватит ее и насмешливо посмотрит в глаза, уличая в постыдном поступке. Даже сейчас, будучи мертвым, он бдительно охраняет свою тайну...

Я еще сомневаюсь, но пальцы нетерпеливо дергают молнию и устремляются к заветному кусочку картона. Чувствуя себя дерзкой воровкой, я бросаю настороженный взгляд на лицо Вацлава, но на нем не дрогнет ни единый мускул. И тогда, решившись, я вынимаю картонку из внутреннего кармана куртки. Мои надежды увидеть на ней свое лицо разбиваются в прах, когда я вижу обратную сторону карточки — пожелтевшую от времени, истертую миллионом почтительных прикосновений, его прикосновений, с загнутым уголком, с потемневшей капелькой крови от старого ранения, с размашистой надписью латиницей на память и датой — 1843 год. Боже, какой он взрослый... Он старше меня почти на полтора века. Хотя какая теперь разница?

Я медлю не в силах пошевелиться, не решаясь взглянуть в лицо той, кто занимает все его мысли спустя долгие годы после смерти. Но безжалостная память вызывает в памяти образ, который я видела в глазах Вацлава в тот вечер, когда убили Глеба и когда я в запальчивости бросила Гончему, что он не знает, что такое — потерять любимого человека. Тогда на какую-то долю секунды самообладание ему изменило и я каким-то особым, присущим вампиру, видением углядела миловидную блондинку со старомодной прической и почуяла боль утраты, которая жила в сердце Вацлава все эти годы.

Я повернула карточку и встретила с блондинкой лицом к лицу. Это была даже не фотография — портрет. Краски на нем давно выцвели, превратив нарисованную девушку в призрак далекого прошлого. Но даже время не стерло счастья в ее глазах, не тронуло улыбки на ее лице. Так улыбаются женщины, которые любят и любимы, так высоко держат голову те, у кого за спиной разворачиваются крылья. И эти крылья ей подарил Вацлав. Когда-то они летали вместе. Потом он больше века ходил по земле один, оплакивая ее и не забывая о ней ни на минуту. Быть может, в эту ночь они встретились где-то в облаках...

Трясущими пальцами я вложила карточку обратно в карман и попыталась застегнуть куртку. Руки меня не слушались, молния поддалась только с десятой попытки и стояла мне поломанного ногтя. Спи, Вацлав, а я буду верить в то, что ты нашел свою давным-давно потерянную любовь...

Тик-так, тик-так...

Тают лунные кружева в предрассветном зареве, и первые солнечные лучи, касаясь портьер на окнах, наполняют бархат изумрудным мерцанием и настойчиво подбираются к краю занавесок, чтобы шальным солнечным зайчиком скользнуть в зал.

Лицо Вацлава умиротворенное, как во сне. И, глядя на светлеющее небо, я тешу себя напрасной надеждой, что он проснется. Дрогнут ресницы, когда их коснется солнечный лучик, шевельнется родинка у края глаз, со вздохом приоткроются губы, сожмутся пальцы, отзываясь на прикосновение моей руки... Ну и пусть его сердце навеки отдано той, другой. Я буду просто счастлива оттого, что смогу видеть его, говорить с ним, дерзить ему...

Солнце робко проникает в комнату, отвоевая пространство у тени, и полоска света начинает двигаться к нам — медленно, слишком медленно. Ну давай же, молю я, быстрее, разбуди его, пусть он откроет глаза, поторопись же! Целая вечность проходит до того момента, как солнце окрашивает красным разметававшийся по полу подол платья. Ночью оно казалось совсем черным, траурным, сейчас же вновь заискрило-заиграло алым цветом. Медленно, очень медленно солнечные лучи взбираются по шелковым складкам, словно окрашивая их кровью, карабкаются ко мне на колени, каленым железом впиваются в кожу. Я стискиваю зубы, чтобы не вскрикнуть, но не убираю руки, чтобы не потревожить спящего Вацлава. Кожа на руке стремительно краснеет, еще немного — и вздуются волдыри, но я сижу не шелохнувшись и жду, пока солнечные лучи не взбегут по плечам Вацлава, чтобы

наконец нырнуть в сердцевину его губ, поцеловать его осунувшиеся щеки, осветлить волосы и вернуть его к жизни.

Солнце жжет мои руки, выжигая слезы из-под ресниц. Алый шелк платья разметался вокруг пожаром, и кажется, что я горю в самом его эпицентре. Но все тщетно. Не дрогнут черные ресницы, и рука в моей руке холодна, как антарктический лед. Ладонь немеет от холода, кисть все краснеет от палящего солнца, перед глазами пелена, на губах — соль Мертвого моря. Он не проснется. Никогда. Он уже обнимается с другой в облаках.

Слезинка падает на смуглый лоб Вацлава и испаряется без следа. Я касаюсь пальцами лба и отдергиваю их, обжегшись. Да он просто горит! Чувствительная к солнцу кожа вампира и после смерти реагирует на свет. Щетина защищает щеки от ожога, но кожа вокруг глаз и на лбу красная, как у модницы, переборщившей с солярием. Если бы Вацлав сейчас открыл глаза, как бы я посмеялась над его комичным видом! Но вместо смеха в горле ком, на душе — смертельная тоска. Я давлюсь рыданиями и наклоняюсь к нему, закрывая от солнца. Пусть лучше спалит дотла меня.

Мои слезы текут по его потрескавшимся от солнца губам. Я ослепла от горя и не могу видеть, но слышу, как его губы глотают мои слезы. Этот звук, подобно грому, оглушает меня. Я торопливо вытираю влагу с глаз — и вижу, как двумя крылами взлетают его ресницы, и тону в его глазах, в которых больше нет черноты. Только ясное солнечное утро.

Глава 12

Смертельная игра вампира

— Как ты мог так поступить со мной? — ору я на виновато сгорбившегося Аристарха. — Ты хоть представляешь, какой ад я пережила по твоей милости?

— Я всего лишь хотел тебя спасти, — бормочет в свое оправдание он. — А что мне еще было делать, когда попытки смягчить приговор ничем не увенчались? Оставалось только подменить ампулу с наркотиком, чтобы все подумали, что ты умерла... Разве я мог представить, что Вацлав бросится под иглу!

Я отворачиваюсь к окну, пытаюсь успокоиться. Конечно, Аристарх не виноват. И его последней отчаянной попытке спасти меня от смерти надо отдать должное. Но как он мог так жестоко обмануть меня? Пульс у спящего вампира почти не прощупывается, и я безоговорочно поверила словам Аристарха, объявившего Вацлава мертвым.

— Ты сказал, что он мертв. И я поверила тебе. Да я сама чуть не умерла!

— Откуда я знал, что он тебе так дорог? — растерянно возражает он. — Ты же всегда ему грубила и дерзила... И опять же я пытался объяснить тебе, но вокруг было слишком много народу, а потом мне пришлось уйти, ты же сама видела.

— Я оплакивала его всю ночь, всю ночь! — оборачиваясь, восклицаю я, не в силах успокоиться. — А ты испугался, что твой обман раскроется, и промолчал!

— Он и так раскрылся, — хмурится Аристарх. — Но тогда я был слишком ошеломлен тем, что Вацлав спутал все карты, и мне не пришло в голову ничего иного...

— И ты кинулся первым щупать его пульс, потому что любой другой вампир сразу бы понял, что Вацлав жив. Не понимаю только, как ты собирался проверить эту штуку со мной? Меня-то, перед тем как выдать на руки безутешному деду, проверили бы досконально и живой не выпустили.

— Шампанское, — едва слышно шепчет Аристарх.

— Что?

— Шампанское, которое ты выпила накануне, тоже было частью плана. Я подсыпал в него порошок, который в сочетании с инъекцией замедляет пульс до минимума. Тебя бы признали мертвой.

Так вот почему изысканное вино показалось мне несусветной горечью! Взгляд Аристарха мне совсем не нравится, и я вцепляюсь в него хваткой дознавателя:

— Договаривай!

— Был определенный риск, — признается он, опустив голову. — Сердце не может долго работать с такой нагрузкой. Требуется еще один укол в течение часа после первого, который бы оживил тебя. Поэтому я был рядом. Я бы сразу забрал тебя и сделал укол.

Я просто в шоке.

— Ты что, шпион? Джеймс Бонд? Откуда у тебя такие средства? — Меня осеняет. — Ты это придумал не один?! Вацлав знал?!

— Если бы он знал, разве бы кинулся тебя спасать? — возражает он. — Нет, Вацлав был не в курсе. Он до последнего момента пропадал в штабе Гончих, пытался раскопать какие-то зацепки, которые бы могли вывести на настоящего убийцу. Я и предупредить его не успел. План созрел уже в последние сутки.

— Кто тебе помогал? — Он молчит, но я уже знаю ответ. — Вероник... Конечно, она. Она же здесь всех знает. Она помогла раздобыть тебе то, что нужно, и подменить инъекцию. Так?

— Только умоляю, тише. — Аристарх бросает взгляд на дверь, за которой дежурят Гончие. Я по-прежнему под арестом до полного выяснения обстоятельств. — Не надо ее сюда впутывать. Я взял всю вину на себя, и они поверили.

— Невероятно! Но что ты собирался делать потом? Если бы план удался и все посчитали меня мертвой?

— Я бы увез тебя туда, где бы тебя никто не нашел. У меня достаточно средств, чтобы купить домик на каком-нибудь Богом забытом острове. Ты же любишь море, правда? Вампиры туда не сунутся — слишком жарко и солнечно. Но мы бы уж все оборудовали так, чтобы тебе там было комфортно, — объясняет он и заискивающим тоном добавляет: — Твои родители и Лиза могли бы жить с тобой.

— Ну да, ты же обещал бабушке Лизе, что привезешь меня. Как же ты мог не сдержать слово?

Он сутулится под моим сердитым взглядом и отводит глаза.

— А какой же ты артист! — не унимаюсь я. — Как здорово изображал горе и отчаяние, даже кинулся на Андрея, чтобы выбить у него ампулу!

— Никто не должен был ничего заподозрить, — угрюмо говорит Аристарх. — Все знают, как ты мне дорога. И если бы я вел себя как ни в чем не бывало, весь план пошел бы коту под хвост. И потом, когда Андрей поднес к тебе иглу, у меня все перед глазами помутилось. Я даже забыл, что в ампуле снотворное, и представил, что могу тебя потерять...

— Но ты мог хотя бы намекнуть мне, — продолжаю бушевать я, — хотя бы подсказать. Я себе всю душу выплакала!

Внешне демонстрируя злость, я в то же время чувствую огромную признательность к Аристарху, подменившему ампулу. Предназначавшаяся мне, она чуть не убила Вацлава. И если бы не поступок Аристарха, один из нас был бы уже мертв. Так или иначе чудесное спасение Вацлава — целиком заслуга деда.

В ту минуту, когда Вацлав открыл глаза и взглянул на меня, меня словно молнией ударило. Минувшую ночь я тешила себя надеждой, что все происходящее — какая-то нелепая ошибка, мечтала, что Вацлав очнется, представляла, как осыплю его лицо поцелуями, а когда это чудо произошло, я так оторопела, что шевельнуться не могла. Первой мыслью было, что я выплакала себе все мозги до помутнения рассудка. А потом романтический момент был безвозвратно упущен, потому что Вацлав поднял голову с моих колен, присел на полу и, обведя пространство мутным взглядом, спросил:

— А где все? — Он нахмурился, вероятно вспомнив последние события, и вскочил на ноги. — Где Громов?

Я поднялась с пола и чуть не рухнула обратно — ноги за ночь совершенно задеревенели. Вацлав удержал меня за талию:

— Ты что?

— Тяжелая ночька, — по-прежнему ошеломленно пробормотала я. — Поздравляю с благополучным воскрешением!

Его зрачки широко раскрылись, и, кажется, он только сейчас проснулся окончательно. Хлопнул рукой по шее, ощупывая место укола, непонимающе уставился на меня. Затем помотал головой, словно отгоняя дурман, и с присущим ему хладнокровием принялся расспрашивать, что произошло, пока он был без сознания. Он как раз высказал версию о подмене инъекции, когда в зал ввалились Андрей, Ипполит и Аристарх. Двое первых онемели при виде ожившего Вацлава, и только Аристарх, взглянув на меня, тут же отвел глаза...

Сердце кольнуло беспокойством, и я пристально посмотрела на деда:

— Что тебе теперь за это будет?

Он нарочито беззаботно повел плечом:

— Да что со мной станется? Статуса старейшины меня уже лишили. Больше с меня и взять нечего.

— Не ври, — жестко оборвала я. — Что тебе грозит?

— Все зависит от решения местных старейшин. Я совершил мошенничество в особо крупных размерах.

— И когда станет известно их решение?

Аристарх бросает взгляд на свой «Ролекс».

— Что-то они уже долго совещаются.

Я перехватываю его запястье и проверяю время. Три часа прошло с того момента, как Андрей и Ипполит обнаружили живого Вацлава. Аристарх раскололся сразу, и его отвели в мою комнату до оглашения решения. Вацлав остался ждать приезда Пьера и Эмиля и договорился о своем присутствии на совещании. Надеюсь, он сделает все от него зависящее, чтобы снять с Аристарха обвинения.

Я еще не успела выпустить руку деда, когда дверь открылась, впуская в комнату Вацлава. Он выглядит уставшим, но глаза выдают удовлетворение, как после решения сложной задачи. Загорелый лоб и кожа вокруг глаз придают ему комичный вид, особенно в сочетании с еще больше отросшей щетиной. И все равно он кажется самым желанным мужчиной на свете. Я в смущении отвожу глаза, прячу за спину сгоревшую до волдырей кисть — моя напрасная жертва в попытке не потревожить спящего Вацлава. Ничего, до свадьбы заживет. До чьей свадьбы? Уж точно, не моей. Скорее Вацлав поведет к алтарю свою мымру... Черт, кроме призрака из прошлого есть же еще незнакомка, ради которой он побрился в новогоднюю ночь, которой он выбирал подарок. Вот бы на нее посмотреть!

— Они согласны на компромисс, — объявляет Вацлав срывающимся, как после долгих споров, голосом.

Мы выжидающе вскидываем глаза. Аристарх ничем не выдает своего волнения, а во мне все кипит от беспокойства за него.

— Они согласны умолчать о происшедшем этой ночью и не предъявлять тебе никаких обвинений, — обращается Вацлав к Аристарху. — Но лишь в том случае, если мы трое забудем о том, что совершил Василий Громов.

— Что? — вспыхивает Аристарх. — Он чуть не убил Жанну! Когда ее невиновность будет доказана, действия Громова будут трактованы как попытка убийства. Да его судить за это надо!

— Его не будут судить, и он останется в Совете старейшин, — глухо говорит Вацлав. — Только на таких условиях они не станут трогать тебя.

— Нет, это просто немыслимо! — яростно возражает Аристарх. — Я на это никогда не соглашусь.

— Ты не в том положении, чтобы выбирать, — устало прерывает его Вацлав. — Твой проступок по нашим законам весьма велик. И будь ты из простых вампиров, тебя бы уже могли по-быстрому ликвидировать. Да и сейчас вопрос о вышке рассматривался в первую очередь.

— Что?! — Я в ошеломлении оборачиваюсь к Аристарху. — И ты знал об этом, когда пошел на это?

Более глупого вопроса придумать нельзя. Конечно, он знал. Знал и решился спасти меня, поставив на кон свою собственную жизнь.

Я со стоном опускаюсь на диван.

— Они ждут ответа, — напоминает Вацлав.

— Я на это не соглашусь! — сердито восклицает Аристарх. — Вампир, поднявший руку на мою внучку, должен быть наказан. И, в конце концов, если бы я не подменил яд, Громов бы совершил непреднамеренное убийство, а за это тоже грозит вышка.

— Так что вы повязаны, — угрюмо замечает Вацлав. — И лучше нам всем забыть о том, что произошло ночью в том зале.

Его взгляд обжигает меня, и я как спичка вспыхиваю от намека, скрытого в его словах. Похоже, Гончий понял, что я вынимала карточку из его потайного кармана и прикоснулась к его тайне, и ужасно рассердился из-за этого. И плевать ему на мое признание, слетевшее с губ за мгновение до того, как он потерял сознание. Не нужна ему моя глупая любовь. Он даже объяснить со мной не хочет, предпочитая просто сделать вид, что ничего не было. И тот поцелуй в подвале, когда он внезапно привлек меня к себе, для него, должно быть, ничего и не значил... И закрыл он меня от нападения Громова не из любви, а из чувства долга.

— Вацлав прав, — чужим голосом говорю я. — Так будет лучше для всех нас.

— Но, Жанна! — возражает Аристарх.

— Ты мне нужен живым, — перебиваю его я.

Он горбится и ворчит:

— Тогда пусть хотя бы выведут этого преступника из Совета старейшин!

— Не выведут, — отвечает Вацлав. — Я отстаивал такой вариант. Но они высказались вполне категорично. Однако мне удалось добиться поблажки и для тебя.

Аристарх выжидающе вскидывает глаза.

— Тебя восстановят в Совете старейшин, — сообщает Вацлав.

— А ты? — спрашивает он. — За тобой сохраняют главенство Гончими?

Вацлав пожимает плечами, показывая, что обсуждать этот вопрос он считает ниже своего достоинства.

— Но это неправильно! — восклицаю я, но напарываюсь на острый как нож взгляд Вацлава и умолкаю.

— Так мы договорились? — уточняет он, берясь за дверную ручку.

— Да, — отвечаю за нас обоих я, — мы договорились.

Вацлав выходит из комнаты, Аристарх что-то гневно бормочет, но я его не слышу. Сейчас важно только одно. Прошлой ночи не было. Вацлав стер ее из своей памяти. Жаль только, что я вот так просто не могу... Глупые губы помнят вкус его неподвижных губ. Преступный поцелуй, сорванный украдкой, и сейчас бросает в жар. А сердце бережно сохранит эту длинную-длинную ночь, когда Вацлав принадлежал только мне.

Я потеряла счет дням. Аристарх проводил со мной целые сутки, часто заглядывала Вероник. Луна умерла, чтобы возродиться вновь. А Вацлав по-прежнему пропадал где-то, пытаясь найти мифического убийцу, который так хотел моей смерти, что не пожалел Изабель и Лену. Меня ломало, как наркоманку. С одной стороны, я жаждала видеть Вацлава. С другой — в его отсутствие было проще убеждать себя, что та ночь была лишь сном — дурным и сладостным одновременно.

Пару раз мне разрешили позвонить родным. Я проявила чудеса притворства, уверяя чуткую ко лжи бабушку Лизу, что со мной все в порядке и я просто решила продлить французские каникулы. Почуввав неладное, Аристарх отобрал у меня трубку и успокоил бабулю сказками о том, как чудесно мы проводим время в Париже, гуляя по Елисейским полям. Судя по его затуманившимся глазам, он называл улицы и места, по которым они бродили с бабушкой пятьдесят лет назад. Совершенно растроганная бабуля напоследок сказала, что это самое чудесное время в моей жизни, которое сохранится в памяти на всю

жизнь. Я нажала отбой и криво усмехнулась коротким гудкам. Такое не забудется. Мама так и вовсе ничего не заподозрила, только напомнила мне об обещании привезти ей шелковый платок с изображением Эйфелевой башни. Как-то она увидела такой у коллеги, и с тех пор он не давал ей покоя.

— Тебе поручение, — объявила я Аристарху. — Купить маме платок, а бабушке шляпку.

Окрыленный Аристарх умчался за покупками. Он и правда надеялся, что этот кошмар скоро закончится, мы вернемся в Москву и заживем по-прежнему.

Покупка платка заняла у него один вечер. К выбору шляпки для бывшей возлюбленной он подошел более основательно, привозя в каждый свой визит по покупке. Вскоре угол комнаты заключения был завален картонными коробками, и я с ужасом представляла, как мы потащим их в Москву. Если, конечно, потащим. Я и сама не заметила, как Аристарх заразил меня своим энтузиазмом и своей уверенностью в благополучном разрешении ситуации, и я потихоньку начала мечтать, как возвращаюсь домой и соскучившаяся Маркиза с урчанием трется о мои ноги.

В одну из ночей, когда я, дурачась в одиночестве, примеряла очередную шляпку, купленную Аристархом, а сам он пропадал где-то по делам, дверь распахнулась и без стука ввалился Вацлав.

— Тебе идет, — сказал он, бросив на меня короткий взгляд. И добавил тем же спокойным тоном, так не вязавшимся с его лихорадочно горящими глазами: — Я нашел убийцу.

— Он следовал за тобой по пятам, начиная со второго дня твоего прилета в Париж, — начал свой рассказ Вацлав. — Он слышал то, что ты сказала Изабель на балу, и решил обставить убийство так, чтобы все подозрения пали на тебя. Он шпионил за тобой весь следующий день и, должно быть, уже отчаялся. Ведь твое алиби было безупречным — ты все время была то с Вероник, то с нотариусом. И, даже выйдя из конторы, ты осталась под присмотром водителя и одного из Гончих. Что толку убивать Изабель, если твое алиби могут подтвердить столько людей? Но тут ты решила сбежать от наблюдения, погулять по городу и сама подтолкнула убийцу к преступлению. То, что ты случайно оказалась рядом с домом Изабель, только сыграло ему на руку. Он пришел к ней, полный решимости, но Изабель уже была мертва. Дверь была приоткрыта. Почувствовав себя нехорошо, Изабель пыталась позвать на помощь, но ее сил хватило только на то, чтобы открыть дверной замок и свалиться без сознания в прихожей. Там-то убийца ее и обнаружил. И сначала растерялся, что его продуманный план дал сбой, а потом нашел выход. Он отнес Изабель в комнату и нанес ей удар ножом. С первого удара попасть в сердце не получилось — помешала грудина. А убийце раньше не приходилось держать в руках нож, поэтому он искромсал бедняжке всю грудь, прежде чем ему удалось пробить грудную клетку и вонзить нож в сердце. Но если с ударом в сердце вышел прокол, то в остальном он постарался воплотить твою угрозу дословно: выпил столько крови, сколько мог, а остатки сцедил, оставив тело обескровленным, так, чтобы все указывало на тебя.

Он был уверен, что никто не заподозрит, что Изабель умерла от естественной причины. А когда сделают вскрытие, тебя уже казнят. Преступник продумал все: отсутствие алиби у тебя, убийство, совершенное в соответствии с твоими словами, скрытая агрессия, в которой тебя постоянно подозревали из-за кровных уз с Жаном. Обычно в таких обстоятельствах суды проходят скоро. Но он не учел только одного: ты подданная России, и осудить тебя без присутствия наблюдателей с твоей стороны не по правилам. Аномальный снегопад еще больше смешал планы. Авиасообщение между Россией и Францией прервалось. Мы с Аристархом не могли вылететь из Москвы, убийца не мог вернуться обратно и тоже остался запертым в Париже...

— Как? — поразилась я. — Он не из Парижа?

— Тебя это удивляет? Ты почти никого не знаешь здесь. Интересно, кто бы мог так

вызвериться на тебя за один вечер, чтобы уже на следующий день совершить убийство с целью подставить тебя?

Я промолчала.

— К тому же чувствовалось, что убийца действует продуманно и хладнокровно. Его не остановила даже естественная смерть Изабель. Хотя любой на его месте растерялся бы. И еще одно обстоятельство заставило меня исключить из списка подозреваемых парижан: Изабель Дюбуа или любили, или жалели. Обидеть ее было все равно что обидеть ребенка. Чтобы поднять на нее руку, нужно было быть или полным отморозком, а таковых после смерти Жана в Парижском Клубе не осталось...

— Или? — перебила я.

— Или нужно было не знать ее совсем. В таком случае Изабель оказывалась всего лишь разменной монетой в деле твоего обвинения.

— Если бы я ей тогда не нагрубила, она была бы жива? — потерянно пробормотала я.

— Не забывай, что Изабель умерла от естественной причины, — возразил Вацлав. — Это могло случиться в любой момент. Если бы она была человеком, она бы погибла еще раньше. Вирус вампиризма замедлил процесс разрушения сосудов и дал ей отсрочку почти на век, но остановить начавшееся движение к гибели он уже не мог.

— Но именно наша ссора и мои угрозы могли ускорить финал... — удрученно заметила я.

Вацлав меж тем продолжил:

— Так или иначе, преступника надо было искать среди приезжих вампиров. Я запросил списки тех, кто гостил в Париже в это время. Их было немало — на Новый год во Францию съехалось порядка двадцати лиц из разных стран. Но нашего убийцы среди них не оказалось. У большинства было твердое алиби, подтвержденное не одним человеком, другие гостили в это время в Провансе и в других областях. Это означало одно: преступник понимал, зачем он едет в Париж. Подстава была не случайностью, а тщательно продуманным действием. Поэтому он заранее позаботился о том, чтобы его визит в Париж остался тайной.

— Поддельный паспорт? — предположила я.

Вацлав кивнул.

— Значит, это кто-то из двенадцати вампирш, которых я видела в Замке Сов? Никто из них не хотел афишировать свой визит!

Он покачал головой.

— Я с самого начала был убежден, что они не имеют никакого отношения к этим преступлениям.

— Но Кобра убила тех двух несчастных фотографов! — возмущенно возразила я.

— Это дело еще предстоит расследовать, и ты обязательно поможешь мне составить ее портрет. Но к смерти Изабель Дюбуа и Лены Громовой эти двенадцать женщин не причастны. Они прилетели в Париж с определенной целью: исполнить последнюю волю Жана и посетить Замок Сов. Им не было смысла тебя подставлять.

— Ну да! — не согласилась я. — А наследство? Жан оставил мне приличное состояние, и они могли бы на него претендовать.

— Тепло, — удовлетворенно кивнул Вацлав. — Ты движешься в правильном направлении, но пока очень далека от истины. Они могли бы, но не стали. Я проверил твои слова. Действительно, Орнелла Дамиани, Ванесса Рейн и Глория Майлз были во Франции в это время. Свой визит они не афишировали, у старейшин не регистрировались, но преступления в этом нет. Они покинули страну в течение пяти дней, а на этот срок регистрация в местном отделении Клуба не обязательна. Думаю, они бы улетели и раньше, но их задержал снегопад.

— А Дарла? Ты не назвал ее.

— Сведений о ее пребывании во Франции нет. Возможно, она прилетала на частном самолете. У меня не было времени проверить эту информацию. Личностей других леди, названных тобой, я тоже не смог установить. Но если брать Орнеллу Дамиани, Дарлу,

Глорию Майлз и Ванессу Рейн, они сами по себе довольно богаты. И потом, чтобы претендовать на наследство, нужно официально подтвердить свое родство с Жаном, а этого они, судя по твоим же словам, хотят меньше всего. Покой им дороже. Прими во внимание и то, что в случае огласки наследство придется делить на тринадцать частей. Тогда какой смысл так изощренно тебя подставлять, чтобы вывести из игры? Нет, эти девушки тут ни при чем. Они прибыли во Францию с четкой целью, они слишком публичные персоны, чтобы впутываться в убийства, они не были на том балу, они не слышали вашей ссоры с Изабель и у них не было никаких мотивов, чтобы тебя подставлять.

— И какой же тогда мотив был у убийцы? — совсем растерялась я.

— Деньги, конечно. Что с тебя еще взять? — Вацлав саркастически усмехнулся.

Я нахмурила лоб.

— Ты имеешь в виду наследство Жана?

— Именно.

— Но я не понимаю, — смешалась я, — какой толк убийце от моей смерти? И как бы он получил наследство? Ведь мы с ним не...

Я ошеломленно осеклась и подняла взгляд на Вацлава. Показалось, что вся вселенная с ее тяжестью рухнула мне на плечи, а из легких разом выкачали весь воздух. Я стала задыхаться.

— Если ты скажешь, что это мой дед, — придушенно сказала я, — я тебя убью. Или лучше ты меня убей сразу.

— Нет, — ответил Вацлав, и мне сразу стало легче дышать, — это, разумеется, не Аристарх. Твой дед в тебе души не чает и отдаст за тебя жизнь. Но ваша с ним родственная связь и породила клубок этих преступлений.

Я непонимающе смотрела на Гончего.

— Большое богатство — это большой соблазн, Жанна, — помолчав, заметил он. — Убивают и куда за меньшие деньги, чем миллионы, оставленные тебе Жаном.

— Да объясни, в чем дело, черт тебя побери! — сорвалась я.

— В порядке наследования, определенном сотни лет назад. Когда умирает вампир, наследниками первой очереди признаются его прижизненные родственники среди вампиров. Но так как родных среди вампиров единицы, это правило почти позабылось. И обычно состояние получают наследники второй очереди — вампиры, которых умерший посвятил своей кровью. В том случае, если и таковых не обнаружится, состояние переходит в фонд городского Клуба.

— Вацлав, — умоляюще прошептала я, — объясни же мне, что ты имеешь в виду! Я ничего не понимаю.

— Преступник все продумал до мелочей. Тебя нельзя было просто убить или подстроить несчастный случай — потому что первой же версией, которую бы стали прорабатывать Гончие, стало бы твое наследство и то, кому это выгодно. Но вот если бы ты совершила преступление, которого, чего таить, от тебя все невольно ожидали, в этом бы не было ничего удивительного. А когда бы тебя за это казнили, твоим наследником стал бы родной дед — Аристарх. Если бы первая часть задуманного удалась, Аристарх бы прожил недолго. Зная о его нежной привязанности к тебе, никто бы сильно не удивился, если бы он, например, решил свести счеты с жизнью.

— Преступник собирался инсценировать самоубийство Аристарха? — похолодела я.

— Возможно, и инсценировать бы ничего не пришлось. Достаточно было бы просто подтолкнуть к этому Аристарха, внушить, что он, например, виноват, что не уберег тебя.

— Вацлав, да кто же эта сволочь?! — потрясенно выдохнула я.

— У Аристарха было четыре воспитанника. Вику Виноградову осенью убила Инесса, Эдуард Осокин погиб, упав на машине с моста в реку. Именно этот несчастный случай помешал Аристарху сопровождать тебя в Париж.

— Так это был не несчастный случай? — обомлела я. — Преступник уже тогда начал избавляться от соперников на наследство, которое собирался заполучить, убрав меня и

Аристарха?

Вацлав кивнул.

— Он все продумал и начал цепочку убийств с конца. Тщательно выстроенные преступления должны были казаться чередой трагических случайностей и ни в коем случае не запятнать его подозрениями. Кроме того, гибель Эдуарда отвлекала внимание Аристарха, который собирался ехать с тобой в Париж. А его присутствие там могло спутать все планы убийцы.

— С ума сойти, — сдавленно пробормотала я, — он говорил со мной, он жал мне руку, он провожал меня в аэропорту и желал счастливого пути... А сразу после похорон Эдуарда сел на самолет и рванул за мной.

Все стало совершенно ясно. У Аристарха было четыре кровных наследника. Двое были мертвы, третьим был отзывчивый хакер Влад Карасик, четвертым — загадочный альбинос Герман Воронов, при первом же взгляде на которого у меня возникли ассоциации с маньяком-убийцей. Недаром я почувствовала угрозу в его ничего не значащей фразе: «Жаль, что наше знакомство окажется коротким». А ведь он уже тогда все просчитал и был уверен, что больше мы с ним никогда не увидимся, потому что я головой расплачусь за совершенные им преступления.

Я в волнении вскочила с места.

— Надеюсь, этот Воронов до него не добрался? — воскликнула я. — С Владом все в порядке? Он жив?

Влад Карасик — добрый мальчишка с лучистыми глазами и обаятельной улыбкой — мог стать еще одной разменной монетой в хитроумном плане преступника.

Вацлав немигающим взглядом смотрел на меня.

— Он жив? — с нажимом повторила я, подойдя к нему.

— Жив, — хрипло ответил Гончий. — Пока.

— Вы поймали этого Воронова или нет? — забеспокоилась я. — Владу необходима охрана. Герман же может напасть на него в любой момент!

— Не волнуйся. Мы поймали его с поличным, он не успел довести задуманное до конца.

— Надеюсь, ему грозит вышка? — с яростью осведомилась я.

— Вне всяких сомнений, — подтвердил Вацлав. — Ему предъявлены обвинения в убийствах Лены Громовой, Эдуарда Осокина и организации покушения на Германа Воронова.

— На Германа Воронова? — непонимающе повторила я.

— Жанна, Влад Карасик уже во всем признался.

Я ахнула и закрыла рот рукой.

— Но это просто какая-то нелепица... бессмыслица!

— Карасик бы сильно огорчился, если бы ты так охарактеризовала его план, — криво усмехнулся Вацлав. — Сам он считает его безупречным.

— Ему были так нужны деньги? — оглушенно прошептала я. — Но зачем? Он проигрался мафиози? Он или кто-то из его родных болен? Требуется дорогостоящее лечение?

— Он влюблен, — оgoroшил меня Вацлав. — А у Моники появился новый поклонник — более обеспеченный, более интересный, и она стала отдаляться от Карасика. Парень надеялся, что, став миллионером, вернет ее любовь.

— Но почему — так? — помолчал, спросила я. — Ведь он мог взломать любой банк мира и получить деньги, никого не убивая.

— Не мог, — возразил Вацлав. — Вступив в Клуб, он обязался не совершать никаких противоправных действий. Кроме того, украсть с банковских счетов миллион очень рискованно. А как раз в прошлом месяце один из наших хакеров в Америке попался, провернув дельце на полмиллиона долларов. Не знаю уж, что там произошло, только местные вампиры отмазывать его не стали, а передали Интерполу. До суда тот не дожил —

повесился в камере. Карасик об этой истории знал и рисковать не стал. Хотя до того момента, с тех пор как начал встречаться с Моникой, понемножку подворовывал у разных банков. Но суммы были небольшие, и все сходило ему с рук. А тут все так некстати совпало: на горизонте объявился богатый и красивый соперник, любимая к нему охладела, а Аристарх на радостях поделился, что тебе досталось все наследство Жана... И решение всех проблем пришло само собой.

— Вацлав, но у меня в голове не укладывается... Как же так? Он собирался убить столько человек ради того, чтобы получить наследство. Но на Влада это совсем не похоже. Он же совсем мальчишка! Да он и мухи не обидит!

— Жанна, как бы это дико не звучало, но это он. И он нисколько не раскаивается в содеянном. Он жалеет только, что не довел свою игру до конца.

— Игру? — оторопела я.

— Карасик — большой поклонник компьютерных игр, — пояснил Вацлав. — При обыске мы обнаружили у него сотни дисков — это все стратегии, где приходится убивать противника не задумываясь. Да он и сам признался, что все происходящее было для него квестом, в конце которого его ожидал приз — любовь красавицы и прорва денег. А то, что ради этого пришлось убрать с пути несколько живых душ, его ничуть не смущало. Ведь это только игра, в которой побеждает тот, кто умнее и быстрее.

— Как он узнал о моей ссоре с Изабель? — удивилась я. — Его не было на том балу, я его не видела.

— Жанна, — кашлянул Вацлав, — он знал все о твоих разговорах и перемещениях.

— Но как? — поразила я.

— Помнишь, в аэропорту у тебя барахлил мобильный, а Карасик вызвался посмотреть? Тогда он и вставил в корпус жучок. Он как раз крутился возле вас, собираясь незаметно подсунуть тебе радиопередатчик. А ты сама ему помогла, дав в руки мобильный телефон. С этого момента он был в курсе всех твоих звонков и внешних разговоров. Мало того, он еще и все твои передвижения видел на навигаторе.

— И жучок функционировал, даже когда мобильник перестал работать из-за снега? — удивилась я.

— Нет, тогда Влад перешел на наружное наблюдение.

Я вспомнила ряд занесенных снегом машин, которые стояли вдоль дороги, когда я сбежала из дома Вероник. Где-то в одной из них притаился и Влад.

— Как он, — я дрогнула, — как он провернул убийство Лены?

— Смерть Лены — импровизация. Снегопад спутал все его планы. Карасик ведь собирался последовать за тобой, подстроить одно убийство — этого бы вполне хватило, чтобы тебя засудить, — и вернуться в Москву, пока никто не заметил его отсутствия. Но из-за снега ему пришлось задержаться в Париже. Ты сидела под домашним арестом, и он узнал, что ждут приезда делегации из Москвы. Этого он не предусмотрел и запаниковал, что Аристарх тебя отмажет, ведь прямых свидетельств против тебя не было. От нечего делать он караулил дом Вероник. Он видел, как пришла Лена. Из твоего разговора с ней на балу ему было известно о вашей давней дружбе, и на всякий случай он собрал о Лене кое-какую информацию, в том числе выяснил и ее домашний адрес. Затем он увидел, как она вернулась в машину, но с места трогаться не стала, как будто чего-то ждала. И тогда затаился и он — а вскоре ты вышла на улицу и села в машину. В тот вечер мобильная связь то налаживалась, то снова пропадала. Когда ты села в машину, сигнал был. Карасик слышал ваш с Леной разговор и понял, что вы направляетесь к ней домой. Лена тогда заставила тебя выключить мобильный, Карасик заволновался, что ваши планы могут измениться, и поехал за вами, чтобы убедиться, что Лена везет тебя к себе. А тем временем в его голове созрел новый план. Как сделать так, чтобы тебе было уже не отвертеться.

— Если бы я тогда не послушалась ее и осталась у Вероник, Лена была бы жива, — глухо пробормотала я. — Ее отец считает так же, правда?

Вацлав ничего не сказал, но в его глазах я прочитала ответ. Конечно, Громов так

считает. Даже сейчас, когда найден настоящий убийца, он обвиняет в смерти дочери меня. А когда приговор Карасику приведут в исполнение, я останусь единственной из живых вампиров, кого он будет ненавидеть вечно.

— А как Влад проник в здание? — удивилась я. — Там же дотошный дворецкий. Лена уверяла, что мимо него муха не проскочит. Чуть что — сразу тревожная кнопка и наряд полиции.

— Карасик притворился разносчиком суши. Кто-то из жителей заказал еду в японском ресторане. Карасик видел, как подъехал фургончик, и из него выскочил курьер в кепке с логотипом ресторана и сумкой в руках. Он бросился к парню, сунул ему сто евро, напел ему о девушке, с которой поссорился и которая его не пускает, убедил, что ему позарез нужно проскользнуть в дом мимо грозного швейцара. Парижане всегда с пониманием относятся к любовным историям.

Я кивнула, вспомнив, как продавщицы в бутике бросились помогать мне, стоило рассказать им историю о деспотичном отце, который не пускает на свидание с любимым.

— Курьер взял с него обещание доставить еду по адресу, забрал деньги, которые покрывали и стоимость заказа, и более чем щедрые чаевые, и вручил ему сумку и фирменную кепку. Карасик надвинул бейсболку на лоб и вошел внутрь. Хотя это было даже лишним — ведь он и так уже был загримирован под мима.

— Под мима? — в удивлении переспросила я. — А что, в этом есть смысл. В Париже столько мимов, что они ни у кого не вызывают удивления.

— И ты их часто встречала? — Вацлав пристально взглянул на меня.

— Да всего пару раз. — Я рассказала про мима, которого видела из окна кафе, и про того, который передразнивал дворников, раскидывающих снег, в то утро, когда я нашла мертвой Лену. — И еще сама Лена сказала, будто бы видела мима за рулем машины, которая следовала за нами от дома Вероник. Впрочем, там была такая плохая видимость, что... — Мой беззаботный тон разбился о жесткий взгляд Вацлава. — Не может быть, — сдавленно пробормотала я, — это был Влад? Но он же ведь тогда отстал от нас!

— Лена заметила слежку, и он свернул, чтобы не вызывать подозрений. Адрес Лены у него был. Он приехал к ее дому раньше вас и принялся ждать. Кстати, где вы так долго ездили? Карасик говорит, что прождал вас почти час, а езды от особняка Вероник до дома Лены минут пять. Он уже начал волноваться, что вы изменили планы и он тебя потерял.

— Лена тогда кружила по городу, чтобы уйти от возможной слежки, — тихо ответила я, с горечью понимая, что эта предосторожность подруге не помогла. Она уже сделала роковой шаг на пути к своей гибели, когда подошла ко мне на балу. — А утром он, получается, остался посмотреть, как меня арестуют?

Сейчас тот факт, что мим кривлялся в тени, а не на солнце, наполнился особым смыслом. Грим защищал вампира от дневного света, но все же солнце было достаточно ярким, и он прятался от него в тени, заняв при этом такое место, чтобы видеть и окна квартиры Лены, и вход в подъезд.

— Карасик хотел убедиться своими глазами, что все получилось так, как он задумал. Ведь твой телефон был выключен и он не знал о том, что происходит в квартире.

— А еще раньше у кафе? — тихо спросила я. — Я видела там мима.

— Это тоже был Карасик, — подтвердил Вацлав.

— Но тот мим был с широкими плечами и животиком, — возразила я. — Влад куда более хрупкий.

— Для конспирации он надел футболку мима на толстую куртку, вот тебе и показалось.

Точно, я же еще тогда удивилась, что мим одет не по погоде. А на самом деле я просто не разглядела, что футболка натянута поверх куртки.

— Он тогда уже успел побывать у Изабель, а выйдя оттуда, решил вернуться к слежке за тобой. Он надеялся, что тебя схватят быстро, и хотел это видеть. Он отследил твое нахождение по датчику, но тут ты выключила телефон и пропала из его поля зрения. Он примчался в тот район, где ты была до потери сигнала, и бродил по улицам в поисках тебя.

Ты была очень приметно одета. Красное пальто на улице Парижа — как маяк. Благодаря ему он тебя и заметил.

— Он что, и в Замок Сов за мной ездил? — поразилась я.

— Нет, он не успел поймать такси, чтобы проследить за тобой, вернулся к себе и стал ждать новостей...

— А тогда, дома у Лены? — вспомнила я. — Ты так и не закончил рассказ...

— Он вошел в дом под видом курьера. Бдительный швейцар позвонил в названную им квартиру, убедился, что хозяева делали заказ, и пропустил его. Кстати, благодаря ему я и взял след. Месье подтвердил, что впустил мима, привезшего суши, внутрь, но не мог вспомнить, как тот уходил, что его самого изрядно озадачило. А я разыскал настоящего курьера, который отвозил заказ в тот вечер, и он описал мне невысокого парня с неместным акцентом в образе мима. Правда, на это ушло несколько дней: разносчик уехал из Парижа к родным в Прованс. Но за это время я уже почти убедился в том, что убийца не из французов. Правда, я рассматривал другие версии — из мести, например. Гадал, не мстит ли тебе кто таким изощренным образом за смерть Инессы и Лаки, а то и Жана, если кто-то из моих людей проболтался.

— И где же все это время в доме скрывался Карасик? — удивилась я.

— Он доставил еду, затем спрятался в подсобном помещении и принялся выжидать момента. Сигнал жучка то появлялся, то исчезал — связь по-прежнему барахлила. Карасик слышал, что вы собираетесь заказать еду, дождался, пока появится разносчик с вашим ужином, и столкнулся с ним в коридоре. Отвлек его внимание и бросил в кувшин с напитком наркотик. Разносчик потом вспомнил мима, налетевшего на него. Да и свидетельница, видевшая тебя у дома Изабель, припомнила, что чуть позже по улице проходил мим.

— Он еще и наркоман? — поразилась я.

— Нет. Но он все тщательно планировал. У него при себе всегда был флакончик с хлороформом, электрошокер и легкий галлюциноген, одним из побочных эффектов которого является потеря памяти. Его-то он и подмешал в коктейль. В идеале Карасик хотел не только подставить тебя перед другими, но и сделать так, чтобы ты сама засомневалась в своей невинности.

— Врагу не пожелаю того, что я тогда пережила, — содрогнулась я. — Проснуться с руками в крови у тела мертвой подруги, не помнить последних событий...

— Я думаю, ты отрубилась мгновенно, — предположил Вацлав. — Вы же еще шампанское перед этим пили.

— Точно, — припомнила я, — а как «Гранатовый браслет» начали, тут-то меня и повело. То-то мне кровь вкусной показалась — это уже наркота начала действовать.

— Лена к алкоголю более стойкая, об ее увлечении спиртным и отец говорил, но и она, должно быть, недолго продержалась.

— Значит, она спала, когда... — дрогнувшим голосом сказала я.

— Да, — коротко кивнул Вацлав. — Карасик дождался, пока в квартире все стихнет, и взломал замок.

— Но как? Снаружи он открывается только Лениным ключом, а тот был вставлен изнутри. И никакой панели с кнопками, где бы можно было ввести код, снаружи нет.

— Ты мыслишь как обыватель, а Карасик — как гений. Если нельзя взломать дверь, можно забраться в систему, к которой она подключена. Что он и сделал, еще пока сидел в подсобке и ждал подходящего случая.

— И никто не заметил этого?

— А кто проверял? Тебя нашли рядом с трупом, твоя одежда была пропитана кровью. Даже в твоём желудке была кровь жертвы. Карасик ведь собрал кровь Лены и напоил ею тебя, спящую.

Я вспомнила, как у тела Лены меня вырвало красным, и меня замутило. Вацлав, видя мое состояние, протянул мне бутылку минералки, которую принес с собой.

— Преступник был так очевиден, — продолжил он, убедившись, что мне стало

лучше, — что никому и в голову не пришло проверять систему охраны. К тому же результаты вскрытия Изабель тогда не были известны, а даже поверхностный анализ ран показывал, что они нанесены одним человеком — примерно одного роста и веса с тобой. Это была идеальная подстава, Жанна. Тебе повезло, что убийства произошли в Париже, а не в Москве. Это дало время для дополнительного следствия.

— А что с тем покушением на Влада? Когда он попал под машину?

— Ах это. Помнишь звонок Моники Аристарху сразу после ментального допроса?

— Она была в курсе планов Влада? — оцепенела я. — И звонила по его просьбе?

— Нет, Моника тут ни при чем. Она беспокоилась за тебя и за Аристарха. Аристарх держал ее в курсе дела. А когда тот закрутился и не позвонил, она связалась с ним сама. Помнишь, Аристарх принялся убеждать ее, что все в порядке и он рассчитывает на оправдательный приговор? Моника ему поверила. Карасик был рядом, и она передала ему содержимое разговора. Представляешь, как он перепугался? Тебя могли оправдать, вакансия убийцы объявлялась открытой, и он понимал, что Гончим достаточно взяться за расследование, как он тут же станет одним из подозреваемых. Поэтому Карасик поспешил отвести от себя подозрения и подстроил несчастный случай, бросившись под случайную машину. Рассчитал он все правильно: за рулем была неопытная девушка, она запаниковала и скрылась с места. Номера машины «пострадавший», конечно, не запомнил. Вот вам и несчастный случай, который при желании можно расценить как попытку убийства.

— А Герман Воронов? До него он не добрался?

— Он планировал. Но когда стало известно, что открылись новые обстоятельства гибели Изабель и будет проведено дополнительное расследование, Влад переполошился. Тут уж было не до миллионов, надо было спасать свою шкуру.

— И он решил подставить Германа, — поняла я.

— И опять Карасик был убежден, что все сойдет ему с рук. Он сам физически не развитый, хрупкий. Герман — высокий, сильный мужчина. Из них двоих, если бы Гончие стали подозревать кровных наследников Аристарха, Герман больше подходит на роль убийцы. Он бывший военный, ему приходилось убивать.

— Но ведь свидетели видели невысокого мима! — заметила я.

— Все, что касается роста, комплекции, цвета волос и других примет, в свидетельских показаниях может сильно разниться по сравнению с истиной. Кто-то опишет человека как высокого, кому-то он покажется ниже среднего роста. Куда большее значение для обвинения имеют улики.

— Он подбросил Герману нож? — догадалась я.

— Нет. Хотя это был бы идеальный вариант для него. Но, к большому сожалению Карасика, он избавился от ножа еще в Париже. Зато у него были фотографии с места преступлений, сделанные на мобильный телефон на квартире Изабель и Лены. Их-то он и залил на компьютер Воронова, взломав его. Карасик — профессионал, Герман ничего и не заметил. Фотографии с места убийства лежали в неприметной папке, которую обнаружили бы только при дотошной проверке всего компьютера. Но этого было недостаточно. Надо было убить Германа, чтобы тот уже не смог оправдаться.

— И как он собирался это повернуть? — поразилась я. — Герман же физически сильнее.

— То-то и оно! Вариант с киллером отпадал. Светиться Карасику было ни к чему, к тому же гибель Германа надо было обставить как несчастный случай или самоубийство, чтобы никто не вздумал искать виновника.

— И что же он задумал? Очередное ДТП с летальным исходом?

— Нет, на этот раз он проявил чудеса сообразительности и выбрал более изысканный вариант. Герман — любитель японской кухни. А незадолго до твоего появления в Клубе в Москву переехал повар-японец — с лицензией на приготовление рыбы фугу.

— Это та знаменитая ядовитая рыба?

— Именно. Фугу готовят только в Японии и только лицензированные повара. Но, как

понимаешь, у нас свои законы, в ресторанах Клуба возможны любые капризы публики. Так что в нашем рыбном ресторане «Dr.Акула» по четвергам японец готовит знаменитую фугу. В ее приготовлении много тонкостей, ведь следует тщательно отделить ядовитые части от съедобных. Ее начинают подавать к столу начиная с самых безопасных частей — со спинки и далее в порядке приближения к брюшине. Чем ближе к ней, тем сильнее яд.

— Ты что, ее пробовал? — Я устала на Вацлава во все глаза.

— Пробовал, — спокойно ответил он. — Ничего особенного.

Да он еще более сумасшедший, чем я о нем думаю!

— В общем, — как ни в чем не бывало продолжил Гончий, — Карасик позвал Германа в ресторан откусить фугу. А сам прихватил с собой порошок с ядом, который добывают из внутренностей этой рыбы. Оцени изящество задумки. Все бы выглядело так, как будто повар допустил роковую оплошность, а Герман пал жертвой собственного безрассудства. К счастью для Германа, мы уже тогда были на хвосте у Карасика и схватили его за руку, когда он сыпанул яда в тарелку, воспользовавшись отлучкой Воронова из-за стола.

— Ты летал в Москву? — удивилась я, вспомнив, что уже дня три не видела Вацлава.

— Да, вернулся только что.

— Вацлав, я просто не верю, что Карасик способен на такое...

— Поверь, — жестко сказал Гончий, — он способен и на большее. Если бы с Германом все прошло, как он задумал, и посмертно того бы признали виновным в убийствах Лены и Эдуарда, Карасик вернулся бы к первоначальному плану через пару лет, когда бы все поутихло. Ведь от миллионов Жана его тогда отделяли бы только ты и Аристарх. А однажды ввязавшись в гонку за приз и начав игру, он уже не смог бы остановиться.

Вацлав замолчал. Я не могла вымолвить ни слова не в силах поверить в те страшные вещи, которые он мне рассказал о парне с ясными глазами и солнечной улыбкой.

— Аристарх уже знает? — глухо спросила я.

— Я ему рассказал.

— И как он?

— Я порадовался, что Аристарх в Париже. Будь мы в Москве, даже я вряд ли смог бы остановить твоего деда. Он рвался придушить парня своими руками.

— Когда ты понял, что это Карасик?

— Несколько дней назад. Когда Моника в разговоре со мной упомянула, что не встречала Карасика те несколько дней, пока во Франции была нелетная погода, мои подозрения окрепли. Правда, у Германа на эти дни тоже не было четкого алиби и в Москве его никто не видел. Он утверждал, что уезжал в Подмосковье, но никто не мог этого подтвердить. И все-таки Карасика подвела его гениальность. Только ему по силам было открыть дверь квартиры Лены и стереть информацию о поддельном паспорте, по которому он ездил в Париж, из системы таможни. Если бы он затаился, то остался бы безнаказанным, потому что нам было бы нечего ему предъявить, даже оснований для ментального допроса не нашлось бы. Карасик тщательно подчистил все следы. Но у него оставалось еще одно незавершенное дело — и это давало нам шанс поймать его с поличным. Что мы и сделали, записав на скрытую камеру, как он посыпают рыбу Германа порошком, и изъяв у него пузырек с ядом. Он был так ошеломлен, что раскололся сразу. Впрочем, по тому, как он охотно делился с нами своим планом, думаю, ему хотелось, чтобы мы оценили его задумку по достоинству.

— И вы оценили? — дрогнувшим голосом спросила я.

— Разумеется. Надеюсь, и он оценит нашу. — Вацлав бросил взгляд на часы и объявил:

— В этот самый момент повар уже должен приготовить для него фугу по рецепту, одобренному Советом старейшин и Орденом Гончих.

Меня пробил озноб, и я вспомнила слова, сказанные мне когда-то Инессой в ответ на вопрос о наказании: преступник разделяет участь своей жертвы. В случае с Карасиком эту фразу стоило понимать буквально. Ядовитая рыба, которую он намеревался скормить Герману, убьет его самого.

— А как же Высший суд? — уточнила я. — Ведь в преступлении затронуты интересы двух международных Клубов.

— С учетом взятия с поличным и признания самого Карасика, Высший суд поддержал наше решение единогласно... Да, кстати... — Он пристально взглянул на меня, и от его взгляда мне сделалось невыносимо жарко. — С учетом того, что ты убила Жана, дело о его гибели пересмотрели. И у меня для тебя две новости: одна хорошая, одна плохая.

Но прежде, чем я успела испугаться, он продолжил:

— Начну с хорошей: мы добились оправдательного приговора и по делу Жана, и по двум его охранникам. Ты действовала в пределах самозащиты, а в случае с Жаном еще и во благо всего нашего Клуба. Однако решался и еще один вопрос: можешь ли ты, с учетом этих обстоятельств, претендовать на наследство Жана?

Я выжидающе подняла глаза.

— И это плохая новость. Парижский Совет старейшин решил, что ты не можешь наследовать состояние убитого тобой вампира. Наследство Жана переходит в фонд городского Клуба. Особенно ратовали за это Ипполит и Василий.

Хм, и почему я совсем не удивляюсь?

— Расстроена?

— Смеешься? — Я впервые вздохнула с облегчением. — Пусть забирают. От этого наследства одни неприятности.

— А как же красивая жизнь миллионерши? — поддразнил меня Вацлав. — Яхты, виллы, курорты, бриллианты, наряды от кутюр?

— Придется выйти замуж за олигарха, — усмехнулась я и добавила, увидев, как на лицо Гончегго набежала тень: — Впрочем, это не входит в мои планы на ближайшие лет сто. Хотя жаль, конечно, что теперь мне не удастся осуществить свои мечты об открытии приюта для животных и помощи детям-сиротам.

Вацлав взглянул на меня с изумлением:

— Ушам своим не верю! Это на тебя Слеза Милосердия так подействовала, что ты до сих пор не отойдешь?

Телефонный звонок ворвался в нашу беседу тревожным сигналом, стерев с лица улыбки.

— Я слушаю, — сказал Вацлав. И, выслушав сообщение собеседника, молча отключился. — Все кончено, — обратился он ко мне. И жестко добавил: — Надеюсь, фугу ему понравилась.

Глава 13

Вампиры улетают в полночь

Небо, пронзенное Эйфелевой башней, кровоточило закатом. Мы покидали Париж. Я уезжала со смешанными чувствами. Роман с самым романтичным городом, начинавшийся с игривой влюбленности и дорогих подарков, закончился предательством. Париж предал меня, а наследство, сулившее все блага мира, едва не обернулось эшафотом. Париж ничего не дал мне — только отобрал. И теперь еще более было смотреть на черную перчатку на руке Аристарха — после того как Серебряную Слезу у меня отобрали, его жертва получается напрасной.

С моей стороны было наивным ожидать, что родной город Жана примет меня с распростертыми объятиями. С другой стороны, это и родной город Аристарха. Город, на площадях и бульварах которого почти полвека назад разворачивался его роман с комсомолкой Лизой. А всего лишь пару дней назад не постаревший ни на год с того дня Аристарх кружил по городу в поисках подарков для своей прежней возлюбленной — бабушки с седыми висками и сеточкой морщин вокруг поблекших от времени глаз.

Я увозила в Москву картонки со шляпками для бабушки Лизы и шелковый платок с Эйфелевой башней для мамы. Чтобы убить время до начала регистрации, я вытащила платок

из упаковки и обнаружила пришитый к нему ярлычок «Made in China».

Аристарх, когда я предъявила ему свидетельство истинного гражданства платка, клялся и божился, что купил его в сувенирной лавочке рядом с Триумфальной аркой. Я только философски хмыкнула. Фальшивый сувенир — не самое лживое из того, что случилось со мной в Париже. Многие из произошедшего здесь со мной оказались фальшивкой, чудовищным фейком. Фальшивой была дружба, которую предлагала мне Лена, — я для нее была лишь пропуском в высшую лигу вампиров. Фальшивыми были обвинения в убийствах, в которые я сама в какой-то момент поверила. Фальшивым оказалось богатое наследство, которого я так и не получила. Фальшивой получилась смерть Вацлава, которую я искренне оплакивала. И в то же время здесь я многое для себя поняла. То, что действительно является настоящим. Настоящая красота — это лунные кружева на ночных сугробах. Настоящая забота — в поступке Аристарха, подменившего смертельную ампулу, которая предназначалась мне, но чуть не убила Вацлава. Настоящее самопожертвование — в броске Вацлава, который закрыл меня собой. Настоящая дружба — это смелое поручительство за меня Вероник, тогда как все парижские вампиры единогласно вынесли мне обвинительный приговор.

Вероник улетала вместе с нами. После того как обвинения с меня были сняты, она бы могла добиться восстановления статуса старейшины, но не пожелала этого делать. Аристарх обещал ей помочь устроиться в Москве, и она безо всяких сожалений покидала Париж. Ее багаж превысил все допустимые нормы, и Аристарх как раз пытался решить вопросы с перевесом у стойки авиакомпании. Вацлав отлучился за кофе для меня, а я стояла перед окном во всю стену и смотрела, как самолеты всех цветов радуги взлетают, чтобы исчезнуть в красном закатном небе.

Взгляд впился мне в спину уколом. Я обернулась, уже зная, кого увижу, и картонки со шляпками для бабушки Лизы, которые я держала в руке, вдруг сделались невыносимо тяжелыми.

Андрей стоял в проходе, и людская толпа, словно чувствуя исходящую от него угрозу, огибала его по дуге. Никто из пассажиров не смел приблизиться к нему ближе чем на два шага. И даже люди с тяжелым багажом предпочитали сделать крюк, нежели пройти вблизи мужчины в черном плаще и с мертвенно-бледным лицом.

Я не тронулась с места, Гончий сделал шаг ко мне:

— Привет.

Кажется, что разом смолк весь шум аэропорта и я слышу только его тихий голос. Невольно отступаю назад, туда, где за стеклом кровотоцит закат. Лишь бы только сохранить дистанцию между нами. Гончий замирает на месте. В глазах — горечь, в голосе — раскаяние.

— Я монстр, да? Не знаю, сможешь ли ты когда-нибудь простить меня...

Сидящая ближе всего к нам девушка-француженка с повязанным на шее алым шарфом с интересом прислушивается к незнакомой речи, переводит взгляд с Андрея на меня. Вероятно, для нее эта сцена окутана романтическим ореолом и представляется встречей возлюбленных, которые находятся в ссоре.

— Ты хотел убить меня и чуть не сделал это, — сухо говорю я, стиснув кулак со шляпными картонками так, что ногти впиваются в ладонь до крови. — Если бы не Вацлав, я бы уже была мертва.

— Я ошибался. — Он с покаянным видом склоняет голову. — Знала бы ты, как я себя корю за это.

Я смотрю в глаза Гончего и чувствую его руки на своей шее — тогда, когда он душил меня в машине. Кажется, что на коже вновь пламенеют борозды от его пальцев. Пронзает боль плечо — след его рук, когда он толкнул меня в подzemелье особняка для преступников и разорвал рукав водолазки. Синяк, оставленный тем утром, еще не сошел до конца. А в следующий миг кожу словно пронзает игла — от той инъекции, которая потом досталась Вацлаву. Гнев закипает во мне лавой разбуженного Везувия.

— Зачем ты пришел? Каждая встреча с тобой была для меня кошмаром.

— Так уж и каждая?

Он стоит в трех шагах, но кажется, что я чувствую его щекочущее дыхание на своей щеке — как тогда, когда он кружил меня в вальсе и все вампиры в зале смотрели на нас. Тогда мне казалось, что между нами может быть что-то... хорошее. Солнечная нежность глаз, ласковое тепло рук, волнующая дрожь пальцев, медовая сладость поцелуев и опьяняющее чувство свободы — то самое, которое я ощутила несколько лет назад на Воробьевых горах. Андрей сделал свой выбор, превратив нас во врагов. И сейчас я ненавижу его так же сильно, как желала тогда на балу и еще раньше, в солнечный майский вечер.

— Ты меня ненавидишь, — с горечью говорит он. — Я это заслужил.

Я молчу, не делая попыток разубедить его.

— Жанна, я просто хотел, чтобы ты знала — я сожалею о том зле, что причинил тебе. — Видно, что каждое слово дается ему с трудом. — Я знаю, ты меня никогда не простишь, просто...

— Я прощаю тебя, — вырывается у меня.

— Что? — Он недоверчиво вскидывает глаза.

Я сама ошеломлена своим внезапным признанием, но тем не менее осознаю: я могу понять и простить Андрея.

— Я прощаю тебя.

Я знаю этот пожар в груди, эти отчаяние и боль от того, что твой любимый никогда не вернется, эту злость к убийце, отнявшего у тебя дорогого человека. Именно они привели меня в штаб Гончих, они толкнули к расследованию преступлений, в которых был замешан виновник гибели Глеба. Только смерть Инессы принесла мне необходимое облегчение. И я могу понять, каково Андрею, все эти годы оплакивающему свою погибшую любовь и так и не покарвавшему виновного. Похожее преступление, похожий почерк — и вот уже ненависть его перекинулась на меня и чуть не испепелила дотла.

— И ты должен простить. И жить дальше.

Он хочет что-то сказать, но не решается. Потом достает что-то из кармана плаща и протягивает мне. На ладони блестит-переливается серебряный замочек пирсинга.

Я недоверчиво вскидываю глаза.

— Это твое. — Андрей по-прежнему протягивает мне Слезу Милосердия.

— Но разве это не артефакт, принадлежащий Клубу? — озвучиваю я формулировку старейшин, которая прозвучала, когда у меня отбирали Слезу.

— Это компенсация за причиненное тебе зло, — отвечает Андрей.

Я медлю, не решаясь взять амулет. Получается, старейшины и Гончие решили сохранить информацию о Слезе в тайне? Иначе они бы не смогли распорядиться ее судьбой. Выходит, возвращение Слезы — своего рода компромисс? Я снимаю претензии к произволу местного Клуба, а тот хранит молчание о принадлежащей мне Слезе?

Но задать вопроса я не успеваю — замечаю Вацлава, который бросается к нам сквозь толпу. Люди испуганно шарахаются в стороны. Бумажный стакан кофейной кляксы летит под ноги. От кулака Вацлава голова Андрея чуть не слетает с плеч.

— Я убью тебя! — шипит Вацлав. — Не смей к ней подходить, слышишь?!

Пронзительно вскрикивает француженка с алым шарфом, и вот уже людские голоса подхватывают ее крик.

Вацлав оттесняет Андрея к окну. Два черных силуэта на фоне багряного заката — как персонажи театра теней. Движения быстры, удары точны, противники достойны друг друга. Мгновение — и стекло взорвалось осколками, красный закат хлынул в зал. А Вацлав с Андреем уже по ту сторону окна — топчут в пыль стеклянные брызги на асфальте. Летят под ноги капли крови. И где-то в этом стеклянном крошечке поблескивает Серебряная Слеза — Милосердие, которое не помешало бы сейчас ни одному из противников. Особенно — Вацлаву. Андрей, похоже, еще под влиянием Слезы, он больше уклоняется от ударов, чем наносит их сам. А может, просто ощущает свою вину передо мной и перед другим Гончим,

вот и не нападает, а защищается. И то вполсилы.

Слышу крик Аристарха — оборачиваюсь и понимаю: они с Вероник слишком далеко, чтобы остановить Гончих, прежде чем случится непоправимое. Служба безопасности аэропорта еще дальше. И, роняя картонки с шляпами, я бросаюсь в стеклянный оскал разбитого окна, оставляя на стеклянных зазубринах лоскуты красного пальто и свою кровь.

— Перестаньте!

Они меня не слышат.

— Прекратите!

До них не докричаться.

Я пытаюсь схватить Вацлава за рукав, но он, не глядя, отшвыривает меня на асфальт. Стеклянные занозы впиваются в ладони до крови. Ах, вот ты как!

Вскакиваю на ноги, вклиниваюсь между ними и получаю по удару с двух сторон. Удар кулаком, предназначенный Андрею, приходится мне в подбородок, на губах выступает кровь. Кулак Андрея врежется мне в бок. Я со стоном падаю между ними, и тут же надо мной склоняются, сталкиваясь, две головы, и двое Гончих, чуть не убившие друг друга мгновение назад, протягивают мне по руке.

— Ты в порядке? — спрашивают они хором.

— Я убью вас обоих, — шиплю я, но хватаюсь за обе руки и поднимаюсь на ноги.

— Что там происходит? — орут со стороны зала. Наконец-то служба безопасности проснулась!

— Двое парней подрались из-за девушки! — звонко докладывает француженка с алым шарфом, снимая происходящее на мобильный телефон. Похоже, уже сегодня видео будет в Интернете.

Вацлав и Андрей позволяют стражам правопорядка скрутить себе руки, сердитый полицейский бубнит:

— Вперед, супермены. Сейчас вы нам расскажете, как вы умудрились пробить стекло особой прочности.

И Гончих уводят куда-то в глубь аэропорта.

Меня, обняв за плечи, увлекает в сторону Аристарх. Проходя мимо француженки с алым шарфом, вижу откровенную зависть в ее глазах. Зря ты так, девочка. Никому не пожелаю пережить такое. И кого же ты мне напоминаешь в своем красном шарфе? Воспоминание острое, как укол булавкой, встает перед глазами: Замок Сов, телеведущая Глория поправляет алый шарфик от Гермес на шее. У француженки, конечно, шарф попроще... Но как же я могла забыть о двенадцати вампиршах? К этому времени они вполне могли найти то, что им оставил Жан. Или не могли? Ведь у меня остался недостающий кусочек головоломки.

Забыв об израненной осколками руке, лезу в карман пальто, того самого, в котором я была в тот вечер в замке, и нащупываю неровные края подвески в виде пазла. Украшение Кобры, я о нем и не вспоминала до этого дня. Так же как и про двенадцать вампирш, которым Жан оставил таинственное наследство... Впрочем, у меня есть оправдание. В последние дни меня куда больше заботили вопросы спасения собственной души, так что возможная угроза миру со стороны покойного, но неуспокоившегося Жана была задвинута в закрома памяти. Однако теперь сердце тревожно сжалось. Уж кому, как не мне, знать, что от двухсотлетних вампиров одни неприятности? Нам с Вацлавом будет чем заняться по возвращении в Москву.

— Жанна, как ты? — Вероник порывисто прижимает меня к себе, а затем, отстранившись, восклицает: — Твое пальто! Оно совсем испорчено!

— У меня традиция такая, — улыбаюсь я и морщусь из-за разбитой губы. Вероник заботливо протягивает кружевной платочек. Аристарх неловко шутит:

— До свадьбы заживет.

Эта фраза заставляет меня отвлечься от любопытной француженки, которая выпрыгнула в разбитое окно на улицу и теперь крошит осколки стекла своими острыми

каблучками. Не удивлюсь, если эта любопытная особа — журналистка.

Я в удивлении приподнимаю брови и перевожу взгляд с Вероник на деда:

— Вы уже назначили дату свадьбы?

Столетняя вампириша краснеет, как юная институтка, даже Аристарх на мгновение теряет дар речи.

— Что ж, я рад, что чувство юмора из тебя не вышибли, — нашелся он минуту спустя. Для него это целая вечность.

Внезапная мысль заставляет меня податься к разбитому окну. Где-то там в стеклянной пыли лежит Серебряная Слеза, которую я так и не успела взять у Андрея и которую он выронил во время драки. Но, приблизившись к проему, сквозь который в здание рвется зимний ветер, я вижу, что на асфальте нет серебра. Лишь разбитое вдребезги стекло...

Я быстро оборачиваюсь и успеваю заметить алый шарф, мелькнувший в толпе. Француженка торопится уйти, унося с собой скромную безделушку на память о ЧП в аэропорту, об истинной ценности которой она не имеет ни малейшего представления. Мою Серебряную Слезу.

Ее можно еще догнать, остановить, но я не трогаюсь с места. Что, если так и должно быть? За последнее время я забыла, что это такое — быть собой. Сначала на меня влияла кровь Жана, потом Серебряная Слеза гасила это влияние. Не пора ли мне самой разобраться, кто я такая? В конце концов, не озверели же двенадцать вампириш, которых тоже обратил Жан? Да и, сдается мне, что француженке с алым шарфом Слеза Милосердия сейчас нужнее, чем мне. Кто знает, может, уже сегодня она подберет на улице бездомного пса, а через месяц будет раздавать горячие обеды замерзающим клошарам?

Аристарх трогает меня за плечо, привлекая внимание, и я слышу, как объявляют посадку на наш самолет.

— Похоже, на этот рейс мы опоздали, — угрюмо говорит он, глядя в ту сторону, куда увели Гончих.

— Их отпустят? — спрашиваю я.

— Конечно, отпустят. — Он не выказывает ни малейшего беспокойства. — Вопрос только в том когда...

— Я готова ждать всю жизнь, — бормочу я.

— Кого? — нехстати уточняет Вероник, ставя картонки со шляпами на сиденье.

Я с досадой смотрю на нее. Что же тут непонятного? Во всем мире есть только один мужчина, способный заставить меня ждать.

Красивый. Дикий. Опасный. Неукротимый. Ослепительный. Как вспышка молнии в летнюю ночь.

Мужчина, прикосновения которого обжигают, как костер. Мужчина, чьи жгучие взгляды рождают в душе целую бурю. Мужчина, чья любовь испепеляет, но теперь я готова сгореть дотла.

Теперь я точно знаю, что этот мужчина предназначен мне судьбой.

Осталось только дожидаться, пока он сам это поймет.

А пока я подожду. Я готова ждать его целую вечность.

Мимо стремительно проходит высокая шатенка, и я машинально провожаю взглядом ее дорогую белую шубку. А это еще что, черт побери?! Позади девушки, бесцеремонно подталкивая ее под ноги, бежит сотканный из дыма скелетик, едва достающий ей до колен.

— Жанна, куда ты? — окликает меня голос Аристарха.

— Я скоро, — отвечаю на бегу, стараясь не упустить шатенку с никотиновым скелетом из виду.

Быть того не может, не может этого быть! Скелет — копия тех духов никотиновой зависимости, которых я видела в полубреду в офисе риелторского агентства «Милый дом», где работала до тех пор, пока не стала вампиром. Придя на работу на второй день после укуса Жана, я обнаружила, что офис кишмя кишит отвратительными скелетами, состоящими из зловонного дыма, которые следуют по пятам за нашими отъявленными курильщиками,

внушая им: «Курирь!» Причем, чем дольше времени прошло с момента последнего перекура «хозяина», тем призрачнее становятся очертания духа и тем активнее он скачет вокруг хозяина и тянет его в курилку, желая набраться сил... Как потом объяснил мне Вацлав, в первые дни после заражения вирусом я находилась на грани реальности и могла видеть часть потустороннего мира, доступную только магам. Неясно, что тогда сыграло свою роль — кровь Жана или моя собственная предрасположенность к ясновидению, только Вацлав мне ясно дал понять: среди вампиров магов нет. Лишь первые сутки заражения вирусом могут спровоцировать выплеск сверхъестественных способностей — и только. До этого момента повода усомниться в словах Вацлава у меня не было: видения мои прошли сами собой и не беспокоили меня до последней минуты, когда я увидела скелета, гнавшего высокую шатенку к курилке.

Теперь я летела за ней через толпу, стремясь не потерять из виду. Белая шубка мелькнула у дверей аэропорта и утонула в облаке сизого дыма на улице. Я притормозила у стеклянных дверей и широко раскрыла глаза, глядя на улицу, кишашую никотиновыми скелетами. Они крутились у ног курильщиков, сталкивались между собой. С каждой затяжкой близстоящего к ним человека они наливались дымом и становились плотнее, а глаза их вспыхивали адским красным пламенем...

Привела меня в чувство все та же белая шубка. Пребывая в благодушном настроении по случаю перекура, ее счастливая обладательница проплыла мимо, обдав меня запахом ментоловых сигарет. Следом за ней семенил довольный скелет, поглаживая себя по налитому сизым дымом животу. Мой пристальный взгляд уродцу не понравился: он повернулся ко мне, оскалился и зашипел. Из его пасти вырвались язычки красного пламени, и меня затошнило.

— Жанна, — сзади подошел Аристарх, — ты в порядке? Хочешь выйти на свежий воздух?

Я бросила взгляд на клубы сигаретного дыма за стеклом и панически замотала головой.

— Аристарх, — сглотнув, спросила я и кивнула на окно, — ты не замечаешь ничего странного?

Дед пристально уставился за стекло, выискивая что-либо необычное, а потом осторожно спросил:

— Нет, а что?

— Ничего, — буркнула я и шарахнулась в сторону от бросившегося мне под ноги скелета. Вовремя — потому что спешащий за ним по пятам хозяин, вытаскивавший на ходу пачку сигарет, смел бы меня с пути, не заметив.

Оставалось проверить еще кое-что.

— Аристарх, здесь есть Интернет?

— Кажется, да. — Он выглядел озадаченным. — А зачем тебе?

— Хочу кое-что посмотреть.

Зал с компьютерами, подключенными к всемирной паутине, подтвердил мои худшие опасения. На столах и вокруг них уютно расположились невидимые человеческому взору уродливые твари, приковывающие авиапассажиров к компьютерам. Похожие на Горлумов, духи компьютерной зависимости заставляли людей позабыть обо всем на свете, даже о посадке на рейс, лишь бы продержаться их подольше у монитора. Таких же уродцев я видела и в офисе «Милого дома» — они вольготно обосновались в отделе программистов. И мне тогда пришлось отправить мерзкую рожу в нокаут, чтобы достучаться до одного из ребят и убедить его устранить неполадку в моем компьютере.

Один из пассажиров с большой неохотой поднялся с места и, бросив взгляд на часы, сломя голову понесся из зала. Покинутый дух издал горестный вопль и запрыгал по клавиатуре, выискивая новую жертву.

Аристарх тронул меня за плечо:

— Столик освободился.

Мерзость на свободном столике встретила со мной взглядом и оскалилась. Я

отшатнулась и выскочила из зала. На недоуменный взгляд Аристарха ответила:

— Ничего, до дома подожду.

Аристарх с тревогой посмотрел на меня:

— Жанна, с тобой все в порядке? Может, стоит обратиться в медпункт? Все-таки ребята тебя серьезно заделали...

Минуту я смотрела на него немигающим взглядом, а потом коснулась разбитой губы и с облегчением улыбнулась:

— Нет, все в порядке.

Меня всего лишь стукнули по голове, и поэтому у меня возникли временные галлюцинации. Ничего этого на самом деле нет — ни отвратительных никотиновых скелетов, ни завывающих компьютерных Горлумов. Просто в результате столкновения с кулаком Вацлава разум временно помутился, а память возродила те кошмары, которые мне когда-то довелось видеть. Среди вампиров магов нет. И я не исключение. Нет-нет-нет.

Компьютерный дух, не в силах терпеть одиночество, выскользнул за дверь зала и теперь бросался под ноги спешащим пассажирам. Моднo одетая блондинка переехала уродца чемоданом «Луи Виттон», но потом остановилась, подняла глаза на вывеску «Интернет» и, мгновение поколебавшись, попятилась назад. Возликовавший Горлум помогал толкать ее набитый битком багаж, пока не исчез вместе со своей новой жертвой за дверями зала.

Я увлекла Аристарха в сторону кафе. Кофе, за которым ходил Вацлав, мне так и не достался, а мне срочно требовалось взбодриться. А еще лучше — закусить неприятные видения порцией клубничного чизкейка.

Не знаю, как там другие вампиры, а лично я предпочитаю крови карамельный латте!

Рейс на Москву улетел без нас. Аристарх, до последнего момента надеявшийся, что мы успеем на самолет, обреченно вздохнул и отправился сдавать билеты. Огорчала его не столько замена билетов, сколько повторение аттракционов «пустите нас в салон с десятью шляпными коробками!» и «у моей подруги нет перевеса — у нее просто большой гардероб!».

Вацлав появился минут через пятнадцать после того, как наш самолет затерялся среди набирающих яркость звезд. Один, без Андрея.

На мой вопросительный взгляд коротко сообщил:

— Он тебя больше не побеспокоит.

— Ты его сдал под трибунал? — нервно пошутила я.

— Надо было бы, — серьезно ответил Гончий. — Мы тебя не сильно заделали? — Он виновато замялся и провел пальцем под моей разбитой губой.

— Ерунда, — смущенно пробормотала я.

— Что с самолетом?

— Опоздали. Аристарх меняет билеты.

Вацлав кивнул и скользнул взглядом по сторонам.

— Надо бы подкрепиться.

Я махнула рукой в сторону кафе.

— Там делают отличный кофе. И я видела в витрине сэндвичи и пиццу.

Вацлав посмотрел на меня так, как будто я сказала несусветную глупость, и по его взгляду я поняла, какого рода голод он имел в виду. Но он же не собирается здесь?..

Ничего не говоря, Гончий поднялся с места и затерялся в толпе. А когда вернулся, ничто в его облике не выдавало беспорядка. Лишь когда он спросил что-то у Вероник, листавшей французский «Космополитан», я с содроганием заметила в уголке его губ еще не высохшую капельку крови. Чью? Блондинки? Брюнетки? Может, той самой француженки с алым шарфом? Шатенки в белой шубке? Или той блондинки с модным чемоданом, которая поддалась на провокацию компьютерного духа и забежала в Интернет-кафе? Вацлав — вампир. Он не признает крови из пробирки, это именно он заставил меня впервые отведать человеческой крови прямо из вены. И когда я целовала его неподвижные губы, пока он спал, я совершенно упустила из виду, что эти губы до меня жадно глотали кровь сотен людей —

как правило, преступников и отморозков, реже — обычных людей, которым не повезло попасться под руку голодному вампиру.

Гончий перехватил мой взгляд, и я неловко отвела глаза. Когда же я пойму, что Вацлав — не принц из сказки, а хладнокровный киллер. Чертовски сексуальный киллер, черт его побери!

— Поменял! — доложил довольный Аристарх. Видимо, переговоры по шляпным картонкам и перевесу прошли успешно. — Вылет через четыре часа, регистрация начнется через два.

Вероник скорчила утомленную гримаску и отложила в сторону «Космо».

— Еще столько ждать! А у меня уже и журнал весь прочитан. Вы не видели, здесь есть где-нибудь Интернет-кафе?

— Есть, — оживился Аристарх, — пойдем покажу. Заодно и проверю сайт своего журнала.

Но я представила, как Вероник и Аристарха обвивают руками невидимые им Горлумы, приковывая внимание вампиров к мониторам, и поспешила его перебить:

— Там ужас сколько народу, и я слышала, как посетители ругались, что Интернет дико тормозит! Давай я лучше куплю тебе другой журнал! — обратилась я к Вероник. — А ты, — глянула я на Аристарха, — уж потерпи до дома.

— Ладно, — кивнула Вероник. — Только «Вог» и «Эль» я в этом месяце уже читала.

У киоска с журналами я застряла надолго. Интересно же было поглядеть на обложки иностранного глянца! Попялившись на идиллические семейные фото Бранджелины, силиконовую грудь Перис Хилтон и сумочку от Боттега Венета из кожи питона у Киры Найтли, я выбрала несколько изданий. Весьма увесистых надо сказать! Но надо же чем-то убить время до регистрации и в полете. А ничто на свете меня так не успокаивает, как разглядывание одежды и мейкапа знаменитостей. С этим поистине расслабляющим зрелищем не могут конкурировать ни бегущая вода, ни горящий огонь.

Прикупив на сдачу симпатичный брелок с Эйфелевой башней для Сашки, я отправилась обратно в зал ожидания, когда мой взгляд выхватил из толпы ультрамодную сумочку от Боттега Венета — ту самую, которую я только что видела на обложке «ОК!», ту самую, что признали лучшей дизайнерской сумкой 2008 года. Я замедлила шаг, ревностно разглядывая спину счастливой обладательницы сокровища. «Боттега Венета» считается излюбленным luxury-брендом самых богатых женщин современности. Интересно, что за миллионерша передо мной? Девушка, изучающая расписание рейсов, никак не могла быть Кирой Найтли. До модельного роста Киры ей не хватало каких-то полуметра. Однако модница, которую я могла видеть только со спины, тоже была брюнеткой, и, судя по всему, прехорошенькой. На нее с интересом поглядывал импозантный француз лет сорока. Однако заговорить с ней месье так и не решился — был уведен в направлении курилки нетерпеливо покусывающим никотиновым скелетом. Когда же я избавлюсь от этих мерзких глюков?

Но тут брюнетка повернулась, и я чуть не ахнула. Да это же одна из двенадцати вампирш! Как ее там... Фабиана? Фабиола!

Я огляделась в поисках других полуночных посетительниц Замка Сов, но не обнаружила в бурлящей толпе знакомых лиц. Впрочем, было бы наивно полагать, что Ванесса Рейн или Дарла будут толкаться среди обычных пассажиров. К тому же мне вспомнилось, как многие вампирши торопились вернуться к своим делам, и только Кобра и Фабиола собирались задержаться в Париже. Однако, судя по поведению Фабиолы, в аэропорту она никого не ждала, и встреча лицом к лицу с Коброй мне не грозит.

Я двинулась за вампиршей в толпе и остановилась на расстоянии, когда она встала в хвост очереди на регистрацию. Интересно, куда это она собралась? Прочитав пункт назначения, я нахмурилась еще больше. Прага? И что она там, интересно, забыла? Однако, что бы это ни было — личные дела или встреча с другими вампиршами, ясно было одно: упускать ее из виду никак нельзя. Фабиола — один из ключиков к разгадке тайны. И рано или поздно она приведет к остальным вампиршам.

А пока Фабиола застряла в очереди, я успею сбежать за Вацлавом.

Гончий сидел один в окружении шляпных коробок и смотрелся весьма потешно.

— А где Вероник с Аристархом?

Он молча кивнул на кафе.

— Понятно. Слушай, тут одна из этих вампирш, которых я видела в замке!

Он разом подобрался, взгляд его стал серьезным и цепким.

— Ты уверена?

— На все сто процентов. Она летит в Прагу.

Гончий вопросительно взглянул на меня:

— Похоже, в Москву мы не летим?

— Всю жизнь мечтала побывать в Праге, — подтвердила я свою готовность к новым приключениям.

— И как, интересно, ты собираешься объяснить это своему деду? — усмехнулся он.

Да уж, задачка! После неприятностей, в которые я влипла в Париже, Аристарх побоится оставлять меня без присмотра. А скажи я ему, в чем причина нашего с Вацлавом скоропалительного отъезда в Прагу, дед и вовсе меня никуда непустит. В крайнем случае навяжется третьим. Поэтому я просто поставила его перед фактом — предъявив билеты в Чехию. Хотя на ближайший рейс в Прагу свободных мест не было, это не стало для нас препятствием. Стоило Вацлаву показать какую-то корочку, как двух пассажиров сняли с рейса, и вскоре мы уже держали в руках посадочные талоны. С визой тоже проблем не возникло — с Шенгеном для нас была открыта вся Европа.

Аристарх оторопел от такого поворота событий, но я пресекла его возражения и вопросы, заявив:

— После всего того, что со мной произошло в Париже, разве я не заслужила небольшие каникулы? Я всю жизнь мечтала побывать в Праге!

— А что я скажу твоей бабушке? — сдался он.

Я с облегчением вздохнула. Уж с бабушкой Лизой я как-нибудь сама разберусь!

— Смотри, — строго предупредил Аристарх Вацлава. — Отвечаешь за нее головой. И чтобы звонила мне каждый день! — Это он уже мне.

Я звонко расцеловала деда на прощанье, пожелала Вероник удачно устроиться в Москве и пообещала сразу же по возвращении прийти к ней на новоселье. Хорошо, что Вероник летит в Москву. Если бы не необходимость проводить подругу и помочь ей с обустройством, Аристарх бы наверняка увязался за нами. А под его неусыпным надзором разве поиграешь в шпионов?

— Смотри, вот она! — шепнула я Вацлаву, когда мы приблизились к стойке регистрации на рейс до Праги. Как раз подошла очередь Фабиолы.

Гончий пристально обследовал спину вампирши, но, когда та повернулась, держа в руке паспорт и посадочный талон, он вдруг отпрянул, желая слиться с толпой.

— Ты ее знаешь? — поразилась я. Только из опасения быть узнанным железный Вацлав мог спрятаться за чужой спиной.

— Конечно, нет, — уже полностью овладев собой, ответил он и отвернулся, делая вид, что изучает табло сбоку. А на самом деле — укрывая лицо от Фабиолы, которая быстрым шагом прошла мимо нас. Впрочем, предосторожности Вацлава были излишними: вампирша была озабочена тем, чтобы впихнуть паспорт с талоном в доверху набитую сумочку от Боттега Венета. Экое варварство! Так ведь она и по швам разойдется!

Проводив взглядом Фабиолу, я покосилась на невозмутимого Вацлава. Нет никаких сомнений: девушка ему знакома. И совершенно очевидно, что он ни за что не признается, где и при каких обстоятельствах они встречались. Даже и пытаться его разговорить не стоит. Что ж, хорошо бы, если бы эти обстоятельства помогли нам заполучить Фабиолу в союзницы и разыскать одиннадцать оставшихся вампирш...

А пока одной тайной больше, одной меньше — мне не привыкать. В конце концов, бессмертной жизни вполне хватит на то, чтобы раскрыть их. Одну за другой.

К жизни не прилагается гарантия, как к туфлям «Джимми Чу». И это здорово!

Москва, январь-май 2009